Рахманов Б.Р., Джураева Н.М., Джураева М.М.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII-XVIII ВЕКОВ



Рахманов Б.Р., Джураева Н.М., Джураева М.М.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII-XVIII ВЕКОВ



ДЕНАУСКИЙ ИНСТИТУТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПЕДОГОГИКИ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рахманов Б.Р., Джураева Н.М., Джураева М.М.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII-XVIII ВЕКОВ

УЧЕБНИК: ХРЕСТОМАТИЯ

Ташкент
"METODIST NASHRIYOTI"
2024

УДК: 821.161.1(075.8)
КБК: 81.2Рус
Д 73

Рахманов Б.Р.

Древнерусская литература. История русской литературы XVII-XVIII веков/Джураева Н.М., Джураева М.М. / Учебник:хрестоматия. – Ташкент: "METODIST NASHRIYOTI", 2024. – 328 стр.

В данном учебнике-хрестоматии «Древнерусская литература. История русской литературы XVII-XVIII веков» представлены тексты художественных произведений, отрывки из литературно-критических статей, даны сведения о жизни и творчестве писателей, вопросы и задания.

Предназначено для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Рецензенты:

Бакиров Поян Уралович
доктор филологических наук, профессор
(Термезский государственный университет)

Мусурманкулова Мадина Носировна
доктор философии (PhD) по педагогическим наукам, доцент
заведующий кафедрой русского языка и литературы Денауского института предпринимательства и педагогики

Данный учебник рекомендуется на издание приказом Министерства Высшего образования, науки и инноваций за №194, 29 мая 2024 года.

ISBN 978-9910-03-385-8

© Рахманов Б.Р. и другие, 2024.
© "METODIST NASHRIYOTI", 2024.

ВВЕДЕНИЕ

История Древнерусской литературы не может рассматриваться в отрыве от истории самого русского народа и Российского государства. Семь веков (с XI по XVII), в течение которых развивалась Древнерусской литературы, насыщены столькими значительными событиями в исторической жизни русского народа, что рассматривать их как единое целое нельзя. Поэтому возникает необходимость в подробной периодизации древнерусского литературного процесса, которая вызвана крупными изменениями в самой истории русского народа за эти семь столетий.

Древнерусская литература охватывает семь веков: XI – XVII вв. Большинство исследователей делят Древнерусской литературы на 3 периода:

1. Литература Киевской Руси - XI-XII вв.
2. Литература феодальной раздробленности - XIII-XV вв.
3. Литература централизованного русского государства XVI-XVII вв.

Приступая к изучению древнерусской литературы, необходимо учитывать ее специфические черты, отличные от литературы нового времени.

Большое значение имело введение христианства на Руси в конце X в. (988г.). Оно укрепило внутреннее положение древнерусского государства, содействовало дальнейшему развитию феодальных производственных отношений в стране. Христианская церковь стала сильнейшим орудием подчинения трудящихся масс господствующему классу. Дальнейшее развитие феодального способа производства неизбежно должно было привести к дроблению древнерусского государства, которое началось со второй половины XI в.

С введением христианства на Руси усилились культурные и политические связи между древнерусским государством и Византией. Главой христианской церкви в Византии признавался только византийский император. В случае принятия другими народами христианства от Византии, они

DENOV TADBIRKORLIK VA PEDAGOGIKA INSTITUTI ARM
№ 32045

должны были быть зависимы и с религиозной и с политической стороны от Византии. Но Владимир силой заставил императора отдать в жены его сестру и прислать церковнослужителей для крещения русских людей, поэтому при жизни Владимира претендовать на политическую зависимость древнерусского государства греки не могли. Но после смерти Владимира, начались междоусобные войны сыновей русского князя и Византия стала настойчиво добиваться полного подчинения молодой русской церкви константинопольскому патриарху и византийскому императору.

Вопрос о русской литературе XI в. связан с вопросом появления письменности в древнерусском государстве. Письменность же появилась еще задолго до введения христианства на Руси. Но его введение в 988 г. имело большое значение для дальнейшего развития и распространения письменности по всей территории древнерусского государства. Христианская церковная письменность требовала установления единой орфографии, единых приемов письма, единого письменного языка. Кроме того, переводная христианская литература, появившаяся на Руси после 988 г., знакомила русских людей с новыми нормами морали и нравственности, расширяла их умственный кругозор и сообщала им многие сведения исторического и географического характера.

Особенности древнерусской литературы:

1. Особая связь с историей и зависимость от неё.
2. Рукописный характер литературы. Существовало 4 вида рукописей:
   - авторская рукопись или оригинал;
   - копия или варианты (при этом не меняется ни идея, ни композиция);
   - редакция (сознательная переделка памятника);
   - извод (переделка памятника согласно диалекту).

Характерной особенностью древнерусской литературы является *рукописный* характер ее бытования и распространения. При этом то или иное произведение

существовало не в виде отдельной, самостоятельной рукописи, а входило в состав различных сборников, преследовавших определенные практические цели. «Все, что служит не ради пользы, а ради прикрасы, подлежит обвинению в суетности». Эти слова Василия Великого определяли отношение древнерусского общества к произведениям письменности. Значение той или иной рукописной книги оценивалось с точки зрения ее практического назначения, полезности.

В XI – первой половине XIV вв. основным материалом для письма был пергамент, который изготовлялся из кожи телят и ягнят. Этот дорогостоящий материал был доступен только имущему классу, а ремесленники и торговцы пользовались для своей деловой переписки берестой. Береста также выполняла функцию ученических тетрадей.

Для экономии писчего материала слова в строке не разделялись, и только абзацы рукописи выделялись красной буквой – инициалом, заголовком – «красной строкой».

Написанные листы сшивались в тетради, которые переплетались в деревянные доски. Доски переплета обтягивались кожей, а иногда облекались в специально изготовленные из серебра и золота, так называемые оклады.

В XIV в. на смену пергаменту пришла бумага. Это более дешевый материал для письма облегчил и ускорил процесс письма.

Огромную роль в развитии русской культуры сыграло возникновение книгопечатания в середине XVI в. Первая печатная книга появилась в XVI в при русском царе Иване Грозном. Она называлась «Апостол», напечатанная Иваном Федоровым.

Однако вплоть до XVIII в. печатались книги преимущественно церковные, а художественные произведения по-прежнему бытовали и распространялись в рукописях.

3. Древнерусская литература связана с фольклором, что свидетельствует об анонимности памятников.

4. Имперсональность, анонимность произведений ДРЛ – нет персоны и личного начала. Памятники разных авторов. Это было следствием религиозно-христианского отношения феодального общества к человеку, и в частности к труду писателя, художника. В лучшем случае нам известны имена отдельных авторов, «списателей» книг, которые скромно ставят свое имя либо в конце рукописи, либо на ее полях, либо в заглавии произведения. В большинстве же случаев, автор произведения предпочитает оставаться неизвестным, а порой скрывается под именем какого-нибудь церковнослужителя. В средневековом обществе не существовало понятия авторского права, индивидуальные особенности личности писателя не получили такого яркого проявления, как в литературе нового времени. Переписчики нередко выступали в роли редакторов и соавторов.

5. Связь с религией. Основными хранителями и переписчиками книг Древней Руси, как правило, были монахи, менее всего заинтересованные в хранении и переписке книг мирского содержания. И это во многом объясняет, почему подавляющее большинство дошедших до нас произведений древнерусской письменности носит церковный характер.

6. Синкретизм – соединение различных жанров.

7. Утилитарность – принцип полезности. Это значит, что памятники читались не для развлечений, а для воспитания.

8. Установка на серьезность – в ДРЛ даже смех является серьезным.

9. Литературный этикет – определенные правила для создания литературного произведения.

10. Традиционность.

11. Особая система жанров:

- жития – описания жизни *святого* (человек канонизированный церковью);
- хождения – путешествия по святым местам и его описания;
- поучение – наставление;
- слово – проповедь, святое сказание.

Характерной особенностью древнерусской литературы является историзм. Ее героями являются преимущественно исторические личности, она не допускает вымысла и строго следует факту.

Историзм ДРЛ носит специфический средневековый характер. Ход и развитие исторических событий объясняется с религиозной точки зрения. Героями произведения являются князья, правители государства. Однако, отбросив религиозную оболочку, современный читатель без труда обнаруживает ту живую историческую действительность, подлинным творцом которого был народ.

Ведущими принципами ДРЛ являются символизм, историзм, ритуальность, дидактизм и этикетность, вбирающие в себя строгое описание фактов и идеальное преображение действительности. Будучи единым, этот художественный метод по-разному проявляется в различных произведениях. В зависимости от жанра, времени создания, степени талантливости его автора эти принципы получали различное соотношение и стилистическое выражение. Историческое развитие древнерусской литературы шло путем постепенного разрушения цельности ее метода, освобождения от этикетности, дидактизма и христианской символики.

СИСТЕМА ЖАНРОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Система жанров Древнерусской литературы перенесена из Византии (греческая литература).

Жанр – тематическая группа произведений определенной формы, со сходной композицией и художественными приемами.

Род – способ отражения действительности: эпический, лирический, драматический. В Древнерусской литературы в силу особенностей развития до середины XVII в. развивались жанры только эпического рода и в основном церковные. Исследователи все жанры Древнерусской литературы разделили на 2 группы:

I. **Церковная** переводная и оригинальная литература.

II. **Светская** литература, в основном исторического содержания.

Во второй половине XVII в. в Москве путем переноса из Польши, возникло стихотворство и драматургия.

I. К **церковной литературе** (оригинальной и переводной) относится:

1. Ветхий Завет (Библия).
2. Новый Завет (Евангилие).
3. Гимнография – церковные песнопения.
4. Патристика – поучения знаменитых византийских богословов, получивших классическое греческое образование и принявших христианство и перенесших в жанр церковного красноречия традиции античного красноречия.

Самым распространенным жанром здесь является жанр **слова** (жанр церковного красноречия).

5. Агиографическая литература (agios - святой, grapha- писать). К агиографической литературе относится **жанр жития** – жизнеописания святых, действительно живших людей, которые после смерти за христианские подвиги были признаны церковью святыми – канонизированы (узаконены).

Жития писались в сборниках – **патериках** (pater – отец, монах): «Римский патерик» (переведен в XI в.), «Синайский патерик» (переведен в XI в.), «Киево-печерский патерик» (XIII в.), «Соловецкий патерик» (XV в.).

Жанр жития делится на:

а) **Княжеские жития** – оригинальный вид жития. В центре – князь, совершивший подвиг в защиту православия и родной земли, освобождает родные земли от врагов. Представляет собой одновременно житие и описание исторических событий. («Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Александра Невского», «Житие Дмитрия Донского» и др.)

б) **Мученические жития** – мартирии (mort – греч. *смерть*). В центре этого жития - святой мученик. Описывают какую-либо ситуацию из жизни святого: о борьбе с язычниками, с инакомыслящими, с языческим Римом. Святой погибает мученической смертью от рук врагов, но одерживает моральную победу. Впервые такие жития появились при распространении христианства на Руси в начале XI в. Затем эти жития стали распространяться при нашествии татаро-монгольского ига в XII-XIII вв. И третий этап начался при царе Иване Грозном во время опричнины. Первым мученическим житием считают **«Житие Бориса и Глеба»**.

в) **Исповеднические жития.** Святой проповедует слово божье, при помощи которого святой обращает язычников в христиан. Внимание сосредотачивается на праведном деле святого. Пример этого жития - «Житие Стефана Пермского».

г) **Преподобнические жития.** В центре герой – основатель монастыря, пустыни. («Житие Феодосия Печерского», «Житие Сергия Радонежского»).

В XV в. в связи с ожиданием конца света (1492 г.) происходит вспышка религиозности: активно уходят люди в пустыни, монастыри, посвящая себя молитвам и страданиям. Эти жития посвящены откровениям о божьем суде и благой вести для праведников. Придается большое значение искушениям и аскетизму (*аскеза* – отказ от всех земных благ). Особое внимание уделяется *умной молитве*, т.е. внутреннему монологу, обращению к богу с покаянием в грехах и самобичевание. В этих житиях рассказывается о том, что человек должен отказываться от земных благ, поселяться в

пустынном месте и молиться Богу. Этот вид жития больше всего повлиял на русскую литературу XIX в. (Достоевкий «Идиот», «Братья Карамазовы», Толстой «Отец Сергий»). (Примером может послужить «Житие Феодосия Печерского», «Житие Сергия Радонежского»)

д) **Святительские жития** – появились в XV в., когда возросло влияние церкви после падения Константинополя (1452 г.), возросла роль высшего духовенства. Герой этих житий – святитель, на котором после принятия высшего церковного чина – патриарха, митрополита, - есть дух божий. Сам герой приобретает способность святительства. Цель этого вида жития – прославление глав церкви. («Житие митрополита Петра»).

г) **Сподвижнические жития**. Герои этих житий – отшельники, пустынножители, столпники (заключение в столпе с целью смирения). («Житие Кирилла Туровского», «Житие Семена Столпника»).

ж) **Житие юродивых** (урод). Герой сознательно отказывается от благ мира, своего состояния и принимает добровольное нищенство. Юродивые пользовались уважением и неприкосновенностью. («Житие Василия Блаженного»).

Все жития могли объединяться в сборники. Один из них «Четьи Минеи» (чтение по месяцам).

6. **Хождения** – описание путешествия к святым местам (в Палестину) с целью религиозного очищения, покаяния в грехах. («Хождения Игумена Даниила в Палестину», 1106-1108 гг.). Позднее возникли хождения светские, описывающие путешествия с торговыми и другими целями в другие страны. («Хождение Афанасия Никитина за три моря», 1468-1474 гг.).

II. Светская литература

1. «Повесть временных лет», откуда есть пошла земля русская и кто впервые стал княжить, и откуда земля стала есть (1113 г., сост. Нестор).

Сборник, в который вошли более древние летописные своды: «Древнейший Киевский свод» (1039), «Новгородский

летописный свод» (1036), «Первый Киево-Печерский свод» (1073), «Второй Киево-Печерский свод» (1095). Они не сохранились самостоятельно, только в составе «Повести временных лет». Кроме летописных сводов вошли Византийские хроники, договоры, тексты священного писания, легенды, сказания. Нестор – монах Киево-Печерского монастыря, объединил разнородный материал, придав ему общую идею: независимости, целостности русского государства, неприкосновенности достояния предков ни для чужих, ни для своих феодалов, необходимости беречь и защищать родину. Нестор довел изложение до 1110 г., а в 1116 г. Сильвестр – монах Выдубецкого монастыря создал вторую редакцию «Повести временных лет».

Тексты 1113 и 1116 годов не сохранились. До современности дошли списки:

- Лаврентьевская летопись, 1377 г. (переписчик Лаврентий);
- Ипатьевская летопись 20-х гг. XV в. (Ипатьевский монастырь).

2. Историческая повесть.

Сюжет разрабатывает действительно происшедшие исторические события, иногда с большой долей вымысла, утверждаемого за истину.

а) **Переводные исторические повести.** «Повесть об Александре Македонском».

б) **Исторические повести о княжеских усобицах**, сражениях, преступлениях. «Повесть об ослеплении князя Василька Требовольскаго».

в) **Воинские повести** – повествования о героических подвигах в защиту Родины. В центре описания осады крепостей и защиты их осажденными. Обычно эти военные события имеют общерусское или мировое значение. Повести имеют провиденческий характер (исполнение предсказанной ранее судьбы), обрамляющую композицию, центральных героев, противопоставленных жестоким врагам, включены плачи по погибшим, используются постоянные формулы в описании сражений, гиперболы, легенды, которые

исполняются. («Повесть о разорении Рязани Батыем», 1237г.; «Повесть о взятии Царьграда», 1453г.).

3. Исторические сказания – изображение одного сюжетного завершенного эпизода на тему истории. («Сказание о походе кн.Игоря на половцев в 1185 г.»).

4. Предания. В основе лежит легенда, связанная с культом предков (Смерть Олега от своего коня).

5. Легенды – связаны с культовыми событиями, христианским объяснением названий (топонимические легенды).

6. **Погодная запись** – краткая запись с указанием числа (запись по годам). («В год 6420 (912) И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить...») Погодные записи короткие: о природных явлениях, о походе князя, о его смерти, о затмении, о голоде, землетрясении, потопе и т.д.

7. Красноречие светское – письменная речь хвалебного и назидательного характера с использованием приемов красноречия: торжественная речь, с ритмической организацией речи. Жанры, характерные для светского красноречия – ***слово, поучение, моление.***

а) **Слово** – «Слово о полку Игореве» (1187), «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и его брате Владимире Андреевиче («Задонщина»)» (1380).

б) Поучение – произведение назидательного характера. «Поучение Владимира Мономаха».

в) Моление - произведение просительного характера, молитвы. «Моление Даниила Заточника».

8. Публицистика – произведения на злобу дня, принимающие участие в общественной борьбе.

а) Письма, переписка. «Переписка Ивана Грозного и кн.Андрея Курбского».

б) Воззвания, прокламации (не имеют литературного значения).

9. Сатирические повести XVII в. «Повесть о куре и лисице», «Калязинская челобитная», «Повесть о Шемякином суде».

10. **Бытовые повести** XVII в. «Повесть о Горе-Злосчастии», «Повесть о Фроле Скобееве».

11. **Силлабическое стихотворство и драматургия** XVII в.

а) Стихи Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный», «Рифмологион».

б) Переводная и школьная драматургия. «Комедия-притча о блудном сыне».

Вопросы и задания:

1. Расскажите об особенностях древнерусской литературы.
2. Назовите жанры, существовавшие в древнерусской литературе (система жанров).

ЛЕТО
ПИСАНИЕ

Русское летописание грандиозно по своему размаху. Его писали многие поколения летописцев на протяжении семи веков, с XI – XVIII. Что же представляет собой древнейшая русская летопись?

Древнейшая русская летопись была составлена до 1044 г. по гипотезе А.Шахматова эта летопись заканчивалась 1037г., под которым помещена похвала Ярославу Мудрому. В нескольких строках автор сумел передать меткую, исчерпывающую характеристику деятельности Ярослава и его политики: организовал вокруг себя кружок писателей, создал своего рода литературную академию, т.е. собрал много книг, с целью просвещения русского народа и составления его начальной истории.

В распоряжении авторов древнейшего летописного свода 1037 г. имелись многочисленные устно-поэтические предания за ближайшие 100-150 лет, которые и легли в основание их работы. Кроме того, они пользовались византийскими хрониками, переведенными с греческого языка на русский. Из всего этого разного материала они создали целостное произведение, поражающее своей продуманностью и художественным мастерством.

Авторы древнейшего летописного свода явились подлинными выразителями государственных интересов древнерусского народа. Они подходили к своим источникам с патриотических позиций, т.е. там, где были противоречивые исторические факты, они следовали за народными преданиями. Сравним например эпизод, в котором рассказывает о крещении княгини Ольги. В изложении ее современника византийского императора Константина Порфирогенита, большее внимание уделено описанию самой церемонии приема русской княгини византийским императором и подаркам, розданным при этой церемонии. В рассказе же древнейшего летописного свода главный упор

делается на том, как византийский император был одурачен княгиней Ольгой:

Центральное место в древнейшем летописном своде занимает рассказ о крещении Руси Владимиром. Это обширное повествование, состоящее из трех частей: 1) выбор Владимиром новой веры; 2) речь философа о сущности христианства; 3) похвала князю Владимиру. В первой части дается краткое описание известных в то время вероисповеданий и критика их, приписываемая Владимиру.

Во второй части в форме так называемого сократического диалога пространно излагаются на основе библейских сказаний судьбы человечества от сотворения мира до появления Христа.

В третьей части, заключающей все повествование, описывается похвала князю Владимиру. Автор сравнивает русского князя с римским императором Константином и так как Константин признан византийской церковью святым за введение христианства в Римской империи, то и Владимир должен получить такое же признание за введение христианства на Руси.

Дальнейшее содержание древнейшего летописного свода относится к эпохе Ярослава, сына Владимира. Наибольшее значение в этом разделе древнейшего летописного свода имеет повесть о Борисе и Глебе, в которой идет речь о кровавой междоусобной борьбе, начатой сыновьями Владимира после его смерти.

Древнейший летописный свод 1037 г., гипотетически восстановленный А. Шахматовым, явился первым выдающимся трудом по начальной истории русского народа. Он насыщен патриотическим пафосом, выдвигает идею равноправия русского народа с крупнейшим государством средневекового мира – Византийской империей.

Первый летописный свод явился выдающимся памятником древнерусской художественной литературы первой половины XI в. Он отразил сложную, богатую событиями и сильными характерами жизнь древнерусского государства. Говоря о заслугах первых русских князей,

древнейший летописный свод нигде не стремится идеализировать их. Высоко ставя Владимира как просветителя русской земли, автор все же не оправдывает его властолюбия, проявившегося в междоусобной борьбе с братьями, его склонности к крутым мерам при достижении поставленной цели, когда он, заставляя народ креститься, прибегал к угрозам.

Язык древнейшего летописного свода живой, разговорный, образный и выразительный, много пословиц и поговорок, крылатых выражений.

Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля.

Так начнем повесть сию.

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. <.....>

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, — было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сеннаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот 40 лет, и не свершили его. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись

славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Неро, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю варягов, от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

DENOV TADBIRKORLIK
VA PEDAGOGIKA
INSTITUTI ARM
№ 32045

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуня устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Диво видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к царю, то, говорят, что великих почестей удостоился от царя, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти этих братьев потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена

существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов - также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли, как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это уже после — при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая Скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывали, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не

бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

По прошествии времени, после смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?». Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этому суждено унизить землю Египетскую». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. «От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1

год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет» а от пленения до Александра 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила сего 542 года». А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, с тех пор как он сел в Киеве, до первого года Игорева 31 год, а от первого года Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года Святославова до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет. <...>

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, словяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по

Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?». Те же ответили: «Были три брата» Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде. <...>

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им

платить дань хазарам, сказав: «Я враг их и вам им платить незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?». Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал. < ..... >.

В год 6406 (898). < .....>. Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснил святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал он им: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли, — начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих, и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так:

«Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят Бога все народы», и другое: «Пусть все народы восхвалят величие Божие, поскольку дух святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозваны были потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский. <...>.

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду: греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и

начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, дадим тебе дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей. <...>. Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные», — и было так. И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6420 (912). <...> И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?». И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе и умереть?». Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил

несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?». Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?». И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». Послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси. <...>.

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика, позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?». Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами:

«Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: "Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье", — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града, На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним, и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?». Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И натопили баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда и заварили его. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась

налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать высокий холм могильный, и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?». Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско. <...>.

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и, увидев, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому,

и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю, и пришла в Киев. Произошло это, как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела великую мудрость и чудеса: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — Божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на улицах возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...». Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудростью, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Склонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели

сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, обратился к вам, и не внимали, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе беды, обличающего же нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых, как язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия. <...>.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?». Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и

всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?». И ответили они: «Пост по силе: «если кто пьет или ест, то все это во славу Божию», — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские жиды и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?». Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?». Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?». И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?».

Затем прислали греки к Владимиру философа. <...>

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли жиды. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и

не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?». И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, у кого какая служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом 10, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?». Они же рассказали ему все. Услышав это, царь обрадовался и в тот же день сотворил им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила взожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их

различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?». Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его, Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали, они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — сам крещусь!». И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство

небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате.

Вопросы и задания

1. Каковы основные идеи и жанровый состав «Повести временных лет»?
2. Расскажите наиболее интересные и поучительные моменты повести.
3. В чем заключается историческое и художественное значение «Повести»?

«СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»

«Сказание о Борисе и Глебе» - один из самых уникальных и новаторских для своей эпохи древнерусских текстов. Во-первых, это первое произведение житийного жанра в отечественной средневековой письменности и одновременно пронизанный тонким психологизмом рассказ. Во-вторых, автор выходит за трафаретные для христианской литературы рамки агиографического описания и дает совершенно новый, до него неизвестный образец прославления святых, тем более что это были первые русские святые недавно познакомившейся с христианством Русской земли. Наконец, «Сказание», созданное на заре отечественной книжности, оказалось в литературном отношении необыкновенно совершенным произведением, высоким образцом словесного творчества, доступно, ярко и убедительно пропагандировавшим высокие православные идеи.

Текст погружает читателя в обстановку трагических обстоятельств «первых времен усобиц», которые разразились в связи с борьбой за власть после смерти крестителя Руси Владимира в 1015 г. Из повествования следует, что освободившийся престол занял коварный Святополк, который пытается устранить своих братьев, как возможных соперников на пути к верховной власти. Посланные Святополком убийцы настигают Бориса на Альте, который, зная о замысле брата, добровольно и неколебимо встречает смерть. Предупрежденный об опасности Глеб, так же добровольно идет навстречу собственной гибели, но при встрече со зловещими посланцами на Днепре близ Смоленска он призывает заговорщиков к состраданию, но, тем не менее, не противится смертной участи. Смиренным страстотерпцам противостоит энергичный Ярослав, который выступает справедливым мстителем убийце своих братьев. Потерпев поражение от него в 1019 г., Святополк Окаянный находит печальный конец в изгнании, а занявший в результате кровавого междоусобия престол Ярослав становится единодержцем всей Руси. По существу Ярослав является

третьим героем «Сказания», который пожинает политические плоды жертвенности своих братьев. Считается, что он первоначально и выступил инициатором чествования Бориса и Глеба, пример которых нравственно урегулировал остроту межкняжеских противоречий. Идея непротивления старшему в роде освящается Церковью, поэтому русские иерархи и потомки Ярослава придают памяти братьев-страстотерпцев характер общегосударственного культа, переносят мощи святых в специально построенный для них храм и оковывают раки драгоценными металлами. С приданием культу братьев общегосударственного значения видимо и было связано появление самого текста «Сказания». Церковно-государственное почитание святых приурочивается к 24 июля.

Как уже говорилось, в основу «Сказания» положены реальные драматические факты, освещающие последние дни жизни младших сыновей Владимира Святославича. Но, прославляя подвиг Бориса и Глеба, автор «Сказания», в отличие от греческих образцов житийной литературы, отказывается от последовательного описания биографий святых героев и сосредотачивает внимание на кульминации их жизненных путей, на испытании веры и убеждений смертью. Он подробно, с дотошностью летописца, описывает действия героев, все из которых являются реальными историческими лицами. Одновременно он добивается редкой живости изображения и создает эффект присутствия, которого можно было достичь только благодаря правдивой передачи рассказов очевидцев. Однако ценность произведения не в его исторической достоверности, а в могучем духовном и нравственном заряде, который заключает в себе это выразительный памятник ранней русской словесности.

В исторически конкретную и правдивую форму во всех отношениях красивого повествования создатель «Сказания» вкладывает важную политическую идею вассальной верности и безоговорочного подчинения власти старшего в правящем роде князей. Эта идея столь значима и высока, что за нее

можно положить свою голову, что и демонстрируют своим поведением герои «Сказания». Но самое главное, и в этом заключается религиозно-учительное ядро произведения, «Сказание» возвеличивает как идеал твердую неколебимость истинно верующих людей, преодолевших страх смерти ради высоких убеждений. Именно поэтому в произведении прославляются не военно-политические деяния Бориса и Глеба, а подвиг добровольного принятия ими смерти. Христианский смысл поведения Бориса и Глеба заключен не в мученической гибели за веру - в их поведении нет и тени героизма - а в необычайном смирении, в вольном выборе жертвенной смерти на которую святые неколебимо идут, подражая Христу. Мученическая гибель князей-страстотерпцев представлена как сакральное действие, сопоставимое с жертвенным подвигом Сына Божия. Добровольное принятие страданий и смерть князей представлены автором как безупречное следование Христу, как бы соучастие в страстях Христовых. Смерть, по мысли автора, не должна вызывать жалости. Гибель князей показывает не их слабость, а достойную подражания силу преодоления притяжения мира сего, чем утверждается высший ценностный статус горнего идеала. Непротивление смерти заключает в себе важную идею христианского вероучения: пренебречь этим грешным миром, ради приобщения к миру горнему, последовать Христу, чтобы стать его избранником.

Есть все основания говорить о гениальности автора «Сказания», который в высоко художественной форме с тонким психологизмом и драматизмом передал представления об идеальном христианском поведения и впервые в древнерусской литературе приложил принципы высокой христианской нравственности к властно-политической сфере. Кроме того, он сформулировал несколько новых, не знакомых христианской письменности идей. Здесь в первую очередь следует отметить, что святые выступают как общегосударственные «обереги» (то есть их культу придается апотропеический характер). Борис и Глеб предстают небесными защитниками своего Отечества от

внешних врагов и от носителей внутренней смуты. При этом святые выступают не в качестве посредников между Богом и миром, как это обычно трактуется на страницах христианской книжности, они сами являются носителями могущественной сверхъестественной силы, и этой поистине божественной силой свершают чудеса, оказывая небесное покровительство невинно страдающим людям. Не чужда «Сказанию» также идея роковой предопределенности. В этом отношении весьма показательна трактовка образа Святополка. По убеждению автора порочные черты братоубийцы предопределены рождением его от двух отцов и монахини. Ведь Владимир после убийства Ярополка взял себе в жены вдову своего соперника, которая прежде первого своего замужества была черницей. Поэтому в произведении и говориться, что от этого порочного брака, от двух отцов произошел порочный плод. Установки на свободное уклонение к греху в данном сюжете не просматривается, объяснение порока выглядит более фольклорным, чем строго церковным.

Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу

Господи, благослови, отче!

«Род праведных благословится, — говорит пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время

еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки - Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса - в Ростове, а Глеба - в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира - впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал он тогда к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею». < ..... >.

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях поставил в церкви святой Богородицы. < ..... >.

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было

правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путшу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки - преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел он перебить всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это. <...>

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старейшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми Твоими святыми, ты Бог милостивый, и славу Тебе возносим вовеки! Аминь». <...>

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как

претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. <...> И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то, затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава Тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим. Не захотел Ты сам избегнуть мук, ничего не пожелал себе, последуй заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому, Владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как господу угодно - так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукой своей!» И, сказав это, опечалилась.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, - где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!».

Был же он родом венгр по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочил он в оторопе из шатра.

<...> И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив голову ему, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И, увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянный: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не тая, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изгложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле

оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат. Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы, мне, господи? Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня,

братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте». Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя». <...>

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили. <...>

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, — как сказал Давид, — «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангольское пение. И ни

единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволеньем Божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бежал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, Господи, — да будут отмщены братья мои! Если телом вы и отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам, его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божьим. И побежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную.

<...> И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как

видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положила Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом. < ..... >.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир не может их вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди других людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас кесарями или князьями, но

самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы кесари кесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Дмитрий своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердный Дмитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской! < ..... >.

О блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Поэтому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и междоусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишеством и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но Ты прости, и, хотя беззаконие творим, помилуй, и впавших в заблуждение, как блудницу, простя нас и, как мытаря, оправдай.

Да снизойдет на нас милость Твоя! Да прольется на нас человеколюбие Твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь

нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, Господи! Рассуди нас по милости Твоей, Господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев Твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость Твою на овец стада твоего, ведь тБог наш и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Вопросы и задания

1. Дайте определение жанра «жития».
2. К какому виду литературы относится жанр жития?
3. Каковы особенности этого жанра?
4. К какому виду житийного жанра относится «Сказание о Борисе и Глебе»? Докажите.
5. Какие исторические события положены в основу «Сказания»?
6. Наблюдается ли в «Сказании» отступление от канонов написания произведений житийного жанра? Докажите свой ответ.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» — самый совершенный в художественном отношении памятник древнерусской литературы (создан в 1185—1187 гг., возможно, в 90-х гг. XII в.).

Рукопись «Слова» была обнаружена в Спасо-Преображенском монастыре (г. Ярославль) одним из наиболее известных и удачливых коллекционеров письменных и вещественных памятников русской старины — графом А.И.Мусиным-Пушкиным (1744-1817). Подлинная рукопись «Слова» погибла в огне московского пожара 1812 года. Сохранилась только копия текста, сделанного в XVIII в. для Екатерины II, и издание списка сгоревшей рукописи, осуществленное в 1800 г. Отсутствие оригинала и черты яркой неповторимости произведения послужили причиной сомнения в его подлинности, ибо вдохновляли скептиков на отнесение его на более позднее время. Однако многочисленными исследованиями доказана беспочвенность такого рода выводов, более того, выявлена зависимость от него ряда древнерусских произведений (псковского «Апостола» 1307 г., «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище»). Памятник не укладывается в традиционные представления о древнерусской культуре, сформировавшиеся под влиянием официальной Церкви. Из поля зрения духовной цензуры выпадал оригинальный глубоко национальный и независимый от внешних церковных воздействий пласт культуры. Много споров ведется о том, кого считать автором памятника. Чаще всего исследователями создается его обобщенный образ, при этом отмечается его близость и сочувствие герою «Слова», его приверженность к устному народному творчеству, высокая образованность и тесные связи со средой книжников. Установление конкретного лица не имеет принципиального значения для оценки памятника, ибо автор давно уже поднялся над конкретными лицами и сословиями, выразив стремление измученного раздорами общества к прекращению феодальных усобиц. Автор «Слова»

не идет по пути лишь поэтической вырисовки канвы современной истории. Ему присущ широкий сравнительный охват времен и событий, из чего вырастает оценочный подход к действительности и умение проникаться глубинной сутью происходящего.

В произведении можно выделить три уровня постижения действительности, каждому из которых соответствует особый способ познания: эмпирический, художественный и символический. Все три способа типичны для древнерусской культуры и характеризуют различные стороны познавательной деятельности средневекового человека. Довольно точное воспроизведение реальности природного мира и исторической обстановки — это как бы начальная стадия восприятия. За ней следует обобщение, выражающееся в образном, художественном, поэтическом осмыслении событий. Наконец, символический план обнаруживает за реальными действиями их вечный смысл и скрытые, объемлющие культурное наследие многих веков пласты.

В основе сюжета памятника средневековой русской литературы конца XII века — неудачный половецкий поход Игоря Святославича 1185 года, который он совершил в союзе с другими князьями. Князья Новгород-Северской земли не принимали участия в успешном походе в 1184 году князей киевских Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича против половецкого хана Кобяка.

На следующий год князь Игорь Святославич решил пойти с малыми силами в безрассудно смелый поход на своего бывшего союзника половецкого хана Кончака, боясь, что его могут обвинить в умышленном бездействии. В первом бою русские князья разбили половцев, но, углубившись в степи, потерпели поражение у речки Каялы, в Донской степи и были пленены.

Чисто внешне «Слово» посвящено неудачному походу князя Новгород-Северского Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Но это событие наводит автора на размышления об истории страны в самом широком смысле и постижение существенных черт эпохи. Частный эпизод русско-половецких

войн претворен в событие общерусского масштаба, что придало монументальное звучание основной идее — призыву к князьям прекратить усобицы и объединиться перед лицом внешнего врага. Соединив книжные и фольклорные традиции, неизвестный автор создал уникальное произведение лирико-эпического жанра; будучи христианином, он вместе с тем прибегает и к опоэтизированным языческим образам. Автор свободно пользуется мифологическим арсеналом для выражения своих мыслей, и поэтому «Слово» донесло до нас отзвуки славянских мифов о богах. Сакральное отношение к природным силам сказалось и в создании ведущего образа всего произведения — образа Русской земли. Мир природы и человека предстает в нем гармонизированным, о чем свидетельствуют указания на близость и даже родство людей, природы и богов. Герои «Слова» напрямую вступают в контакт с природой, при этом материальные объекты, части мироздания оживляются.

Постижение исторического бытия в «Слове» отмечено глубиной охвата времен, обозримость которых теряется в «веках трояних». Легендарная эпоха сменяется историческим временем, которое распадается на три в ценностном отношении неравных отрезка (время дедов, отцов и внуков) и объемлет собой исторически обозримую память поколений. Заложенные в «Слове» принципы циклического временного восприятия исторических событий нельзя назвать соответствующими христианству. Но налицо и отступление от исконной мифологической культуры, распространяющей циклизм лишь на природу. Все это свидетельствует о неоднородности памятника в мировоззренческом плане. Он отразил то переходное состояние древнерусской культуры, когда христианство в полном объеме еще не было освоено обществом. Миф в изначальной своей общественной функции отмирал, но из его обломков возник образец песенной, близкой к эпическому стилю поэзии.

Художественное своеобразие «Слова о полку Игореве»

«Слово» стремится не к передаче последовательных моментов игорева похода и возвращения Игоря из плена, а к возбуждению прежде всего чувства жалости и участия к игоревой беде и к уяснению всего происшедшего в плане определённой политической ситуации. С этой целью автор «Слова» даёт ряд сменяющих друг друга лирических картин, в которых фактический элемент отходит на задний план и уступает место образному описанию отдельных наиболее драматических моментов, связанных с судьбой Игоря и его войска.

Автор «Слова» колеблется над тем, как начать повествование: «по былинам сего времени», т.е. в соответствии с историческими повестями своего времени, или по «замышлению Бояна», т.е. так, как воспевал подвиги князей поэт, живший во второй половине XI и в начале XII в., автор «Слова» решает выбрать первый путь, не стремясь угнаться за буйной фантазией Бояна. Но отказавшись на словах следовать за ним, автор то и дело идёт по его стопам и вместо традиционной воинской повести создаёт одновременно страстную лирическую песню и волнующее публицистическое произведение, сам становясь судьёй не только настоящего, но и прошлого русской истории, неоднократно отвлекаясь от описаний, чтобы перейти к рассуждениям и размышлениям. Точные факты автора не интересуют, ему важней передать общее впечатление от событий и заставить читателя пережить и прочувствовать их. Также следует отметить, что автор «Слова» почти не предлагает точных фактов, относящихся к битве, зато в нём с художественной выразительностью переданы весь её драматизм и всё её необычайное напряжение.

Впечатление трагизма событий усиливается от сопоставления их с давними событиями поры зачинателя княжеских раздоров и междоусобиц Олега Святославовича, когда погибало достояние русского народа, когда погибало достояние русского народа, когда некому было вспахивать

русскую землю. Тяжко было русской земле, но так тяжело, как после поражения игорева войска, ещё никогда не было.

«Слово о полку Игореве» совмещает в себе жанры ораторского произведения, воинской исторической повести, героической песни. Отсюда и наименования его самим автором то «словом», то «песнью», то «повестью». Жанровые признаки повести и песни в «Слове» самоочевидны, но в нём присутствуют и особенности, свойственные ораторскому жанру и сказывающиеся прежде всего в непосредственном обращении автора к своим слушателям и читателям.

Отличительная черта «Слова» - богатая образно-символическая насыщенность «Слова» - отличительное его качество. Поэтическое олицетворение, метафора, сравнение, параллелизм - всем этим в избытке переполнено «Слово». Важнейшей особенностью, обуславливающей богатство его поэтических красок, является неразрывная связь в нём мира природы и человека. Природа принимает здесь самое активное участие -дружеское или враждебное - участие во всех происходящих событиях; животные и растения, земные и небесные стихии очень живо отзываются как на беду, так и на радость Игоря, его войско и всех тех, о ком упоминается в «Слове». Так, например, мрачными предзнаменованиями природа сопровождает сборы Игоря в поход и сам поход.

Обильные и богатые эпитеты и сравнения «Слова» - сплошь из мира природы. Боян - соловей, Всеволод - буй-тур, «поганый половчин» - чёрный ворон. В согласии с общим характером поэтического стиля «Слова» находится его разнообразная и красочная символика. Символические соответствия - излюбленное средство образного раскрытия фактов и событий в «Слове». Движение половецких войск символизируется здесь в образе чёрных туч, стремящихся прикрыть четыре солнца, т.е. четырёх князей, участников похода. Битва символически уподобляется то посеву, то брачному пиру.

С символами неразрывно связана метафора, на каждом шагу сопровождающая изложение событий в «Слове». Игорь «истягну умь крепостию своею и поостри сердце своего

мужеством»; беда «пасёт птиць по дубию» ; «щекот славий успе, говор галичь убудися»; «кровавыя зори свет поведают»; «печаль жирна тече средь земли Рускыи».

Образная насыщенность «Слова» обуславливается также богатством его эпитетов. Одним из излюбленных автором эпитетов является «златой» и «сребреный».

Характерной чертой «Слова», необходимо отметить присутствие монологической и диалогической речи, риторических восклицаний и вопросов.

В истории предшествовавшей и современной «Слову» русской литературы нет ни одного памятника, который по своему художественному значению не только бы стоял наряду со «Словом», но хотя бы в какой-то мере приближался к нему. Впрочем, это не значит, что «Слово» было одиноким в древнерусской литературе. Нет никакой уверенности в том, что не существовали и другие памятники, которые по своему значению, может быть, не равнялись со «Словом», но были в какой-то степени с ним схожи. То обстоятельство, что «Слово» до нас вообще дошло, является в значительной степени результатом случайности.

Но как бы то ни было, и одно уже «Слово о полку Игореве» является блестящим показателем той высоты культурного развития и народного самосознания, какая достигнута была древней Русью ещё в отдалённую пору, в первые столетия её государственной жизни. «Слово», во всяком случае, по своим художественным качествам стоит в одном ряду с лучшими созданиями мирового героического эпоса.

Слово о полку Игореве
(дословный перевод Д.С. Лихачева)

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его -
В похвалу трудам его и ранам -

По былинам времени сего,
Не гоняясь в песне за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И. встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые.-
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.
Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил.
Мужество избрал себе опорой.
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края.
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, -
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
"То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!"
Или так воспеть тебе,
Боян, Внук Велесов, наш военный стан:
"За Сулою кони ржут.
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!"

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй тур Всеволод: "Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои, давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные -
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,

Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!"

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина.
Князь промолвил: "Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей.
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!"
Вспала князю эта мысль на ум -
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
"Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!"

4

Игорь-князь во злат стремень вступает.
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,

Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Суду, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим.
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы -
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червленый брешет,
Стон и скрежет в сумраке ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.

Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Челку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега -
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин -
Будь то сокол, будь то гордый кречет.
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться.
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки -
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая.
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою.
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,

Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани,
В злат стремень вступал, готовясь к сече.
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог.
Внук Дажьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало.
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.

Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день. рубились день-другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина.
Славный пир дружины завершили -
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Стень поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают.
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
На Русь несутся тучей,

И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
"Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!"

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный
Святослава храбрые сыны -
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наших покарав,
Это зло великое грозою
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами

Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день. рубились день-другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой, на Каяле.
Недостало русичам вина.
Славный пир дружины завершили -
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Троянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают.
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,

И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел на сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
"Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да златом!"

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный
Святослава храбрые сыны -
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наших покарав,
Это зло великое грозою
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами

И поганых ратей не щадил -
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава.
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил.
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло.
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
"С вечера до нынешнего дня, -
Молвил князь, поникнув головою, -
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.

Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море".

2

И бояре князю отвечали:
"Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины".

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И. как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье:

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканыо,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово.
Со слезами смешано, сказав:
"О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов.
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отметить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
"Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую".
Диво ль старцу — мне помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.

Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли. двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, -
Горе князю в сече боевой!"

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, -
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны -
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.

Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла.
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака. государь,
С дальних гор на ворога ударь
За Русскую землю,
За Игоревы раны -
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.

Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод!
И вас Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны -
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
И сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
"Твою дружину, княже. приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог".

И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она. покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел,
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем.
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем -
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:

День и ночь снопы кладут на риге -
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав -
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане.
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь.
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Все ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
"Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда".

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.

Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давыд,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая.
Голос Ярославны молодой;
"Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь".
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
"Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?"
На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,

Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
"Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!"
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
"Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?"

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу родному -
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит -
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула

Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.
В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.
Без дорог летит и без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.
Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,
Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там.
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы. Игоря встречая.
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет веселый возвещая.
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея.
Рек Донец: "Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь".-
"О река! — ответил князь, — немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И, когда дремал он под листвою,

Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою.
Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав.
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле".

6

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца -
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
"Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак -
Золотой стрелой его подстрелим".
И тогда сказал ему Кончак:
"Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак -
Мы его опутаем девицей".-
"Коль его опутаем девицей, -
Отвечал Кончаку старый Гзак, -
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!"

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
"Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво".

Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси -
Игорь-князь явился на Руси.
Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.
По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.
И страны рады,
И веселы грады.
Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:
Слава князю Игорю,
Буй тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Слава всем, кто, не жалея сил.
За христиан полки поганых бил!
Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям и дружине слава!

Вопросы и задания:

1. Когда и кем впервые была найдена и опубликована рукопись «Слова о полку Игореве»?
2. Что лежит в основе сюжета «Слова»?
3. В чем заключается основная идея «Слова».
4. К какому жанру относится «Слово»? Найдите подтверждения в тексте.
5. Как в «Слове» изображаются князья?
6. В чем заключается значение «Слова»?

Хождение Афанасия Никитина за три моря.

Хождение Афанасия Никитина относится к 15 в. – 1475 г.

Автор **«Хождения за три моря»** Афанасий Никитин был тверичем, но вспоминая свою родину, он вспоминает Русь в целом, всю русскую землю. Сочинения Афанасия Никитина

было доставлено в Москву и вошло в московские летописные своды.

В отличие от традиционного типа паломника, набожного церковника, отправляющегося в «святую землю» с религиозными целями, Афанасий Никитин – человек светский, предприимчивый, энергичный купец – задумывает путешествие на неведомый Восток с торговыми намерениями – выгодно продать там свои товары и на вырученные деньги привезти на Русь товары заморские. Вероятно, им руководила его природная любознательность. Первоначально он задумал быстро ехать в Персию, присоединившись с несколькими москвичами и тверичами к свите шемахинского посла к Ивану III, возвращавшегося обратно в Шемаху. По дороге, не доезжая до Астрахани, одно судно Афанасия было взято в плен татарами, другое разбилось. Свой путь до каспийского моря он вынужден был продолжить на судне шемахинского посла, а затем сухим путем, через Дербент и Баку, отправился в Персию и потом в Индию. На обратном пути не доезжая до Смоленска Афанасий умер. Путешествие его продолжалось с 1466 по 1472 гг.

Больше всего в своем сочинении путешественник говорит об Индии, быт и природу которой рисует очень подробно, сообщая о ней много реальных сведений, но иногда вносит и элементы фантастики. Стиль «Хождения» - стиль дневниковых записей, которые автор не сумел и не успел упорядочить. Язык простой, несложный, почти отсутствуют старославянские и церковные слова. Но зато много употребляются персидские, тюркские, арабские слова. Много лирических отступлений, в которых автор выражает скорбь по поводу своей оторванности от родного ему религиозного уклада и от родной земли. В своем «Хождении» он говорил не только о том, что он наблюдал во время своего путешествия, но и о самом себе. Афанасию казалось необычным, что женщины ходят с непокрытой головой. Это считалось в то время и позже на Руси грехом и позором.

Афанасий Никитин приезжает в один из главных городов Индии – Бедер, и тут ему бросается разница между бедными и

богатыми. В описании всего увиденного Афанасием много преувеличения, вымысла. Будучи в чужой земле, Афанасий не раз испытывает искушение. Трудно ему, христианину, ладить с «бесерменами».

Иногда Афанасий даже не прочь предаться скептическим размышлениям, обнаруживая при этом большую веротерпимость. Но в большинстве случаев он строго придерживается православной веры, потому что она тесно связана у него с чувством родины, и Афанасий испытывает большое стеснение оттого, что не имеет возможности выполнять христианские обряды.

Печаль Афанасия тем сильнее, что он любит свою землю и не знает другой, которая была бы лучше ее, несмотря на то, что власть имущие чинят в ней несправедливость.

Путешествие заканчивается лирическим размышлением автора. Кстати, молитва Афанасия Никитина на старославянском церковном языке прерывается у него магометанской молитвой на арабском языке и такой же молитвой заканчивается «Хождение».

Путешествие Афанасия Никитина интересно и тем, что представляет немалую историко-литературную ценность, так как может рассматриваться как предвестник очерковой литературы и в то же время как показатель культурного уровня русского человека.

Интересно «Хождение» и тем, что в нем очень отчетливо проявляется незаурядная индивидуальность автора. Он выступает перед нами прежде всего как смелый, настойчивый, очень предприимчивый, любознательный и наблюдательный человек. Пускается он и в трудное и рискованное путешествие, имея ввиду главным образом коммерческие выгоды. Серьезные неудачи, постигшие Афанасия почти в самом начале путешествия, не заставили его тотчас вернуться не родину: его волевая и упорная натура не позволяет ему отступать от намеченной цели; ему не по душе участь неудачника, не добившегося никаких результатов своего предприятия, и он, преодолевая большие трудности и лишения, ищет новых удач на новых местах.

Попутно он присматривается к неведомой стране и неведомым людям, к их нравам, к обычаям, к культуре и записывает то, что видит и слышит.

Такая широта воззрений Афанасия Никитина является необычной и новой для его времени и его среды. Он человек, устоявшийся в своих традициях и в преданности своей вере и своей земле, не отступающий от этих традиций, несмотря на искушения, он в то же время способен понять и чужую веру и признать ее правоту, лишь бы она учила одного бога знать и призывать.

Хождение за три моря Афанасия Никитина (перевод Л.С. Семенова)

В год 6983 (1475) <...>. В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне – за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя.

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море – Дербентское, дарья Хвалисская, второе море – Индийское, дарья Гундустанская, третье море – Черное, дарья Стамбульская.

Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостью, от государя своего великого князя Михаила Борисовича Тверского, от владыки Геннадия Тверского и от Бориса Захарьича.

Поплыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто. Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.

Плывем мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма – не бегите!» А мы этого ничего не слыхали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили

голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек; а в другом судне – шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли – чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншах посла тотчас послал к шурину своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху в ставку его – койтул.

Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакав, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.

А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море – в Чапакур.

И прожил я в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле. А оттуда пошел к Амолю и жил тут

месяц. А оттуда пошел к Демавенду, а из Демавенда – к Рею. Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда, и пало на убийц проклятие Мухаммеда – семьдесят городов разрушилось.

Из Рея пошел я к Кашану и жил тут месяц, а из Кашана – к Наину, а из Наина к Иезду и тут жил месяц. А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана – к Тарому, домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман фиников. А из Тарома пошел к Лару, а из Лара – к Бендеру – то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.

А Ормуз – на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы пошел я в таве с конями за море Индийское.

И шли мы морем до Маската десять дней, а от Маската до Дега четыре дня, а от Дега до Гуджарата, а от Гуджарата до Камбея. Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли к Чаулу, а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула. И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети родятся каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много – дивятся белому человеку. У тамошнего князя – фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних – фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят – фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят – голова не

покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.

Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийский. А от Умри семь дней пути до Джуннара.

Правит тут индийский хан – Асад-хан джуннарский, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воюет он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах – индийских кораблях.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь – целых четыре месяца – всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, козы гундустанские называются, а брагу – из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле родятся быки да буйволы – на них ездят и товар и иное возят, все делают.

Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.

В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. (Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром); а любят белых людей.

Зимой у них простые люди ходят – фата на бедрах, другая на плечах, а третья на голове; а князья да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. (О боже, боже великий, господь истинный, бог великодушный, бог милосердный!)

И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу – в Мухаммеддини. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил – четыре дня, на Спасов день, на Успенский пост. Да господь бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю – оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.

Солгали мне псы бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска, то дешево. Те, кто возят волов за море, те пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафары, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.

А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири – пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов – столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок

ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.

В Бидаре на торгу продают коней, камку, шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хорасанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой – меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними – хорасанцы в доспехах на конях, сами в доспехах и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.

Есть тут одно место – Аланд, где шейх Алаеддин (святой, лежит и ярмарка). Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней – до двадцати тысяч коней – продавать да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой богородицы. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детенышей родится у них много, и если который из них родится ни в мать,

ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат (людей забавлять).

Весна у них началась с Покрова святой богородицы. А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.

Бидар – стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет – бояре правят, а княжат хорасанцы и воюют все хорасанцы.

Живет здесь боярин-хорасанец, мелик-ат-туджар, так у него двести тысяч своей рати, а у Мелик-хана сто тысяч, а у Фарат-хана двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.

Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести и все в золоченых доспехах, и перед ним – трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурыки называются.

Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие – кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень – и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.

По ночам город Бидар охраняет тысяча стражей под начальством куттавала, на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.

Продал я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят восемь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество.

И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а (веры Иисусовой) христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя – ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать. Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии восемьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.

Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана – то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка. Шел я с индусами до бутханы месяц. И у той бутханы ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вкруг бутханы – как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый – в образе человека, второй – человек, но с хоботом слоновым, третий человек, а лик обезьяний, четвертый – наполовину человек наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.

На праздник бута съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени для бута, а с коней – по четыре футы. А

съезжается к бутхане всего людей (двадцать тысяч лакхов, а бывает время и сто тысяч лакхов).

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у бута копье. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето (срам не прикрыт), и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом – бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, – ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле – то их поклоны. А есть садятся – руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать – дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча. В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских – Иерусалим, то для индусов Парват. И Съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины

все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованымедью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову – матерью. На помехе их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же (гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить – дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны – хороша, 6 фун – хороша и черна, черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша).

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней добесерменского улу байрама. А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю – наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взяло собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядив веры христианской. Праздников христианских – ни Пасхи, ни Рождества Христова – не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И живя среди иноверных (молю я бога, пусть он сохранит меня: «Господи боже, боже истинный, ты бог, бог великий, бог милосердный, бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, господи боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню (с женщиной не ложился я). И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал. (Господи боже, бог милостивый, бог милосердный, бог господь, бог великий), бог

съезжается к бутхане всего людей (двадцать тысяч лакхов, а бывает время и сто тысяч лакхов).

В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у бута копье. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето (срам не прикрыт), и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом – бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, – ту еду не едят. Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниц на землю, весь вытянется на земле – то их поклоны. А есть садятся – руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да пепел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать – дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча. В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских – Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины

все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. (Ей-богу!) А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованымедью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.

Индусы быка называют отцом, а корову – матерью. На помехе их пекут хлеб и кушанья варят, а той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же (гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить – дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны – хороша, 6 фун – хороша и черна, черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша).

Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней добесерменского улу байрама. А когда Пасха, праздник воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю – наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взяло собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядив веры христианской. Праздников христианских – ни Пасхи, ни Рождества Христова – не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И живя среди иноверных (молю я бога, пусть он сохранит меня: «Господи боже, боже истинный, ты бог, бог великий, бог милосердный, бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, господи боже). Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь (с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом). Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье, постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню (с женщиной не ложился я). И молился я Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного бога именем не призывал. (Господи боже, бог милостивый, бог милосердный, бог господь, бог великий), бог

царь славы (бог зиждитель, бог всемилостивейший, – это все ты, о господи).

От Ормуза морем идти до Калхата десять дней, а от Калхата до Дега шесть дней и от Дега до Маската шесть дней, а от Маската до Гуджарата десять дней, от Гуджарата до Камбея четыре дня, а от Камбея до Чаула двенадцать дней, и от Чаула до Дабхола шесть дней. Дабхол же в Индостане пристань последняя бесерменская. А от Дабхола до Кожикоде двадцать пять дней пути, а от Кожикоде до Цейлона пятнадцать дней, а от Цейлона до Шабата месяц идти, а от Шабата до Пегу двадцать дней, а от Пегу до Южного Китая месяц идти – морем весь тот путь. А от Южного Китая до Северного идти сухим путем шесть месяцев, а морем четыре дня идти. (Да устроит мне господь крышу над головой.)

Ормуз – пристань большая, со всего света люди тут бывают, всякий товар тут есть; что в целом свете родится, то в Ормузе все есть. Пошлина же большая: ей всякого товара десятую часть берут.

Камбей – пристань всего Индийского моря. Делают тут на продажу алачи да пестряди, да киндяки, да делают тут краску синюю, да родится тут лак, да сердолик, да соль. Дабхол – тоже пристань весьма большая, привозят сюда коней из Египта, из Аравии, из Хорасана, из Туркестана, из Бен-дер-Ормуза; отсюда ходят сухим путем до Бидара и до Гул-барги месяц.

И Кожикоде – пристань всего Индийского моря. Пройти мимо нее не дай бог никакому судну: кто ее пропустит, тот дальше по морю благополучно не пройдет. А родится там перец, да имбирь, да цветы муската, да орех мускатный, да каланфур – корица, да гвоздика, коренья пряные, да адряк, да всякого коренья родится там много. И все тут дешево. (А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные.)

А Цейлон – пристань немалая на Индийском море, и там на горе высокой лежит праотец Адам. А около горы добывают драгоценные камни: рубины, да фатисы, да агаты, да бинчаи, да хрусталь, да сумбаду. Слоны там родятся, и цену им по росту дают, а гвоздику на вес продают. А Шабатская пристань на Индийском море весьма большая. Хорасанцам платят там

жалованье по тенке на день, и большому и малому. А женится хорасанец, ему князь шабатский дает тысячу тенек на жертву да жалованья каждый месяц по пятьдесят тенек дает. В Шабате родится шелк, да сандал, да жемчуг, – и все дешево.

А Пегу тоже пристань немалая. Живут там индийские дервиши, а родятся там драгоценные камни: маник, да яхонт, да кирпук, и продают те камни дервиши. Китайская же пристань весьма велика. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево. А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят к приезжим чужестранцам да спят с ними, и дают они чужестранцам деньги на содержание, да приносят с собой кушанья сладкие, да вино сладкое, да кормят и поят купцов, чтобы их любили, а любят купцов, людей белых, потому что люди их страны очень черны. А зачнет жена от купца дитя, то купцу деньги на содержание муж дает. А родится дитя белое, тогда купцу платят триста тенек, а черное дитя родится, тогда купцу ничего не платят, а что пил да ел, то (даром по их обычаю). Шабат же от Бидара в трех месяцах пути; а от Дабхола до Шабата – два месяца морем идти, а до Южного Китая от Бидара четыре месяца морем идти, делают там фарфор, да все дешево.

А до Цейлона идти морем два месяца, а до Кожикоде месяц идти.

В Шабате же родится шелк, да инчи – жемчуг скатный, да сандал; слонам цену по росту дают. На Цейлоне родятся аммоны, да рубины, да фатисы, да хрусталь, да агаты. В Кожикоде родится перец, да мускатный орех, да гвоздика, да плод фуфал, да цветы муската. В Гуджарате родится краска да лак, а в Камбее – сердолик. В Райчуре же родятся алмазы (старой копи и новой копи). Алмаз продают по пять рублей почка, а очень хорошего – по десять рублей. Почка алмаза новой копи (по пять кени, черного – по четыре – шесть кени, а белого алмаза – одна тенка). Алмазы родятся в горе каменной, и платят за локоть той горы каменной: новой копи – по две тысячи фунтов золотых, а старой копи – по десять тысяч фунтов. А землей той владеет Мелик-хан, султану служит. А от Бидара тридцать ковов.

А что евреи говорят, что жители Шабата их веры, то неправда: они не евреи, не бесермены, не христиане, иная у них вера, индийская, ни с иудеями, ни с бесерменами не пьют, не едят и мяса никакого не едят. Все в Шабате дешево. Родится там шелк да сахар, и все очень дешево. По лесу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам на людей нападают, так что из-за мамонов да обезьян у них ночью по дорогам ездить не смеют.

От Шабата посуху десять месяцев идти, а морем – четыре месяца <нрзб.> У оленей домашних режут пупки – в них мускус родится, а дикие олени пупки роняют по полю и по лесу, но запах они теряют, да и мускус тот не свежий бывает.

Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапакуре в Мазандаранской земле, третью Пасху – в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.

Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты молитву (совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я – три раза. Я – чужестранец, а ты – здешний)». Он же мне говорит: «Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь». И я сильно задумался, и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду.

Господи, боже вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай, господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, господи боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой (бог покровитель, ты, боже, господи милостивый, господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала богу). Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее бог ведает, что будет. Господи боже мой, на тебя уповал, спаси меня, господи боже мой».

В Бидаре Великом, в бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зорю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток. На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, наряженных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю, а на шее – огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком – им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султане кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей, чтоб к султану не подступали близко. А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка – золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.

А махдум сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А остальные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.

В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладкого овоща нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг родится, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Кашане жарко, но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.

В Сивасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь (бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, боже, боже, боже!). Господи, боже мой! На тебя уповал, спаси меня, господи! Пути не знаю – куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти – из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джехан-шаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти – значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить – значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты. Мелик-

ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море. Семь князей захватил да казну их взял: вьюк яхонтов, вьюк алмазов, да рубинов, да дорогих товаров сто вьюков, а иных товаров его рать без числа взяла. Под городом стоял он два года, и рати с ним было двести тысяч, да сто слонов, да триста верблюдов. В Бидар мелик-ат-туджар вернулся со своею ратью на курбан байрам, а по-нашему – на Петров день. И султан послал десять везиров встретить его за десять ковов, а в кове – десять верст, и с каждым везиром послал по десять тысяч своей рати да по десять слонов в доспехах,

У мелик-ат-туджара садится за трапезу каждый день по пятьсот человек. С ним вместе за трапезу садятся три везира, и с каждым везиром по пятьдесят человек, да еще сто его бояр ближних. На конюшне у мелик-ат-туджара две тысячи коней да тысячу коней оседланными день и ночь держат наготове, да сто слонов на конюшне. И каждую ночь дворец его охраняют сто человек в доспехах, да двадцать трубачей, да десять человек с барабанами, да десять бубнов больших – бьют в каждый по два человека. Низам-ал-мульк, Мелик-хан да Фатхулла-хан взяли три города больших. А рати с ними было сто тысяч человек да пятьдесят слонов. И захватили они яхонтов без числа, да других драгоценных камней множество. И все те камни, да яхонты, да алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.

Султан выезжает на прогулку в четверг и во вторник, и с ним выезжают три везира. Брат султана совершает выезд в понедельник с матерью да с сестрой. И женок две тысячи выезжает на конях да на носилках золоченых, да перед ними ведут сто верховых коней в золотых доспехах. Да пеших множество, да два везира и десять везирыней, да пятьдесят слонов в суконных попонах. А на слонах сидит по четыре человека нагих, только повязка на бедрах. И пешие женки наги, носят они за ними воду – пить и умываться, но один у другого воды не пьет.

Мелик-ат-туджар со своей ратью выступил из города Бидара против индусов в день памяти шейха Алаеддина, а по-нашеу – на Покров святой богородицы, и рати с ним вышло пятьдесят тысяч, да султан послал своей рати пятьдесят тысяч, да пошли с ними три везира и с ними еще тридцать тысяч воинов. И пошли с ними сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищалями. Мелик-ат-туджар пошел завоевывать Виджаянагар – великое княжество индийские. А у князя виджаянагарского триста слонов да сто тысяч рати, а коней у него – пятьдесят тысяч.

Султан выступил из города Бидара на восьмой месяц после Пасхи. С ним выехало двадцать шесть везиров – двадцать бесерменских везиров и шесть везиров индийских. Выступили с султаном двора его рати сто тысяч конных людей, двести тысяч пеших, триста слонов в доспехах и с башенками да сто лютых зверей на двойных цепях. А с братом султана вышло двора его сто тысяч конных, да сто тысяч пеших, да сто слонов в доспехах.

А с Мал-ханом вышло двора его двадцать тысяч конных, шестьдесят тысяч пеших, да двадцать слонов в доспехах. А с Бедер-ханом и его братом вышло тридцать тысяч конных, да пеших сто тысяч, да двадцать пять слонов, в доспехах и с башенками. А с Сул-ханом вышло двора его десять тысяч конных, да двадцать тысяч пеших, да десять слонов с башенками. А с Везир-ханом вышло пятнадцать тысяч конных людей, да тридцать тысяч пеших, да пятнадцать слонов в доспехах. А с Кутувал-ханом вышло двора его пятнадцать тысяч конных, да сорок тысяч пеших, да десять слонов. А с каждым везиром вышло по десять тысяч, а с некоторыми и по пятнадцать тысяч конных, а пеших – по двадцать тысяч.

С князем виджаянагарским вышло рати его сорок тысяч конных, а пеших сто тысяч да сорок слонов, в доспехи наряженных, и на них по четыре человека с пищалями.

А с султаном вышло двадцать шесть везиров, и с каждым везиром по десять тысяч конной рати, да пеших по двадцать тысяч, а с иным везиром по пятнадцать тысяч конных людей

и по тридцать тысяч пеших. А великих индийских везиров четыре, а с ними вышло конной рати сорок тысяч да сто тысяч пеших. И разгневался султан на индусов, что мало людей с ними вышло, и прибавил еще пеших двадцать тысяч, да две тысячи конных, да двадцать слонов. Такова сила султана индийского, бесерменского. (Мухаммедова вера годится.) А раст дени худо донот – а правую веру бог ведает. А правая вера – единого бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать.

На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама (по вере Мухаммеда, посланника божья). А когда Пасха, воскресение Христово, – не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.

Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась – один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.

А индийский великий князь могуществен и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит – удивительное место, для всего пригодные. Та сторона не проходима – путь через город идет; ни с какой стороны город не взять: гора там огромная да чащоба злая, колючая. Стояла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.

Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силой взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками стояла. И рати его погибло пять тысяч лучших воинов. А взял город – вырезали двадцать тысяч мужского полу и женского, а двадцать тысяч – и взрослых, и малых – в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек за голову, а иных и по пять, а детей – по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.

Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. В Каллуре триста алмазников живут (оружье украшают). Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Аланда пошел в Амендрие, а из Амендрие – к Нарясу, а из Наряса – в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу – пристани моря Индийского.

Большой город Дабхол – съезжаются сюда и с Индийского и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабище бога вышнего, творца неба и земли, призадумался о вере христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взошел в таву и сговорился о плате корабельной – со своей головы до Ормуза-града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхола-града на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.

Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «Олло перводигер, олло конъкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-русски это значит: «Боже, господи, боже, боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!»

В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много роздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.

А Оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Шираза шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Шираза пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней. А из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел, и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума – в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасан-бека. В ставке его был десять дней, потому

что пути никуда не было. Узун Хасан-бек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили, и пошли войной на караманского правителя.

А из ставки Узун Хасан-бека пошел я в Эрзинджан, а из Эрзинджана пошел в Трабзон.

В Трабзон же пришел на Покров святой богородицы и приснодевы Марии и был в Трабзоне пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате – со своей головы золотой дать до Кафы, а на харч взял я золотой в долг – в Кафе отдать.

И в том Трабзоне субаши и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей – все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.

Божией милостью дошел я до третьего моря – Черного, что по-персидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Боны, и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного стояли мы пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. (Боже истинный, боже покровитель!) Кроме него – иного бога не знаю.

Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. (Бог творец!)

Милостию божией прошел я три моря. (Остальное бог знает, бог покровитель ведает.) Аминь! (Во имя господа милостивого, милосердного. Господь велик, боже благой, господи благой. Иисус дух божий, мир тебе. Бог велик. Нет бога, кроме господа. Господь промыслитель. Хвала господу, благодарение богу всепобеждающему. Во имя бога милостивого, милосердного. Он бог, кроме которого нет бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет бога, кроме господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец,

создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всеведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благий.)

Вопросы и задания

1. Дайте определение жанра «хождения».
2. Почему «Хождение Афанасия Никитина за три моря» относится к жанру хождения?
3. Определите сюжетные элементы произведения.
4. Выпишите примеры из текста, связанные с религией.
5. Через какие испытания пришлось пройти Афанасию Никитину во время своего путешествия. Сколько времени оно длилось?

«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ»

Ермолай-Еразм входит в когорту русских выдающихся писателей XVI столетия. Его перу принадлежат сочинения разной жанровой направленности: «Зрячая пасхалия», «Повесть о рязанском епископе Василии», «Благохотящим царям правительница и землемерие», «Моление к царю». Безусловно, лучшим произведением писателя, подлинной жемчужиной его творчества является «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

О биографии писателя известно немного. В Москву он попал из Пскова, где был священником и занимался литературным творчеством. Даровитый пскович оказался в поле зрения царского книгочея Кир-Софрония. В 1555 г. он уже являлся протопопом кремлевской церкви Спаса на Бору и параллельно привлекался к сводческой работе митрополитом Макарием по созданию «Великих Миней Четьих». Тогда же он и получил возможность обратиться к Ивану IV с проектом государственных преобразований, но не встретил понимания. Из-за притеснений мыслитель покинул столицу, постригся во Пскове в монахи, приняв имя Еразм.

Ермолай выступает горячим поборником сильной самодержавной власти. Он обличает праздность и богатство, которое, по его мнению, возможно создать только «насилием» и «ухищрением». В своем главном политико-публицистическом сочинении писатель объявляет основой благосостояния общества труд и скорбит о тяготах занятого производительным трудом крестьянства. Он предлагает царю облегчить положение основного производителя общественных благ, для чего считает целесообразным заменить денежные подати натуральными и освободить крестьян от ямской повинности.

В «Слове о рассуждении любви и правды» формулируются дерзкие для иерархического средневекового общества принципы равенства всех людей. Здесь с позиций христианского закона любви утверждается, что с любовью надо относится ко всем одинаково без различия в положении

людей. Некоторые исследователи не без основания считают автора этого сочинения идеологом крестьянства.

Ермолай-Еразм скорее всего приступил к созданию «Повести о Петре и Февронии» по предложению митрополита Макария в связи с соборной канонизацией муромских святых в 1547 г. Одновременно он работал над «Повестью о рязанском епископе Василии», которая вошла составной частью в житие муромского князя Константина, канонизированного в 1549 г. В «Повести» были использованы уже существовавшие к этому времени материалы церковной службы Петру и Февронии, датирующиеся XV в. Однако задуманного жития не получилось, а получилась впечатляющая сюжетно-образным узором нравоучительная сказочная повесь. Заявленная как церковное житие «Повесть» практически не имеет точек соприкосновения с традиционным житийным каноном. Но вместе с тем она буквально соткана из сказочных и легендарных мотивов. Петр как былинно-сказочный герой вступается за честь брата и побеждает змея, который в образе брата Павла повадился являться к Павловой жене. Сражается он волшебным Агриковым мечом, которым принадлежал великану и которым только и можно победить злую силу. От крови нечистого змея тело муромского князя покрывается струпьями. По аналогии с европейскими и русскими фольклорными сказаниями героя излечивает врачевательница, которая таким образом добывает себе мужа (ср. Тристан и Изольда, Джилетта из Нарбоны в «Декамероне»).

Традиционно «Повесть о Петре и Февронии» трактуется как прославление гармоничной семейной пары, как высокий пример супружеской верности. Но все эти качества, согласно тексту произведения, справедливо будет отнести только к Февронии: она намечает себе избранника в увеченном князе; она вынуждает пассивного Петра взять ее замуж, а когда тот пытается уклониться, то упорно борется за свою любовь; наконец именно Феврония спасает своего супруга от вышедших из повиновения бояр и, наконец, именно она, а не

муж, проходит испытание на верность и в финале «Повести» умирает одновременно с князем, жизнь без которого для нее немыслима. Получается, что главный герой произведения все же Феврония, а достаточно приглушенный образ Петра оказывается в тени этой яркой фигуры.

Необычность литературной истории заключается в том, что супругой князя становится крестьянка. Правда эта крестьянка умом превосходит и самого князя и все его окружение. Писатель очень трепетно, с использованием фольклорных мотивов выписывает образ мудрой жены, которая способна говорить малопонятными, но глубокими по смыслу притчами, превзойти в состязании на сообразительность самого князя и силой глубокого природного ума отвести беду от семьи, предпринимая решения и за себя и за любимого мужа. Присутствующие в «Повести» мотивы женитьбы крестьянки на знатном человеке, мотив разрешения загадок и мотив изгнания героини, забирающей с собой мужа как самое дорогое, имеют параллели в сказках («Стрижена девка», «Семилетка»). Но фольклорность произведения в данном случае напрямую смыкается с публицистическим пафосом творчества Ермолая-Еразма, которого не без основания исследователи считают выразителем крестьянских интересов. Мудрая крестьянка Феврония не просто приравнена в своем человеческом достоинстве к верхам общества, она поставлена по нравственным качествам гораздо выше князя, которому она приносит в супружескую жертвенность собственное смирение, верность и наконец собственную жизнь. Характерно, что именно жена-крестьянка, а не приближенные слуги, способна защитить властелина в минуту опасности, когда вышедшие из повиновения бояре изгоняют героиню и угрожают князю. Остается добавить, что самим сюжетным построением автор обличает своеволие боярства, восставшего против своего властелина и его благоверной супруги. Нельзя не усмотреть за этим политических предпочтений писателя-публициста, созвучных и другим его произведениям. В «Повести» он возвеличил простого

человека из народа, не поскупился на отрицательные характеристики при осуждении боярства, но на этом черно-белом фоне он затерял социально знаковый образ князя-властелина. Такая дерзость видимо не пришлась по нраву заказчикам. «Повесть о Петре и Февронии» так и не была включена в свод Макариевских «Миней Четьих», для которого она создавалась. Автор, вынашивавший смелые проекты по преобразовании жизни в обществе, вынужден был покинуть столицу и вернуться на родину в Псков. Надо полагать, власти восприняли литературный портрет княжеско-крестьянской семьи как опасную для существующих устоев художественно-политическую аллегорию. В судьбе автора и созданного им памятника определяющую роль сыграло не отсутствие необходимых по литературному этикету агиографических элементов (они-то формально присутствуют в произведении на уровне фразеологии), а отсутствие требуемых феодальным этикетом характеристик героев.

Забракованное для официальной книжности произведение наперекор цензуре оказалось излюбленным чтением ближайших Ермолаю-Еразму современников и их потомков. Оно распространилось в огромном числе списков и в нескольких редакциях. Но «Повесть о Петре и Февронии» вошла в отечественную литературу не как житие, а как светская бытовая повесть, проявляющая внимание к частной жизни, интимным переживаниям героев и реалистическим бытовым деталям, которые причудливо сочетаются с чертами новеллистической сказки. Сказочно-бытовая и глубоко нравоучительная «Повесть» по праву считается одним из лучших произведений древнерусской литературы. Обаяние и выразительность «Повести», как и большинству шедевров нашего прошлого, придают мастерски произведенные заимствования из народного творчества. Подлинно искреннее произведение, главным героем которого выведена мудрая крестьянка, которое поднимает проблему достоинства и прав простого человека, под пером талантливого и сочувствующего трудовому человеку писателя просто не

могло не впитать в себя вместе с народной идеологией и народную поэтику.

Повесть о житии новых муромских святых чудотворцев, благоверного, и преподобного, и достойного похвалы князя Петра, названного во иночестве Давидом, и супруги его, благоверной, и преподобной, и достойной похвалы княгини Февронии, названной во иночестве Ефросинией.

Слава Богу Отцу, и вечно сущему слову Божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому и безначальному Божию естеству, воедино в Троице воспеваемому, и восхваляемому, и прославляемому, и почитаемому, и превозносимому, и исповедуемому, в которого веруем и которого благодарим, создателю и творцу невидимому и неописанному, изначала по своей воле своею премудростию все свершающему, и создающему, и просвещающему, и прославляющему тех, кого изберет по своей воле. Прежде всего сотворил он ангелов своих на небесах, духов и слуг своих, огонь палящий, чины ангельские, бестелесное воинство, силу которого нельзя описать, все сие невидимым для нас сотворил, так что непостижимо это уму человеческому. Сотворил и видимые небесные стихии: Солнце, и Луну, и звезды. На земле же издревле создал человека по своему образу и, подобно своему трехсолнечному божеству, три качества даровал ему: разум, речь и душу. И разум человека является словно отцом слов его; слово же исходит от ума, как посылаемый отцом сын; на слове же почиет дух, потому что уста каждого человека слов без духа произнести не смогут, но слово с духом исходит, а разум руководит. Да закончим слово о сути человеческой и возвратимся к тому, о чем начали речь. Бог же, не имеющий начала, создав человека, оказал почет ему — над всем, что существует на земле, поставил царем и, любя в человеческом роде всех праведников, грешников же прощая, захотел всех спасти и привести в истинный разум. С Отчего благословения, по своей воле и с помощью святого Духа единый от Троицы — Сын Божий не кто иной, как Бог — Слово,

Сын Отца, соблаговолил родиться во плоти на земле от Пречистой девы Марии и стал человеком, не потеряв божества своего; и, хотя по земле ходил, он отчих недр не отлучился. И когда принял мучение, то божественная сущность его не подверглась страданиям. И бесстрастие это его невозможно определить, и никаким иносказанием не выразишь этого, ни с чем не сравнишь, потому что всё создано им самим; и в творениях его есть бесстрастие — ведь вот, если дерево стоит на земле и солнце озаряет его и в это время окажется, что дерево то начнут срубать, и в этом заключается его страдание, то эфир солнечный, заключенный в нем, из него не исчезнет, тем более не погибнет с деревом, не страдает.

Говорим же о солнце и о дереве потому, что это им сотворено, Создатель же и Творец этого человеческими словами определен быть не может. Он ведь плотью пострадал за нас, грехи наши к кресту пригвоздив, искупив нас у дьявола ценою крови своей честной. Об этом так сказал избранник Божий Павел: «Не будете рабами людей, ибо искуплены дорогой ценой». А после распятия, через три дня, Господь наш Иисус Христос воскрес, и на сороковой день вознесся на небо и сел одесную Отца, и на пятидесятый день волею Отца ниспослал Дух Святой на святых своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И те, кто во имя Христа крестились, должны Христу служить. А если служат Христу, пусть не отступают от заповедей его и живут не так, как обманщики и лжецы, после крещения забывшие заповеди Божии и прельстившиеся соблазнами мира сего, но как жили святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благости, пребывая в Духе Святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе Божьей — все они известны Единому, который знает все тайны сердечные. Ими Господь землю просветил и украсил ее, как небо звездами, почтил их даром чудотворения — одних ради

молитв, и покаяния, и трудов их, других же — твердости их ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых будет наша повесть.

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, каким был это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услыхав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь

Сын Отца, соблаговолил родиться во плоти на земле от Пречистой девы Марии и стал человеком, не потеряв божества своего; и, хотя по земле ходил, он отчих недр не отлучился. И когда принял мучение, то божественная сущность его не подверглась страданиям. И бесстрастие это его невозможно определить, и никаким иносказанием не выразишь этого, ни с чем не сравнишь, потому что всё создано им самим; и в творениях его есть бесстрастие — ведь вот, если дерево стоит на земле и солнце озаряет его и в это время окажется, что дерево то начнут срубать, и в этом заключается его страдание, то эфир солнечный, заключенный в нем, из него не исчезнет, тем более не погибнет с деревом, не страдает.

Говорим же о солнце и о дереве потому, что это им сотворено, Создатель же и Творец этого человеческими словами определен быть не может. Он ведь плотью пострадал за нас, грехи наши к кресту пригвоздив, искупив нас у дьявола ценою крови своей честной. Об этом так сказал избранник Божий Павел: «Не будете рабами людей, ибо искуплены дорогой ценой». А после распятия, через три дня, Господь наш Иисус Христос воскрес, и на сороковой день вознесся на небо и сел одесную Отца, и на пятидесятый день волею Отца ниспослал Дух Святой на святых своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И те, кто во имя Христа крестились, должны Христу служить. А если служат Христу, пусть не отступают от заповедей его и живут не так, как обманщики и лжецы, после крещения забывшие заповеди Божии и прельстившиеся соблазнами мира сего, но как жили святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благости, пребывая в Духе Святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе Божьей — все они известны Единому, который знает все тайны сердечные. Ими Господь землю просветил и украсил ее, как небо звездами, почтил их даром чудотворения — одних ради

молитв, и покаяния, и трудов их, других же — твердости их ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых будет наша повесть.

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, каким был это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услыхав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь

же, услыхав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услыхав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и

раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаймы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услыхал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а

горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слыхал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну, как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слыхал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него».

горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слыхал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну, как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слыхал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него».

Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что

ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда
говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга м
Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни
скажем». Враг помутил их разум — каждый под
не будет князя Петра, придется ставить другог
а ведь в душе каждый из бояр надеялся самоде



Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божьих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, Творец и Заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили
ду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить
них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня
рония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти,
ословила их, сказав: «Да будут они утром большими
евьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и
нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был

ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божьих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, Творец и Заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был

в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О, сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки божий в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой

Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей на оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословению за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на

земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Сатирическая литература XVII века

Сатира, пародия, юмористическая повестушка, осмеивающие большей частью приказные порядки или все то, что связано с церковным бытом, обнаруживают те тенденции, которые были заложены и в развитии светской повести 17 в.

«Повесть о Шемякином суде» - образец русской демократической сатиры. Она состоит из трех анекдотических сюжетов, в которых оказывается незадачливый убогий герой. От сюжета к сюжету, тесно взаимосвязанных между собой единой фабулой, увеличиваются страдания бедняка, который ни в одной из ситуаций не имеет намерение нарушать закон. Конфликт, а вместе с ним и все развитие действия в произведении, провоцируется цепью безысходных ситуаций, в которых оказывается герой-бедняк. Действующие лица поставлены в комические и заведомо неправдоподобные ситуации, а повествование развивается стремительно быстро, как это и подобает анекдотической истории.

В основе «Повести о Шемякином суде» лежит сюжет о судебной тяжбе двух братьев-крестьян, богатого и бедного. Повесть изобличает неправый суд на Руси 17 в., рассказывая о поведении судьи-взяточника, прозвище которого связано с личностью ближе нам известного судьи, носившего имя Шемяка, очень распространенное в 16-17 вв.

В каком-то селе жили два брата – бедный и богатый. Богатый много лет подряд давал бедному взаймы, но тот так и оставался бедным. Однажды бедный брат пришел к

богатому и попросил у него лошадь, чтобы привезти дров. Богатый разозлился, но лошадь, дал, только без хомута. Бедный, убогий брат привязал дрова прямо к хвосту лошади и, проезжая через подворотню, ударил лошадь кнутом, а та изо всей силы рванула и оторвала себе хвост.

Богатый брат отказался принять бесхвостую лошадь и отправляется в город к судье Шемяке с жалобой на брата. А бедный пошел вслед за ним.

Не доходя до города, богатый решил заночевать в одном селе у знакомого попа, а убогий заночевал у него же. Засмотревшись, как богатый брат с попом ужинают, бедный упал на люльку с ребенком попа и задавил его до смерти. Поп тоже пошел с богатым в город жаловаться на бедного.

Когда все трое шли через мост, бедный решил прыгнуть с моста, но упал на старика, которого сын вез в баню и тот умер. Сын старика присоединился к попу и богатому.

Бедный стал раздумывать, как ему поступить. Он поднял с земли камень, завернул его в платок, положил в шапку и стал перед судьей. Каждый раз на допросе убогий показывал судье этот сверток, чтобы его запугать, судья думал, что бедный предлагает ему деньги. Поэтому все три дела судья решает в пользу бедного.

Весь комизм ситуации состоит в том, что бедняк торжествует по логике действующего тогда законодательства. Судья по аналогии с мудрыми решениями Соломона и сказочных персонажей приговаривает отдать лошадь бедняку, пока у ней хвост не отрастет; отдать ему попадью, пока она не родит другого ребенка; а сыну убитого прыгнуть с моста на убогого, так же, как он когда-то на больного старика.

Такой приговор не нравится ни одному из жалобщиков, и все пытаются отделаться от убогого выкупом.

Судья же, посылает к убогому за своей долей, но узнает, что в свертке были не деньги, а камень, которым бедняк хотел убить судью, если бы он судил не в пользу его. Судья радуется, что судил именно так и остался жив.

Нужно сказать, что в литературах Востока и Запада тоже есть похожие произведения о суде, в которых судья выступает праведным человеком, например Соломон, который руководствовался в своих решениях исключительно чувством справедливости. В литературной же обработке данной повести получилась сатира на судебные приговоры, а сам судья выступает несправедливым, все его суждения диктуются корыстными побуждениями.

В вопросе о происхождении повести ссылаются на польские книги, в частности сатирическое стихотворение польского писателя 16 в. Рея из Нагловиц. Однако в польской литературе не было найдено произведений, которые бы полностью соответствовали «Повести о Шемякином суде». Русское происхождение повести доказывается прежде всего тем, что в ней присутствуют характерные особенности русского быта, русская юридическая терминология 17 в., а также нашли широкое отражение русский судебный процесс и судебная практика того времени. Судя по тому, что в повести изображается приказно-воеводский суд, учрежденный у нас лишь во второй половине 17 в., возникновение повести следует датировать не ранее 60-х годов 17 в.

Суд Шемякин

В некоем месте жили два брата, земледельцы, один богат, другой убог (беден). Богатый же ссужал много лет бедного брата и не смог поправить дела его. Через некоторое время пришел убогий к богатому просить лошади, на чем ему себе дров привести. Брат же ему не хотел давать <...> лошади и сказал ему: «Много тебе, брате, ссужал, а наполнити не мог». И когда дал ему лошадь, он же, взял, начал у него хомута просить. И оскорбился на него брат, начал ругать убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не дал ему хомута.

Пошел убогой от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади, поехал в лес и привез ко двору своему и забыл выставить подворотню и ударил лошадь кнутом. Лошадь же

изо всей мочи бросилась через подворотню с возом и оторвала у себя хвост.

И убогий привел к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего ругать, что лошадь, у него выпрося, испортил, и не взял лошади, пошел на него бить челом во град к Шемяке судье.

Брат же убогий, видя, что брат его пошел на него бить челом, пошел и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не идти, надо будет приставам платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде ночевать к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый начал погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом начал поп с богатым ужинать, убогова же не позовут к себе есть. Убогий же начал с полатей смотреть, что поп с братом его ест, и упал с полатей на зыбку и удави попова сына до смерти. Поп также пошел с братом в город бить челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, где же жил судия. Убогий же за ними же идет. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везет рвом в баню отца своего мыти. Бедный же ведая себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умыслил себе смерти предати, бросился прямо с мосту в ров, хотя ушибиться до смерти. Бросясь, упал на старого, удави отца у сына до смерти; его же поймали, привели пред судьею. Он же мыслил, как бы ему напастей избежать и судье что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взял камень и, завертев в плат и положи в шапку, стал пред судиею. Принес же брат его челобитную на него исковую в лошади и начал на него бить челом судье Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глагола убогому: «Отвечай!» Убогий же, не ведая, что глаголати, вынул из шапки тот завернутый камень, показал судии и поклонился. Судия же надеялся, что ему от дела убогий посулил, глаголя брату его: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай (забирай) до тех мест, (пока) у лошади

вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время у него и лошадь свою возьми».

И потом начался другой суд. Поп стал искать смерти сына своего, что у него сына удавил. Он же так же вынув из шапки той же заверченый плат и показал судье. Судья же видя и помысли, что от другого суда другой узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли де у тебя ушиб сына, и ты де отдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возьми у него попадью и с ребенком».

И потом начался третий суд, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, вынув заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третий раз судье. Судия же начался, яко от третьего суда третий ему узел сулит, глаголя ему, у кого убит отец: «Взойди ты на мост, а убивец отца твоего станет под мостом, и ты с мосту свержися сам на него, так же убей его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша истцы со ответчиком из приказу. Начал богатый у убогова просить своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как де у ней хвост вырастет, в ту де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богатый дал ему за свою лошадь пять рублей, чтоб ему и без хвоста отдал. Он же взял у брата своего пять рублей и лошадь его отдал.

Той же убогий начал у попа просить попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с ребенком. Поп же начал ему бить челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взял у него десять рублей.

Той же убогий начал и третьему говорить истцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и на меня так же бросься, яко же и я на отца твоего». Он же размышляя себе: «Броситися мне — и его де не ушибить, а себя расшибить». Начал и тот с ним мириться, дал ему мзду, что броситься на себя не велел.

И со всех троих себе взял. Судья же выслал человека к ответчику и велел у него показанные три узла взять. Человек же судейский начал у него показанные три узла просить: «Дай

де то, что ты из шапки судье показывал в узлах, велел у тебя то взять». Он же, вынув из шапки завязанный камень, и показа. И человек ему начал говорить: «Что де ты показываешь камень?» Ответчик же рече: «То судье и показывал. Я де того ради сей камень судье показывал <...> кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибити». И пришел человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по нем судил: как бы я не по нем судил, а он бы меня убил».

Потом убогий отошел в дом свой, радуяся и хваля бога. Аминь.

Вопросы и задания:

1. Что такое сатирическая повесть? В какое время она возникла?
2. Какие события лежат в основе «Повести о Шемякином суде»?
3. Кто в повести становится объектом сатирического обличения?
4. Почему имя Шемяка стало нарицательным?
5. Найдите в тексте описание суда над бедняком.

«ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ»

«Повесть о Фроле Скобееве» - первое в русской литературе произведение, написанное в жанре плутовской новеллы. В качестве главного героя в ней выведен худосочный дворянин Фрол Скобеев - сметливый и изобретательный молодой человек, который направляет всю свою энергию и все дарование своего обаяния на то, что бы встать вровень со знатным и богатым стольником новгородским Нардином-Нащекиным. Действует герой как отъявленный хитрец и плут: он подкупает сначала приказчика, а затем мамку дочери стольника и на Святки проникает в покои Аннушки. Далее он действует уже как похититель и при этом проявляет немалую находчивость: сначала выводит из игры кучера, а затем на оказавшейся в его руках богатой карете знакомого боярина и, переодевшись в платье кучера, умыкает избранницу. На следующем этапе действий Фрол хитростью получает благословение родителей, обманом заставляя их прислать дорогую икону к якобы умирающей дочери. В результате чванливый стольник покоряется обстоятельствам и признает вора своей дочери зятем, а бедный, но умный дворянин достигает высокого общественного положения, богатства и признания. Карьера его молниеносна, успешна и авантюрна, а главные инструменты в достижении жизненного успеха: изобретательность, дерзость, обман, деньги и, конечно же, женское легкомыслие.

Новеллистическая повесть о Фроле Скобееве во всех отношениях произведение новаторское для своего времени. Действие развивается свободно, увлекательно, динамично. Здесь мы не найдем традиционных для древнерусский литературы моральных оценок поступков и это при том, что герой подчеркнуто неразборчив в выборе средств для достижения цели. Более того, автор даже симпатизирует Фролу, а сметка и изобретательность героя в общем контексте выглядят весьма неплохими жизненными качествами. Есть и еще одна важная черта новаторства. Обычно в древнерусской литературе много внимания уделено действию

божественного промысла, или козням дьявола, или, иначе говоря, влиянию сверхъестественных сил на события. Здесь же происходит принципиальное переключение с сакрально нравственной, на бытовую оценку действительности. Именно с этой точки зрения герой симпатичен, как обладатель большого ума, как человек изобретательный и находчивый, полный неистощимой жизненной энергии в воплощении весьма неординарных замыслов. Вопрос о нравственных издержках здесь даже формально не обозначен. Более того, под влиянием Фрола и сама Аннушка действует авантюрно: сначала соучаствует в побеге, а затем соглашается на обман родителей. Всем своим поведением главные действующие лица «Повести» символизируют разрушение многовековых традиций: Аннушка бросает тень на семью, нарушая родовые устои и православные нормы брачевания, а Фрол смело попирает казавшиеся нерушимыми социальные перегородки между сословиями, а вместе с ними нарушает и этикетные нормы средневекового поведения, включая и нравственный кодекс средневековья. В «революционном» поведении героя и заключается главная правда произведения, отразившего ломку устоев жизни в «бунташный XVII век». Многие бытовые черты «Повести» были реальностью в пору перехода от Средневековья к Новому времени. В сюжете, образах и действиях персонажей произведения, которые предстают перед нами вроде бы реальными историческими лицами, но в малоправдоподобных ситуациях, эти черты представлены в форме художественного, а не исторического обобщения действительности. Соответственно и правду произведения приходится поверять не по законам реалистического повествования, а с точки зрения смены идеалов и произошедшей и в жизни, и в литературе ломки стереотипов поведения. С этой точки зрения авантюрный вымысел сочинителя безусловно правдив, а текст сработан весьма умело и талантливо.

По мнению исследователей, создание «Повести о Фроле Скобееве» относится к 80-м гг. XVII в. Безымянный автор ее был «маленьким» человеком, судя по лексике, скорее всего

подъячим, который воплотил в образе Фрола — тоже подьячего — собственные мечты на достижение материального благополучия и достойного уму высокого социального положения. Однако, скорее всего, художественный вымысел так и не воплотился в вожделенную реальность, зато сегодня мы можем наслаждаться замечательным творением, вдохновленным неосуществленной надеждой.

История и российском новгородском дворянине Фроле Скобееве, и столничей дочери Нардина-Нащекина Аннушке

В Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины стольника Нардина-Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И, проведав Фрол Скобеев о той стольничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видеть ее. Однако ж умыслил спознатися той вотчины с приказчиком, и всегда ездил в дом того приказчика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того приказчика в доме, и в то время пришла к тому приказчику мамка дочери стольника Нардина-Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того приказчика к госпоже своей Аннушке, и Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господин Скобеев! Не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того, что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя деньги и сказал: «То мне сие ни во что!» И пошел от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того приказчика и поехал в дом свой.

И в то время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемая по их девичеству званию Святки, и та стольника Нардина-Нащокина дочь Аннушка

приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которые во близости той вотчины стольника Нардина-Нащокина имеют жительство и у которых дворян имеются дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той стольнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица, и приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру его, чтоб она пожаловала в дом стольника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке пообождать малое время: «Я схожу к братцу своему, ежели прикажет мне ехать, то к вам с тем и объявим». И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина с дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весьма стала думать, что брат ее повелел сказать, однако ж не смела преступить воли брата своего, что она будет к госпоже ее сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке.

И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра его как стала убираться в девичий убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичий убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра его весьма о том сокрушалась, понеже что «ежели признает его, то конечно быть великой беде брату моему, понеже тот стольник Нардин-Нащокин весьма в великой милости при царе находится». Однако ж не ослушалась воли брата своего, принесла ему девичий убор. И Фрол Скобеев убрался в девичий убор и поехал с сестрой своей в дом стольника Нардина-Нащокина к дочери его Аннушке.

Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто его не может

признать. И стали все девицы веселиться разными играми и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать его никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Как, мамушка, много наших сестер, дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынув денег пять рублей, подарил той мамку с великим принуждением, и те деньги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она его не может, то Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сомнении и не знает, с ним что делать. Однако ж, помянуя его к себе два подарка, отвечала: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покой, где девицы веселятся, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселиться, я вам объявлю игру, как бы прежде сего от детской игры были». И та Аннушка не ослушалась воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою». А на Фрола Скобеева показала: «Сия девица будет женихом». И повели их в особливую светлицу на кровать, как водится в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела тем девицам петь громогласные песни, чтоб им крику от них не слыхать было. А сестра Фрола Скобеева весьма в печали великой пребывала, сожалея брата своего.

И Фрол Скобеев лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев не взирая ни на какой себе страх и

растлил ее девство. Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес ее другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна, а девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, из-за того, что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, только мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно: «Что ты надо мною сделала? Это не девица со мною была, он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев». И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать его, думала, что она такая же девица, как и прочие. А когда он такую безделицу учинил, ведаешь, что у нас людей довольно, можем его скрыть в смертное место». И та Аннушка сожалея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть так, того мне не возвратить». И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же и Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой, Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутро встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, тако ж и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дня в девичьем уборе, чтоб не признали его служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева деньгами 300 рублей.

И Фрол Скобеев приехал в дом свой, весьма рад был и делал банкеты и веселился с прочею своею братию дворян.

И пишет из Москвы отец ее, стольник Нардин-Нащокин, в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, стольничьи дети. И Аннушка не ослушалась воли родителя своего, собрался вскоре и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сомнении, не ведает, что делать, для того, что он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным с делами. И взял себе намерение как можно

Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправляться в Москву, а сестра его весьма о том соболезнует, об отлучении его. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник. Ежели что сделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде сделается несчастие, то поминай брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву и стал на квартире близ двора стольника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшествии литургии вышел Фрол Скобеев из церкви и стал ждать мамку. И как вышла мамка из церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ее, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрашний день пошла к обедни и взяла б с собою денег 200 рублей и отдала Фролу Скобееву. То учинила по воли ее.

И у того стольника Нардина-Нащекина имелась сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот стольник приехал к сестре своей в монастыре, и сестра его встретила по чести брата своего. И стольник Нардин-Нащекин у сестры своей был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра его просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ее племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И стольник Нардинъ-Нащекин обещал к ней отпустить. И просила его: «Когда и в небытность твою дома пришлю я по ее карету и возников, чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому стольнику Нардину-Нащекину ехать в гости с женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришлет по тебя из Москвы сестра карету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как

можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил карету и с возниками и приехал сам к ней и сказался, будто от сестры стольника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышал Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того, что его многие знатные персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатый, только великой ябида, ходатайствует за приказными делами. И пришло в память Фролу Скобееву, что весьма к нему добр стольник Ловчиков. И пошел к тому стольнику Ловчикову, и тот стольник имел с ним разговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того стольника, чтоб он ему пожаловал карету и с возниками.

И приехал Фрол Скобеев к себе на квартиру и того кучера поил весьма допьяна, а сам оделся в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко стольнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрела та Аннушкина мамка, что приехал Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей, якобы прислала тетка по нее из монастыря. И та Аннушка убралась, и села в карету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева.

И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком сильном пьянстве, и напоя его весьма жестока пьяна, и положил его в карету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возников и с каретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возники, а кучер лежит в карете жестоко пьян, пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучер пьян в карете, а кто их на двор привел, не знаем». И Ловчиков карету и возников велел убрать и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечего». И наутро стал спрашивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым, и кучер сказал ему: «Только помню, как приехал к нему на квартиру, а куда он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И стольник Нардин-Нащокин приехал из гостей и спрашивал дочери своей

Аннушки, то мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала карету и возников». И стольник Нардин-Нащокин сказал: «Изрядно!»

И стольник Нардин-Нащокин долгое время не бывал у сестры своей и надеялся, что дочь его в монастыре у сестры его. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом стольник Нардин-Нащокин поехал в монастырь к сестре своей, долгое время и не видит дочери своей, и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братец, издеваться! Что мне делать, когда я бесчастна моим прошением к тебе? Просила ее прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтоб послать по ней». И стольник Нардин-Нащокин сказал сестре своей: «Как, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу рассудить, для того, что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того, что ты присылала по ней карету и с возниками, а я в то время был в гостях и с женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никак я, братец, возников и кареты не посылала, никогда и Аннушка у меня не бывала!» И стольник Нардин-Нащокин весьма сожалел о дочери своей, горько плакал, что безвестно пропала дочь его. И приехал в дом, сказал жене своей, что Аннушка пропала, и сказал, что у сестры в монастыре нет. И стал мамку спрашивать, кто приезжал с возниками и с каретою кучер. И сказала, что «из Девичьева монастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о том стольник и с женою весьма соболезновали и плакали горько.

И наутро стольник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно пропала дочь. И государь велел учинить публику о его стольничей дочери: «Ежели ее кто содержит тайно, чтоб объявили! Ежели кто ее не объявит, а после обыщется, то смертию казнен будет!» И Фрол Скобеев, слышав публикацию, не ведает, что делать. И умыслил Фрол Скобеев, чтоб идти к стольнику Ловчикову и объявить ему о том, для

того что тот Ловчиков весьма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров, и стольник Ловчиков спрашивал Фрола Скобеева: «Что, господин Скобеев, женился ли?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». — «Богатую ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время покажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно, отстань за ябидою ходить, живи в отчине своей, лучше здравию».

Потом Фрол Скобеев стал просить того стольника Ловчика, чтоб он — был предстателем его беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстательствовать, а ежели что несносно, не гневайся!» И Фрол Скобеев ему объявил, что «стольника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И стольник Ловчиков сказал: «Как ты сделал, так сам и ответствуй!» И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстательствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чего: мне уже пришло показать на тебя, для того, что ты возников и карету давал. Ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сомнении и сказал ему: «Настоящей ты плут, что ты надо мною сделал? Добро, как могу, буду предстательствовать!» И сказал ему, чтоб завтрашний день пришел в Успенской собор: «И стольник Нардин-Нащокин будет у обедни, и я с ним буду. И после обедни будем стоять все мы в собрании на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери. А я, как могу, о том буду предстательствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни, и стольник Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другие стольники все были. И по отшествии литургии в то время в собрании на Ивановской площади против Ивана Великого, и Нащокин тут же, имели стольники между собою разговоры, что им надобно. И стольник Нардин-Нащокин больше соболезнуя и рассуждая о дочери своей, и стольник Ловчиков рассуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем стольникам, как по обычаю, поклон. И

все стольники Фрола Скобеева знают. И кроме всех стольников пал пред ногами Скобеев стольнику Нардину-Нащокику и просит прощения: «Милостивой государь, стольник первый! Отпусти виновного, яко раба, которой возымел пред вами дерзновение». И стольник летами древен, однако ж еще усмотреть мог, натуральною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает его: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев только говорит: «Отпусти!» И стольник Ловчиков подошел к Нардину-Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворянин Фрол Скобеев». И стольник Нардин-Нащокин закричал: «Встань, плут! Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Будет сносно, стану стараться о тебе, а когда несносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина!»

И Фрол Скобеев встал от ног его и объявил ему, что дочь его Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспамятстве. И мало опамятовался и стал ему говорить: «Что ты, плут, сделал? Ведаешь ты о себе, кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о твоей плутской ко мне обиде!» И вторично пришел к нему стольник Ловчиков и стал его разговаривать, чтоб он вскоре не возымел докладу к государю: «Изволишь съездить домой и объявить о сем сожительнице своей и посоветуй обще! Как к лучшему уже быть, так того времени не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуда не может скрыться». И стольник Нардин-Нащокин совету стольника Ловчикова послушал и не пошел к государю, и сел в карету, и поехал в дом свой. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!»

И стольник Нардин-Нащокин приехал в дом свой и пошел в покои, жестоко плачет и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» И жена его спрашивает: «Где она,

батюшка?» И Нащокин сказал жене своей: «Вор-от, плут и ябедник Фролъ Скобеев женился на ней!» Жена его услышала те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горько плакать и в сердцах своих бранят дочь свою и проклинают и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожалея дочери своей, и стали рассуждать с женою: «Надобно послать человека и сказать, где он, плут, живет, и проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали человека своего, и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрел Скобеев, что от тестя его пришел человек, и велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко больна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланный человек вошел в покои и отдал, по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человек и какую нужду имеешь ко мне?» И человек тот сказал, что он прислан от стольника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мой друг, какое здравье! Таков-та родительский гнев: видишь, они заочно бранят и клянут, и оттого она при смерти лежит. Донеси их милости: хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человек тот отдал им поклон и пошел от них.

И пришел к господину своему, стольнику Нащокину. И спросил его: «Что, нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человек тот объявил, что Аннушка жестоко больна и едва будет ли жива «и требует от вас хотя словесно заочно благословение». И стольник и с женою своею соболезновали о ней, токмо рассуждали, что с вором и плутом делать. И мать ее стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Бог судил. Надобно, друг мой, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно. А когда сердце наше умилостивится к ним, то можем и сами свидеться». Сняли со стены образ, которой обложен был златом и драгим камением, како прикладу всего

на 500 рублей, и послали с тем человеком и приказали сказать, чтоб она сему образу молилась, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он его не промотал».

И человек приняв образ и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрел Фрол Скобеев, что пришел тот же человек, сказал жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдает образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил, где надлежит, и сказал тому человеку: «Таково-то родительское благословение: и заочно намерены благословить, и Бог дал, Аннушке легче, слава Богу, здрава!» И сказал Фрол Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость». И человек пришел к господину своему и объявил об отдании образа и о здравии Аннушки, и о благодарении их, и пошел в показанное свое место.

И стольник Нардин-Нащокин стал рассуждать и сожалеть о дочери своей, и говорил жене своей: «Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ее кормить, и сам, как собака, голоден. Надобно послать запасу на 6 лошадях». И послали запас и при том запасе реестр. И Фрол Скобеев не смотря по реестр, и приказал положить в показанное место, и приказал тем людям за их родительские милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскошно и ездит везде по знатным персонам. И весьма Скобееву удивлялись, что он сделал такую причину так смело.

И уже чрез долгое время обратились сердцем и соболезновали о дочери своей, тако ж и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним и просить их, чтоб Фрол Скобеев и с женою своею, а с их дочерью, приехал к стольнику Нардину-Нащокину кушать. И пришел присланный человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сей день с женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказал человеку: «Донеси батюшке: готов быть сей день к их милости!»

И Фрол Скобеев убрался с женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего, стольника Нащокина. И как приехал в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему и пала пред ногами родителей своих. Усмотрел Нащокин дочь свою и с

женою своею и стали ее бранить, наказывать гневом своим родительским. И, смотря на нее, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весь свой гнев родительский, отпустя ей вину, и приказал сесть с собою. А Фролу Скобееву сказал: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же. Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?» И Фрол Скобеев сказал: «Ну, государь-батюшка, уже тому так Бог судил!» И сели все вместе кушать. И стольник Нардин-Нащокин приказал людям своим, чтоб никого в дом посторонних не пускали: «Ежели кто приедет и станет спрашивать, что дома ли стольник Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видеть стольника нашего, для того с зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает».

И по окончании стола стольник Нардин-Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем станешь жить?» — «Изволишь ты ведать обо мне: более нечем, что ходить за приказными делами».— «Перестань, плут, ходить за ябедою! И имение имеется, вотчина моя, в Синбирском уезде, которая по переписи состоит в 300-х сот дворах. Справь, плут, за собою и живи постоянно». И Фрол Скобеев отдал поклон и с женою своею Аннушкой и принося пред ним благодарение. «Ну, плут, не кланяйся, поди сам справляй за себя!» И сидев немного время и поехал Фрол Скобеев и с женою своею на квартиру. Потом стольник Нардин-Нащокин приказал его воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Есть ли у тебя деньги?» — «Известно, государь-батюшка, какие у меня деньги; разве продать из тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продавай! Возьми денег, я дам». И приказал дать 300 рублей, и Фрол Скобеев взял деньги и поехал на квартиру.

И со временем справил тое вотчину за себя. И пожив стольник Нардин-Нащокин немного время и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имени. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И стольник Нардин-Нащокинъ умер и с женою своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего сестру свою родную отдал за некоторого стольничьева сына, а

которая при них имелась мамка, которая была при Аннушке, содержали ее в великой милости и в чести до смерти ее.

Сей истории конец.

Вопросы и задания:

1. Как вы понимаете, что такое бытовая повесть? Когда она возникла?
2. Кто такой Фрол Скобеев?
3. Какие события раскрываются в повести? Приведите примеры.
4. Как Фрол Скобеев достигает высокого положения?
5. Как к нему относится автор?

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

В произведении описываются события эпохи Смуты (1606 г.) и русско-польская война за Смоленск в 1632-1634 гг. Однако повествование о Савве - это не историческое произведение, а жизнеописание вполне частной жизни вполне конкретного человека, представителя реально существовавшего купеческого рода Грудцыных-Усовых. Савву нельзя оценить однозначно. С одной стороны, его образ далек от высоких нравственных идеалов древнерусской эпохи (соблазнение жены Бажена), но с другой - он стремится быть полезным Отечеству, стремится к настоящей взаимной любви и в этом его стремлении Савву Грудцына посещают прозрения, в конце концов приводящие героя в монастырь. На этом пути мощная, страстная и мятущаяся натура Саввы переживает вроде бы предельное, с точки зрения Церкви, падение - он заключает союз с дьяволом. Но именно дьявольского проявления поступков героя после составление нечистого «рукописания» мы как раз и не наблюдаем. Дьявол действует не в привычной роли искусителя (Савва уже достаточно искушен к тому времени в своих нравственных жизненных падениях). Наоборот, дьявол в «Повести» действует как волшебный помощник, помогающий своему подопечному деньгами, поддерживающий его в битвах и излечивающий от ран. Наконец дьявол помогает герою добиться взаимной любви прежде порочной женщины. Можно предположить, что сам сюжет о дружбе героя с дьяволом введен автором в ткань повествования, чтобы таким образом обозначить главный для XVII столетия конфликт времени, суть которого состояла в отступлении от веками державшихся норм и в массовом отходе как верхов, так и низов общества от православно-церковных ценностей. Причем среди нового поколения «бунташного века» личность Саввы была далеко не самой падшей.

Автор повести смотрит на героя нового времени доброжелательно. Поэтому церковные мотивы (чудесный разрыв с греховными занятиями в день Вознесения, явление

Богородицы, Иоанна Богослова и митрополита Петра) переплетаются со сказочно-былинным описанием событий (сцены богатырских подвигов, различные хитрости дьявола). Савва — грешник, но грешник не безнадежный. Его дружба с дьяволом достаточно безобидна. Во всей противоречивости натуры Грудцына отразились подлинные противоречия XVII в., когда не отмерло еще традиционное отношение к жизни, но в литературе и в реальной действительности заявляла о себе активная, освободившаяся от опеки Церкви личность.

Автор, безусловно, является приверженцем старины. Но он лишь констатирует, но не осуждает перемены. Прежний уклад ему ближе, поэтому он и приводит своего героя в конце жизни на путь монастырского спасения. Но жизнь за стенами монастыря посложнее страстей Саввы. Выбор Саввы — это выбор автора, но он ничего не меняет в уже перестроившейся на новых основах жизни.

По мнению исследователей, «Повесть о Савве Грудцыне» — первый в русской литературе бытовой роман, с любовной интригой, яркими зарисовками из тогдашней действительности и чрезвычайно разнообразными приключениями героя. Сюжетное повествование многопланово и расцвечивается удачным художественным смешением жанровых решений, соединяя чудесные мотивы старой литературы с новаторским лирическо-бытовым повествованием, которые в свою очередь удачно сочетаются со сказочными и былинными приемами повествования. Так в 60-х гг. XVII в. рождался совершенно новый в отечественной литературе, но плодотворный синтез — прообраз литературу нового времени.

Савва Грудцын

В 1606 г. в Великом Устюге проживал один известный и богатый человек. Звали его Фома Грудцын-Усов.

Когда в России начались несчастья для всех православных христиан, он покинул свой Великий Устюг и поселился в

славном и царственном городе Казани - до Волги литовские бесчинства не докатились.

Там Фома прожил с женой вплоть до правления благочестивого Царя и Великого князя Михаила Федоровича.

Был у него единственный сын Савва, шестнадцати лет. Сам Фома часто по делам торговли ездил вниз по Волге — то к Соликамску, то в другие места, а то и за Каспийское море в Персидское государство. К такому занятию он приучал и Савву, чтобы тот старательно это дело изучил и после смерти отца стал бы его наследником во всем.

Как-то раз Фома задумал отправиться по своим делам в Персию. Товар он погрузил на суда, а сыну, снарядив для него тоже суда, велел плыть в Соликамск и там открыть торговлю с необходимой осмотрительностью. Поцеловал жену и сына, тоже отправился в путь. А через несколько дней сын его на снаряженных для него судах по велению отца отправился в Соликамск. Доплыл Савва до города Орла Усольского уезда, пристал к берегу и остановился, как то ему отец наказывал, в гостинице, принадлежащей одному знаменитому человеку. Хозяин гостиницы и его жена помнили любовь к ним и благодеяния его отца, поэтому они постарались окружить Савву заботой и опекали его, словно родного сына. И провел он в той гостинице немалое время. А в Орле жил мещанин, которого звали Бажен 2-й. Был он уже в летах, известен многим своей благонравной жизнью, богат и приходился близким другом Фоме Грудцыну. Когда узнал он, что сын Фомы приехал из Казани в его город, то подумал: «Отец его всегда был мне близким другом, а я сына словно и не заметил и к себе не пригласил. Пусть же он поживет у меня и погостит вдоволь».

Так он подумал, а затем встретил как-то Савву по дороге и стал его просить:

— Любезный Савва! Разве не знаешь, что мы с твоим отцом были друзьями — что же ты не навестил меня и не остановился в моем доме? Хотя бы сейчас мне одолжение сделай: приходи жить ко мне, будем вместе трапезу делить за

одним столом. За любовь ко мне отца твоего я приму тебя, как сына!

Услышав таковые слова, Савва очень обрадовался, что столь славный человек хочет его принять, и отдал ему низкий поклон. Тут же он из гостиницы перешел к Бажену и стал жить у него в полном благополучии и радости. Бажен — сам старик — недавно женился в третий раз на молодой жене. И дьявол, этот ненавистник рода человеческого, зная о добродетельной жизни мужа, задумал возмутить весь его дом. И он соблазнил жену начать склонять юношу на блуд. Она постоянно своими разговорами толкала его к падению (известно ведь, как женщины могут улавливать молодых людей!), и Савва силой ее молодости (а точнее — силой зависти дьявола) оказался завлечен в сети любодеяния: завел с ней преступную любовь и в таком скверном состоянии пребывал постоянно, не помня ни воскресений, ни праздников, забыв страх Божий и час смертный. Как свинья в грязи валяется, так и он пребывал в блуде долгое время.

Как-то раз подошел праздник Вознесения Господа Нашего Иисуса Христа. В навечерие праздника Бажен взял Савву с собой в церковь к вечерне, а после службы они вернулись домой и, поужинав обычным образом и возблагодарив Бога, легли спать, каждый на свою кровать. Когда благочестивый Бажен заснул, его жена, подстрекаемая дьяволом, встала осторожно с постели, подошла к Савве, разбудила его и предложила ему заняться с ней. Но того — хотя он и молод еще был, — кольнула какая-то стрела страха Божия, и он подумал, испугавшись Божьего суда: «Как можно в такой светлый день таким темным делом заниматься!» А, подумав так, он стал отказываться и говорить, что он не желает погубить свою душу и осквернять свое тело в великий праздник.

А жена Бажена распалялась все сильнее и продолжала принуждать Савву. То ласкалась она к нему, то угрожала каким-то наказанием — долго она старалась, но так и не смогла склонить его на что хотела — Божественная сила помогала Савве. Злонравная женщина увидела, что не в состоянии подчинить юношу своей воле, тотчас же

воспламенела к нему яростью, зашипела, как змея, и отошла от его постели. Теперь она задумала опоить его зельем, чтобы все-таки осуществить свое намерение. И как задумала, так и сделала.

Когда начали звонить к утрене, благолюбивый Бажен встал, разбудил Савву, и они пошли на славословие Божие, которое отслушали со вниманием и страхом Божьим. Потом вернулись домой. Когда подошло время Божественной Литургии, они вновь с радостью пошли во Святую Церковь на славословие Божие.

А проклятая жена Бажена тем временем тщательно приготовила для юноши зелье и стала ждать момента, чтобы подобно змее, изрыгнуть на него свой яд. После литургии Бажен с Саввой вышли из храма и собрались идти домой. Но воевода того города пригласил Бажена отобедать с ним. Увидев Савву, он спросил:

— Чей это сын и откуда он?

Савва рассказал, что он из Казани и что он сын Фомы Грудцына. Воевода, зная хорошо его отца, пригласил Савву зайти к нему домой. У воеводы они, как это в обычае, отобедали совместно и с радостью возвратились домой.

Бажен повелел принести немного вина в честь праздника Господня, не подозревая о черном замысле своей жены. Та, как свирепая ехидна, злобу свою сокрыла в сердце и с лестью стала обхаживать юношу. Доставленное вино она налила и поднесла мужу. Тот выпил, возблагодарив Бога. Потом она сама выпила. А после налила специально приготовленной отравы и поднесла ее Савве. Тот не боялся ее козней — думал, что она на него не держит зла, — и выпил, не подумав. Тут точно огонь зажегся в его сердце, и он подумал: «Чего только я ни пил в родном доме, а такого, как здесь сейчас, не пробовал». И когда он выпил, то начал сокрушаться сердцем по хозяйке. Та, словно львица, кротко поглядела на него и стала приветливо с ним разговаривать. А перед мужем своим потом возвела на Савву клевету, наговорила про него несуразностей и потребовала выгнать его из дому. Богобоязненный Бажен, хотя и жалел юношу, поддался

женскому коварству и повелел Савве покинуть дом. И Савва ушел от них, сокрушаясь и вздыхая по той злонравной женщине.

Вновь он вернулся в гостиницу, в которой он останавливался вначале. Хозяин гостиницы поинтересовался, почему он ушел от Бажена. Савва ответил, что сам не захотел жить у него. По жене Бажена он продолжал сокрушаться и от своей сердечной скорби переменился лицом и похудел. Хозяин гостиницы видел, что юноша в великой скорби, но не мог понять, из-за чего. В городе между тем проживал один знахарь, который мог колдовскими приемами узнать, какие напасти кому и из-за чего приключаются, и будет человек тот жить или умрет. Хозяева как могли заботились о юноше и потому позвали по секрету ото всех того кудесника и спросили его, что это за печаль у Саввы? Тот посмотрел в свои магические книги и сказал, что никаких огорчений собственных у Саввы нет, а сокрушается он по жене Бажена 2-го, поскольку находился ранее с ней в связи, а теперь оказался с ней разлученным; по ней он и сокрушается. Услышав такое, хозяин гостиницы с женой не поверили, потому что Бажен был благочестив и богобоязнен, и не стали ничего предпринимать. А Савва продолжал беспрестанно сокрушаться по проклятой жене Бажена и от этого окончательно иссох телом.

Как-то раз Савва вышел один из дому прогуляться. Было за полдень, он шел по дороге один, не видя никого ни впереди, ни позади себя, и ни о чем не думал, только о разлука с любовницей. И вдруг он подумал: «Если бы кто-нибудь, человек или сам дьявол, помог бы мне соединиться с ней, я бы стал слугой хоть самому дьяволу!» — такая вот мысль у него возникла, словно он в исступлении потерял рассудок. Он продолжал идти в одиночестве. И через несколько шагов услышал голос, зовущий его по имени. Савва оборотился и увидел быстро идущего вслед за ним юношу, хорошо одетого. Юноша тот махал ему рукой, предлагая подождать его. Савва остановился. Молодой человек — а точнее, дьявол, что непрестанно ищет способов погубить душу человеческую, —

тот молодой человек подошел к нему, и они, как водится, отдали друг другу по поклону. Подошедший сказал Савве:

— Брат мой Савва, что ты избегаешь меня, словно чужого? Я ведь давно жду тебя, чтобы ты пришел ко мне и стал бы моим другом, как и подобает родственникам. Я тебя давно знаю: ты Груцын-Усов из Казани, а я, если пожелаешь узнать — тоже Груцын-Усов, из Великого Устюга. Здесь я уже давно, занимаюсь торговлей лошадьми. Мы с тобой братья по рождению, и ты теперь не отдаляйся от меня, а я буду оказывать тебе помощь во всем.

Услышав таковые слова от мнимого «родственника»-беса, Савва обрадовался, что и на далекой чужой стороне смог найти себе родного. Они с любовью расцеловались и дальше пошли вместе, по-прежнему одни. Бес спросил Савву:

— Савва, брат мой, что за скорбь у тебя и отчего спала с твоего лица юношеская красота?

Савва, лукавя в каждом слове, поведал ему о своих огорчениях. Бес осклабился:

— Что ты утаиваешь от меня? Я ведь знаю о твоих горестях. А что ты мне дашь, если я помогу тебе?

Савва сказал:

— Если ты знаешь, от чего я печалюсь, то покажи это, чтобы я поверил, что ты можешь мне помочь.

— Ты сокрушаешься сердцем по жене Бажена 2-го из-за разлуки с ней!

Савва воскликнул:

— Сколько имею здесь товаров и денег отца моего — все отдаю тебе вместе с прибылью, только сделай, чтобы мы с ней были по-прежнему вместе!

— Зачем искушаешь меня?! Я знаю, что твой отец богат. Но ты разве не знаешь, что мой отец в семь раз богаче? И зачем мне твои товары? Лучше ты мне дай сейчас одну расписочку, а я исполню желание твое.

Юноша тому и рад, думая про себя: «Я дам ему только расписку в том, что о скажет, а богатство отца останется цело», — а того не понимал, в какую пропасть кидался! (Да и писать еще не вполне умел — вот безумие! Как оказался уловлен

женским коварством и в какую погибель приготовился сойти из-за страсти!) И когда бес слова свои сказал, он с радостью обещал дать расписочку. Мнимый «родственник»-бес быстро достал из кармана чернильницу и бумагу, дал их Савве и повелел ему побыстрее написать расписку. Савва еще не очень хорошо умел писать, и потому, что бес говорил, то он и записывал, не думая, а получились слова, в которых он отрекался от Христа, Бога Истинного, и предавал себя в услужение дьяволу. Написав это богоотступническое письмо, он отдал его бесу, и оба пошли в Орел. Савва спросил беса:

— Скажи, брат мой, где ты обитаешь, чтобы я знал твой дом.

А бес рассмеялся:

— У меня особого дома нет, а где придется, там и ночую. А если захочешь увидеться со мной, то ищи меня всегда на конской площадке. Я ведь живу здесь, потому что торгую лошадьми. Но я сам не поленюсь заходить к тебе. А теперь иди в лавку Бажена, я уверен, что он с радостью позовет тебя в свой дом жить.

Савва, обрадовавшись таким словам своего «брата», направил стопы в лавку Бажена.

Тот увидел его и стал настойчиво приглашать к себе.

— Господин Грудцын, какое зло сотворил я тебе, и почему ты ушел из моего дома? Прошу тебя — вернись, — я тебе, как родному сыну, буду рад.

Услышав такое от Бажена, Савва несказанно обрадовался и быстро переехал к нему в дом. Жена Бажена, подстрекаемая дьяволом, радостно встретила его, ласково приветствовала и поцеловала. Юноша был уловлен женским коварством, а правильнее сказать дьяволом, и вновь попал в сети блуда, вновь стал валяться с проклятой женщиной, ни праздников, ни страха Божия не помня.

Через много времени дошел до славного города Казани, до матери Саввы слух, что сын ее живет непотребно, и что он на пьянство и распутство истратил много отцовского товара. Услышав это, мать его очень огорчилась и написала сыну

письмо. А тот, прочтя его, только посмеялся, всерьез его не принял и продолжал упражняться в своей страсти.

Как-то раз позвал бес Савву, и пошли они оба за город. И на поле за городом бес спросил Савву:

— Знаешь ли ты, кто я? Ты думаешь, что я Грудцын, но это не так. Теперь я за любовь твою ко мне расскажу всю правду. Ты только не смущайся и не стыдись называть меня своим братом: я ведь, совсем как брата, полюбил тебя. Но если хочешь знать, кто я, то знай — царский сын! Пойдем, я покажу тебе славу и могущество отца моего.

Сказав такое, он привел Савву на какой-то голый холм и показал ему видневшийся вдали дивный город стены, мостовые и крыши в нем были из чистого золота и блистали нестерпимо! И сказал ему бес:

— Тот город — творение отца моего. Пойдем и поклонимся вместе ему. А бумагу, что ты мне дал, теперь возьми и сам вручи отцу, и почтит он тебя высокой честью! — и бес отдает Савве богоотступническую расписку.

О безрассудство юноши! Ведь знал он, что никакого царства в пределах Московского государства нет и что все окрестности подчинены царю московскому. А изобразил бы тогда на себе образ честного креста — и все видения дьявольские растаяли бы, как дым. Но вернемся к истории. Пришли они к привидевшемуся им городу и подошли к воротам. Встречают их темные юноши в украшенных золотом одеждах, низко кланяются, воздавая почести «царскому сыну», а вместе с ним и Савве. Вошли они во дворец, и вновь встречают их юноши в блестящих одеждах и так же кланяются. А когда вошли в царские апартаменты, вновь там встретили их юноши и воздали почести «царевичу» и Савве. Они вошли в зал, и Савва услышал:

— Брат мой Савва! Подожди меня здесь: я извещу отца о тебе и представлю тебя ему. А когда предстанешь перед ним, то не теряйся и не пугайся, а подай ему свое письмо, — «брат» пошел во внутреннюю комнату, оставив Савву одного.

Там он задержался ненадолго, потом вернулся и привел Савву перед лицо князя тьмы. Тот восседал на высоком троне,

украшенном золотом и драгоценностями; одет он был в блестящие одежды. Вокруг трона Савва увидел множество крылатых юношей — лица у одних были синие, у других смолянисто-черные. Приблизившись к царю, Савва пал на колени и поклонился. Царь его спросил:

— Откуда ты пришел, и какое у тебя дело до меня?

А безумец наш подносит ему свое богоотступническое письмо со словами:

— Пришел, великий царь, послужить тебе!

Сатана, этот старый змей, взял бумагу, прочел ее и спросил своих черных воинов:

— Хотел бы взять к себе этого молодца, не знаю только, верным ли он будет мне слугой? — и тут он подозвал своего сына и Саввиного «брата». — Ступай пока, отобедай с братом своим.

Поклонившись царю, оба вышли в переднюю комнату и начали там обедать. Неописуемые и нежнейшие яства подносили им; удивлялся про себя Савва: «даже в родном доме такого не вкушал!» После обеда бес вместе с Саввой покинул дворец, и они вышли из города. Савва спросил:

— А что это за крылатые юноши стояли возле твоего отца?

Тот улыбнулся и ответил:

— Разве ты не знаешь, что многие народы служат отцу моему?! И персы, и прочие, и ты тому не удивляйся. А меня смело зови братом. Я пусть для тебя буду младшим братом, только ты во всем слушайся меня, а я в свою очередь всякую помощь окажу тебе. И Савва обещал слушаться его. Так уговорившись обо всем, они пришли в Орел, где бес Савву оставляет. А Савва вновь отправился в дом Бажена, где занялся своим прежним нечестивым делом.

К тому времени Фома Грудцын возвратился с большой прибылью в Казань из Персии. Расцеловавшись, как полагается, со своей женой, он спросил о сыне, жив ли он? Жена рассказала ему:

— От многих я слышала, что после твоего отъезда он отправился в Соликамск, а оттуда в Орел, а там и доныне живет, непотребно, и, как говорят, все богатство наше

потратил на пьянство и распутство. Я ему много раз писала, просила возвратиться домой — он ни одного ответа не прислал и до сих пор там пребывает. И жив или нет — не знаю. Услышав такое, Фома сильно встревожился. Тут же сел и написал письмо Савве с просьбой немедленно возвратиться в Казань: «Да увижу, чадо, красоту твоего лица». Савва это письмо получил, прочел, но и не подумал ехать к отцу, а продолжал упражняться в свое страсти. Увидел Фома, что письмо его не возымело действия, повелел подготовить суда с нужным товаром и отправился на них в путь, намереваясь заехать в Орел, а там самому найти сына и вернуть его домой.

Бес узнал, что отец Саввы едет в город, чтобы увезти с собой сына, и предложил Савве:

— До каких пор мы здесь, все в одном маленьком городишке, жить будем? Давай побываем в других городах, потом вновь сюда вернемся.

Савва от этого предложения не отказался, только сказал:

— Хорошо ты, брат, задумал, идем. Только подожди: я возьму денег на дорогу.

Бес возмутился:

— Ты разве не видел, сколько богатства у отца моего? Куда мы ни придем, там для нас найдется столько денег, сколько пожелаем!

И они втайне ото всех, даже от Бажена и его жены, ушли из Орла. За одну ночь они прошли 840 верст и объявились на Волге в Козмодемьянске.

Бес наказал Савве:

— Если тебя спросит кто знакомый: «Откуда ты здесь?» — говори: «Из Орла вышел три недели назад».

Савва так и говорил. В Козмодемьянске они пробыли несколько дней, после чего бес вновь повел Савву с собой, и за одну ночь они очутились на Оке в селе Павлов Перевоз. Прибыли они туда в четверг, а по четвергам там устраивался большой торг. Они стали ходить среди торгующих, и тут Савва увидел старого нищего в неприглядном рубище. Нищий в упор смотрел на Савву и плакал. Савва отошел немного от беса и

приблизился к тому старцу, намереваясь узнать причину его слез.

— Отчего ты, отец, так неутешно плачешь?

— Плачу я, дитя, о твоей погибшей душе, — ответил нищий. — Ты и не знаешь, что погубил ее и сам отдал себя дьяволу! Знаешь ли ты, с кем ходишь и кого братом называешь? То не человек, а дьявол, и ведет он тебя в пропасть адскую! Когда он так сказал, Савва обернулся на «брата» и увидел, что тот стоит поодаль, грозит ему и зубами скрежещет. Савва побыстрее оставил старца и вернулся к бесу. А дьявол начал его поносить на чем свет стоит:

— Что ты с душегубцами разговариваешь? Не знаешь разве, что этот старик уже многих погубил? Он на тебе хорошую одежду увидел и подольстился, чтобы от людей увести, удавить и раздеть. Если я тебя оставлю, ты без меня пропадешь, — и с такими словами повел Савву из тех мест в город Шуйск.

Там они жили немалое время.

Фома Грудцын-Усов тем временем прибыл в Орел и стал спрашивать о сыне. Но никто не мог о нем ничего сказать: все видели его в городе перед приездом Фомы, а куда он скрылся теперь — никто не знал. Поговаривали даже, что он испугался отца, промотав его богатство, и оттого решил скрыться. А больше всех удивлялись Бажен 2-й с женой.

— Да этой ночью еще спал у нас, а наутро куда-то ушел. Мы ждали его к обеду, но он в городе больше не появлялся, а куда девался — не знаем.

И Фома долго ждал сына, обливаясь слезами. Но, потеряв надежду, возвратился домой и рассказал обо всем жене. Оба стали скорбеть и тужить о сыне. В таком состоянии Фома Грудцын, пожил некоторое время, отошел ко Господу, а жена его осталась вдовой.

А бес с Саввой жили в Шуйске. В ту пору благочестивый Государь Царь и Великий князь всей России Михаил Федорович решил послать войска под Смоленск против польского короля. По царскому указу по всей России начали набирать солдат-новобранцев; в Шуйск по вопросам набора

солдат был послан из Москвы стольник Тимофей Воронцов, организовавший обучение воинскому артикулу. Бес с Саввой приходили смотреть на учения. И вот бес говорит:

— Не хочешь послужить царю? Давай поступим с тобой в солдаты!

Савва отвечает:

— Хорошо ты, брат, предложил. Давай послужим.

Так они стали солдатами и стали вместе ходить на занятия. Бес Савве подарил такие способности к учению, что тот превзошел и опытных воинов, и начальников. А бес под видом слуги ходил за Саввой и носил его оружие. Из Шуйска новобранцев перевели в Москву и отдали их для обучения под начало полковнику-немцу. Тот полковник как-то раз пришел посмотреть на солдат в учебе. И вот он увидел молодого юношу — отличника в учебе, отменно выполняющего все упражнения без единого порока в артикуле, чего не удавалось ни старым солдатам, ни командирам. Полковник удивился, позвал Савву к себе и спросил его, кто он есть. Савва ответил ему, все как есть. Полковнику он понравился так, что тот назвал его сыном, вручил ему украшенную бисером шляпу со своей головы и дал ему под начало три роты новобранцев. Теперь обучение вместо него проводил сам Савва.

А бес ему говорит:

— Брат Савва, если у тебя будет нечем платить солдатам, то скажи мне, и я достану тебе столько денег, сколько надо, чтобы в твоем подразделении ропота не возникло.

И с тех пор у Саввы все солдаты были спокойны; а в прочих ротах — постоянные волнения и мятежи, поскольку там солдаты сидели без жалованья и мерли от голода и холода. Все удивлялись, какой Савва умелый. Вскоре стало о нем известно и самому царю.

В то время на Москве влиятельным человеком был царский шурин боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Вот он узнал про нашего Савву и приказал позвать его. Когда тот пришел, он ему сказал:

— Хочешь, славный юноша, я возьму тебя в свой дом и с немалою честью?

А Савва поклонился ему и ответил:

— Владыка, у меня есть брат, и я хочу спросить его, и если он согласится, то я с радостью пойду на службу к вам.

Боярин не стал возражать, а отпустил Савву посоветоваться с братом. Савва пришел к «брату» и рассказал ему, что было.

Тот разъярился:

— Зачем ты хочешь царской милостью пренебречь и от самого царя пойти служить его подданному? Ты ведь теперь сам, как тот боярин: о тебе сам государь знает! Нет, не ходи, а будем служить царю. Когда увидит царь твою верную службу, повысит тебя в чине!

По велению царя все новобранцы тогда были распределены по стрелецким полкам. Савва попал в Земляной город на Сретенку в зимний дом стрелецкого капитана Якова Шилова. Капитан и его супруга были людьми благочестивыми и добронравными; они видели Саввино умение и уважали его. Полки стояли по Москве в полной готовности к походу.

Однажды бес пришел к Савве и предложил:

— Брат, пойдем с тобой вперед войска к Смоленску и посмотрим, что там делается, как они укрепляют город, и какие у них орудия.

И они за одну ночь прибыли из Москвы в Смоленск и жили в нем три дня, никем не замеченные. Там они смотрели, как поляки возводят укрепления и как ставят артиллерию на слабо укрепленные направления. На четвертый день бес показал себя и Савву полякам. Те, увидев их, закричали и погнались за ними. А бес с Саввой выбежали из города и побежали к Днепру. Вода перед ними расступилась, и они перешли на тот берег посуху. Поляки стали стрелять по ним, но никакого вреда нанести не смогли. После этого поляки стали говорить, что два беса явились в городе в человеческом обличье. А Савва с бесом возвратились в Москву вновь к тому же Якову Шилову.

Когда по приказу царя войска выступили из Москвы к Смоленску, то вместе с ними выступили и Савва с «братом».

Командовал армией боярин Федор Иванович Шеин. В дороге бес говорит:

— Брат, когда придем под Смоленск, от поляков выйдет из города на поединок богатырь и станет выкликать противника. Ты не пугайся, а выступи против него. Я все знаю и говорю тебе: ты его поразишь. На другой день другой выедет — и ты вновь выходи против него. Знаю точно, что ты и того поразишь. На третий день третий поляк выедет из Смоленска. Но ты ничего не бойся — и того победишь, хотя и сам ранен будешь; но я твою рану вскоре залечу.

Так он рассказал всё Савве, а вскоре они пришли под Смоленск и расположились в подходящем месте.

В подтверждение бесовских слов из города вышел воин, весьма страшный видом, и стал скакать туда-сюда на коне и искать себе противника из рядов русских. Но никто не решался выйти против него. Тогда Савва объявил всем:

— Был бы у меня боевой конь, я бы вышел сразиться с этим государевым неприятелем.

Друзья его, услышав такое, доложили командующему. Боярин приказал привести Савву к себе, а потом приказал дать ему особенного коня и оружие, думая, что юноша погибнет от того страшного великана. А Савва помнил слова своего «брата»-беса и без колебаний выехал против польского богатыря, поразил его и привез его тело вместе с лошадью в русский стан, заслужив ото всех похвалу. Бес в то время ездил за ним прислужником-оруженосцем.

На второй день из Смоленска вновь выезжает страшный великан. Против него выехал все тот же Савва. И того поразил. Все удивлялись его храбрости, а боярин разгневался, но злобу свою утаил.

На третий день выезжает из Смоленска воин еще виднее прежних и тоже ищет себе противника. Савва же, хотя и испугался выезжать против такого страшилища, но, помня заповедь бесовскую, все же выехал немедленно. И вот против него на коне поляк. Он яростно налетел и пробил Савве левое бедро. А Савва возобладал над собой, напал на поляка, убил его

и привел с конем в русский стан. Тем он немалый позор на осажденных навлек, а все российское войско изрядно удивил.

Потом из города стало выходить войско, и армия против армии сошлись и стали сражаться. И где Савва с «братом» только ни появлялись, там поляки бежали, открыв тылы. Побили они вдвоем бесчисленное количество, а сами остались невредимы. Прослышав о храбрости юноши, боярин уж не мог скрыть своего гнева, призвал Савву в свой шатер и спросил:

— Скажи мне, юноша, откуда ты и чей ты сын?

Тот ответил правду, что он сам из Казани, сын Фомы Грудцына-Усова. Тогда боярин начал поносить его последними словами:

— Какая нужда тебя в такое пекло привела? Я знаю твоего отца и родных твоих, они люди богатые, а тебя кто гнал? Или бедность заставила оставить родителей и сюда прийти? Говорю тебе: немедля иди домой к родителям и благоденствуй там. А не послушаешь меня, узнаю, что ты еще здесь — погибнешь без снисхождения: повелю тебе главу отсечь! — сказал это он с яростью и отошел от Саввы.

Юноша в великой печали пошел прочь. Когда он от шатра отошел подальше, бес ему сказал:

— Что печальный такой? Не угодна служба наша здесь — пойдем в Москву и там будем жить.

Не мешкая, они пошли от Смоленска в Москву и остановились у того же капитана. Днем бес находился при Савве, а к ночи уходил в свои адские жилища, где и положено ему, проклятому, пребывать. Прошло время. Вдруг Савва неожиданно заболел и очень тяжело, подступив на грань смерти. Жена капитана, женщина благоразумная и богобоязненная, заботилась о нем как могла. Много раз она предлагала ему позвать священника, исповедать грехи и причаститься Святых Таин.

— А вдруг, — говорила, — от такой тяжелой болезни внезапно и без покаяния умрешь!

Савва не соглашался:

— Хоть болезнь и тяжела, но не к смерти она.

Но день тот дня болезнь все усиливалась. Хозяйка неотступно требовала покаяния, чтобы он без него не умер. Наконец, по настояниям боголюбивой женщины он согласился на исповедь. Та послала во храм святого Николая-чудотворца за священником, который и пришел без промедления. Священник был уже в летах, богобоязненный и опытный. Придя, он, как полагается, стал читать покаяние молитвы. Когда все покинули помещение, он начал больного исповедывать. И тут больной внезапно увидел, что в комнату вошла целая толпа бесов. И с ними — мнимый брат, только уже не в человеческом облике, а в своем подлинно, зверообразном.

Он встал позади бесовской толпы и, скрежеща зубами и трясясь от злобы, стал показывать Савве его богоотступническую расписку со словам: «Клятвопреступник! Видишь, что это? Не ты ли это писал? Или думаешь, покаянием избегаешь нас? Нет, и не думай, а я со всей силой обрушусь на тебя!» — и прочее в таком духе. Больной видел их, как наяву, ужаснулся и в надежде на силу Божию все подробно рассказал священнику. Тот, хотя и был крепок духом, но тоже испугался: людей никого, кроме больного в помещении не было, а голоса бесов раздавались явственно. С большим трудом он заставил себя довести исповедь до конца и ушел домой, никому ничего не рассказав. После исповеди бес напал на Савву и начал его истязать: то о стену ударит, то о пол, то душил так, что пена изо рта выступала. Благонравных хозяевам мучительно было видеть такие страдания, они жалели юношу, но помочь ничем не могли

Бес день ото дня все лютел, нападал на Савву все сильнее и видеть его мучения было ужасно. Видя такую необычную вещь и даже не зная, что больной самому царю известен своей храбростью, хозяева решили донести все до ведома царя. А у них, кстати, и родственница обитала при дворе. И вот хозяин посылает жену к ней с просьбой поскорее рассказать про этот случай государю.

— А вдруг юноша умрет, — сказал, — и с меня спросят за то, что умолчал!

Жена быстро собралась, пошла к родственнице и рассказала все, что муж повелел. Та прониклась состраданием, поскольку сильно за юношу переживала, а еще больше за родных, как бы, действительно, с ними какая беда не приключилась. Потому она не стала мешкать, а пошла в царские палаты и рассказала обо всем доверенным слугам царя. Вскорости и сам царь обо всем узнал. Услышав такую историю, государь простер свое милосердие над болящим и повелел находившимся при нем слугам, чтобы во время ежедневной смены караула в дом того стрелецкого капитана посылались всякий раз по двое караульных наблюдать за больным.

— Охраняйте того юношу, а то как он, от мучений обезумев, в огонь или в воду бросится...

Сам благочестивый царь посылал больному еду на каждый день и повелел, чтобы как только тот выздоровеет, его бы известили. И немалое время наш больной находился в руках бесовских сил.

1-го июля Савва был измучен бесом необычайно, на короткое время заснул и во сне, точно наяву, сказал, проливая слезы из закрытых глаз:

— О Всемилостивая Госпожа Царица, помилуй — не солгу, но обещаю исполнить все, что прикажешь!

Часовые солдаты, услышав такое, удивились и поняли, что ему было видение. А когда больной проснулся, подошел к нему капитан:

— Господин Грудцын, скажите мне, с кем вы говорили во сне со слезами на глазах?

Савва вновь залил лицо слезами.

— Я видел, — сказал он, — как к моему ложу подошла женщина в пурпурных одеждах, сияющая несказанным светом. С ней двое мужчин, сединами украшенных; один в архиерейском облачении, другой — в апостольской одежде. И не могу подумать иначе, как то, что женщина была Пречистой Богородицей, один из ее спутников — наперсник Господень Иоанн Богослов, другой — прославленный среди иерархов

неусыпающего града нашего Москвы митрополит Петр. Я видел их образы.

И говорит светозарная Царица: «Что с тобой, Савва, и отчего ты так страдаешь?» А я ей отвечаю: «Страдаю, Владычица, оттого, что прогневал Сына Твоего и моего Бога и Тебя, Заступницу рода христианского. За это бес меня и мучит». Она спрашивает: «Как же нам избежать этой напасти? Как выручить письмо из ада? Как ты думаешь?» Я говорю: «Никак.

Только помощью Сына Твоего и Твоею всесильною милостью!» Она говорит: «Я упрошу Сына Моего и Бога твоего, только ты один обет исполни, а Я тебя избавлю от беды твоей. Хочешь стать монахом?» Я со слезами на глазах стал молить Ее во сне теми словами, что вы слышали. Она сказала: «Слушай, Савва, когда пойдет праздник Явления Моей Казанской иконы, ты приходи в мой храм, что на площади возле Ветошных рядов, и Я перед всем народом явлю на тебе чудо!» Сказав так, Она стала невидима.

Рассказ этот слышали капитан и приставленные к Савве воины. Они подивились такому чуду.

Стали капитан с женой думать, как бы известить о случившемся царя. Наконец решили вновь послать ту родственницу, чтобы она рассказала приближенным, а те самому государю. Родственница пришла к капитану; хозяева передали ей видение юноши.

Она тут же пошла во дворец и возвестила приближенным. Те немедленно доложили царю. Царь сильно был удивлен и стал ждать назначенного праздника.

И вот 8 июля настал праздник Казанской Пресвятой Богородицы. Тогда царь повелел больного Савву донести до церкви. В тот день там был крестный ход у соборной церкви Пресвятой Богородицы...

Присутствовал и сам царь. Когда началась Божественная Литургия, Савву положили на ковре вне церкви. А когда запели «Херувимскую», раздался голос, подобный грому:

— Савва! Встань, что ты медлишь?! Иди в церковь и будешь здоров. И больше не греши! — а сверху с высоты упала отступническая расписка и смылась, как будто ее и не писали.

Царь, увидев такое чудо, удивился. Больной Савва вскочил с ковра, будто и не болел, вошел в церковь, пал перед образом Пресвятой Богородицы и начал со слезами просить:

— О Преблагословенная Матерь Господа, христианская Заступница и Молебница о душах наших к Сыну Своему и Богу! Избавь меня от адской пропасти! Я вскорости свое обещание исполню.

Это слышал великий государь Царь и Великий князь всей России Михаил Федорович и велел привести Савву к себе. Когда Савва пришел, царь спросил его о видении. Тот рассказал ему все подробно и показал ту самую расписку. Царь подивился милосердию Божию и свершившемуся чуду. После Божественной литургии Савва пошел опять в дом стрелецкого капитана Якова Шилова. Капитан и его жена, увидев такое милосердие Божие, возблагодарили Бога и Пречистую Его Матерь.

Потом Савва раздал бедным свое имущество все, сколько у него было, а сам ушел в монастырь Чуда Архистратига Михаила, в котором лежат мощи святителя Божия митрополита Алексея (этот монастырь называют Чудов).

Там он принял монашество и стал жить в посте и молитвах, беспрестанно молясь Господу о своем согрешении. В монастыре он прожил немало лет и отошел ко Господу во святые обители. Вседержителю Богу слава и державе Его во веки веков! Аминь.

Повесть о Горе и Злосчастии, как горе-Злосчастие довело молотца во иноческий чин

Изволением Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческаго.
А в начале века сего тленнаго
сотворил небо и землю,
сотворил Бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
не повелел вкушати плода виноградnаго
от едемскаго древа великаго.

Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию,
вкусили плода виноградnаго
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
Господь Бог на них разгневался,
и изгнал Бог Адама со Еввою,
из святаго раю из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил их растити́ся, плодити́ся
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.
Учинил Бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческаго и для любимых детей.

Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добр [е] убожливи,
а на безумие обратилися
и учели жить в суете и в [не] правде,

в ечерине великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия,
и срамныя позоры немерныя,
безживотие злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.

Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, –
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место болшее,
не пей, чадо, двух чар за едину!
Еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем и корчемникам,
не знайся, чадо, с головами кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми, не мудрыми,

не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато, и сребро,
не збирай богатства неправаго,
не буди послух лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрыет Бог от всякого зла.
Не бесчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублев,
залез он себе пятьдесят другов.
Честь его яко река текла;
друговя к молотцу прибивалися,
[в] род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг –
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речами прелесными,
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,

ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся, надейся на меня, брата названова, –
я сяду стеречь и досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, –
не хотелося ему друга ослушатца;
принимался он за питя за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чиры и чулочки – все поснимано,
рубашка и портки – все слуплено,
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;

стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое, –
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полуденги, –
так не стало ни друга, не полдруга:
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися:
ведет он все по писанному учению, –
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в болшее место, не в меншее, –
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя, все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца –
и нечем на пиру не хвалитца.

Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, добрый молодец,
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься.
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоей?
или малые дети тебя изобидили?
или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную
про лестное питие пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, –
благословение мне от них миновалося,
Господь Бог на меня разгневался
и на мою бедность великия,
многия скорби, неисцелныя,
и печали неутешныя,
скудность, и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изсушила печаль мое лице и белое тело, –
ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутилися, –
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить

на чюжей стороне, в чюжих людех
и как завести мне милых другов?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не обявливай,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лети ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавыя,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей!
И ты с кротостию держися истинны с правдою, –
то тебе будет честь и хваля великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милые други,
названия братья надежныя!»
И оттуду пошел молодец на чюжу сторону
и учал он жити умеючи:
от великаго разума наживал он живота болше старова;
присмотрил невесту себе по обычаю –
захотелося молотцу женитися:
средил молодец честен пир
отечеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по Божию попущению,
а по действу диаволю
пред любовными своими гостьми и друга
и назваными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвальное:
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец, живота болши старова!»

Подслушало Горе-Злочастие хвастанье молодецкое –
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством, –
бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае, –
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочастие великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися –
не могли у меня, Горя, уехати –
а сами они во гроб вселились,
от меня накрепко они землею накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а Злочастие на их в могиле осталось.
Еще возграяло, я. Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастью, не в пустеже жити –
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит,
а гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе горинское:
«Как бы мне молотцу появитися?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую, –
кабаком по Горе избудетца,
да то злое Горе-Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,

а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось –
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, беспроторица великая?
На себя что купить – то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется –
а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появитися
своим милым другом –
пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево;
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечера ни дообеднем,
не едал молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною,

уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку –
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое, –
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки скоча Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня. Горе, не уйдешь никуды;
не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват –
а в горе жить – некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать
и учнет он недругу покарятися!»
Говорит злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудряя на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец [беду] неменучюю,
покорился Горю нечистому –
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел, поскочил доброй молодец

по кругу, по красну по бережку,
по желтому песочику;
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие
и сам идучи думу думает:
«когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец не кручиноват –
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрила,
«хорошо ли мое чадо в драгих портах? –
а в драгих портах чаду и цены нет!»
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!»
Услышали перевощики молодецку напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
и не взели у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что ты еси, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любымым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,

отцем и материю,
возми от них благословение родительское!»
И оттуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, добрый молодец,
не на час я к тебе. Горе злочастное, привязалося!
хошь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе – еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается –
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хоть кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом, –
А Горе за ним белым кречатом;
молодец полетел сизым голубем, –
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы;
молодец стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастие над молотцем насмиялося:
«быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой,
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами –
еще Горе злочастное насмеялося:
«быть тебе, рыбонке, у бережку уловленой,

быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить –
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с камнем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь –
и оттоле молодец в монастыр пошел постригатися,
а Горе у святых ворот оставается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай нам, Господи, светлый рай.
Во веки веков. Аминь.

Вопросы и задания:

1. Прочитайте «Повесть...», стараясь себе представить все ее эпизоды и сцены в лицах. Составьте план, озаглавив каждую часть. Назовите героев и персонажей. Дайте краткий пересказ сюжета.

2. Как вы думаете, почему Горе-Злочастие одержало победу над Молодцем, хотя к этому времени Молодец стал взрослее, самостоятельнее, разумнее, нежели он был раньше? Какой путь выбирает Молодец, чтобы избавиться от своего смертельного врага?

3. Почему Молодец самостоятельно не может избавиться от Горя-Злочастия? Чем ему поможет жизнь в монастыре? (Не будем забывать, что жизнь человека в монастыре настраивает его на искреннее покаяние.)

4. Как вы думаете, почему в повести нет ни одного имени собственного?

5. Как автор относится к своему беспутному герою?

КЛАССИЦИЗМ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Классицизм – это направление, главной особенностью которого является естественное стремление человека к целостности, гармонии, красоте, идеалу. В области литературы это проявилось в полной мере, раскрыв миру плеяду новых имён и бессмертных произведений.

Время возникновения данного направления в Европе - XVII век. Место рождения классицизма – Франция.

Определённые исторические условия породили этот жанр. Когда в Европе господствовал абсолютизм, была полная идеология власти, человек тогда считался лишь рабом государства и главной целью его жизни должно было быть служение своей стране, гражданское мышление, готовность исполнить свой гражданский долг. Поэтому в произведениях классицизма главное внимание уделялось конфликту между разумом и чувствами, долгом и своими личными интересами. Здесь нет психологической углубленности в характерах персонажей, поскольку в то время никому не было дела до того, что чувствует обычный человек.

Более того, в данном направлении в большей степени сложилось так, что отрицательными героями становятся те, кто живёт чувствами, а положительными – кто руководствуется рациональностью и умом, благодаря чему побеждают первых. Таким образом, вырисовывался тот идеал, к которому должен был стремиться каждый человек. Главной опорой, на которой возник классицизм, была философская концепция Рене Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую». Этими словами утверждалось, что всем правит разум, рационализм, осмысленность.

Особенности классицизма

Правило триединства:

1. Единство действия – сфокусирована главная мысль, идея, на которой строится сюжет, именно ему автор уделяет главное внимание, а второстепенных сюжетных линий должно быть как можно меньше.

2. Единство места – всё действие происходит в одном конкретном месте, не выходя за его пределы.

3. Единство времени – ограничитель по времени действия – сутки.

Иерархия жанров

Высокие жанры: ода, трагедия, эпопея;

Низкие жанры: комедия, басня, сатира. Смешивать жанры не разрешалось.

Античное искусство – это основа, источник вдохновения для классицизма, поэтому все античные идеалы воплощаются в этом новом направлении.

Главная цель классицизма – воспитание нравственных чувств долга и ответственности.

Главный конфликт в произведениях классицизма – борьба между чувствами и разумом.

Преобладание государственных интересов над личными: воспитание гражданских чувств, патриотизма.

Возвышение разума и рациональности.

Чёткое разделение героев на положительных и отрицательных, часто каждый персонаж являлся воплощением какого-либо определённого качества: порока либо добродетели (мужества, жадности и т.д.). Таким образом, характер не получал развития, а герои не были наделены какими-либо индивидуальными чертами. Они воплощали конкретные образы, которые служили бы ориентиром для читателей.

Жанр определяет форму и тему.

Гармония, логичность, чистота языка, строгость, конкретика.

Представители классицизма в мировой литературе Ж.-Б. Мольер – «Мещанин по дворянстве», «Мизантроп», «Скупой» (Франция) Ж. Расин – «Андромаха», «Митридат» (Франция) И.В. Гёте – «Эгмонт» (Германия) П. Корнель - «Гораций», «Сид» Дж. Аддисон – трагедия «Катон» (Англия)

Классицизм в русской литературе

В России данное направление появилось лишь спустя 100 лет после его возникновения в Европе. Это было связано в первую очередь с преобразованиями Петра 1, с тем, что он «прорубил окно в Европу», привнеся огромный вклад не только в промышленность, экономику и политику, но и в культуру.

Первый период

До этого момента основные книги, которые мог тогда прочитать русский человек, были исключительно религиозного, церковного содержания. Классицизм же предполагал светскую литературу, поднимавшую социальные темы и проблемы. Первыми произведениями этого направления стали работы зарубежных авторов в переводе. Но вскоре в России появились свои представители классицизма, и ими стали А.Д. Кантемир, А.П. Сумароков и В.К. Тредиаковский. Благодаря этим авторам активно развивались жанры сатиры и оды.

Второй период – 1730-1770-е гг.

Это самый яркий этап развития классицизма в России. Тогда главным его представителем стал М.В. Ломоносов, стремившийся развивать родной язык и отечественную литературу, желающий чётко разделить её на светскую и духовную.

Третий период – конец XVIII века.

Это время А.Н. Радищева, Д.И. Фонвизина и Г.Р. Державина. Они являются последними представителями классицизма в России. И даже они уже начинают нарушать строгие правила, что явно говорило о кризисе направления.

Особенности классицизма в отечественной литературе

Основной конфликт – между разными социальными классами (аристократия и буржуазия) Классицизм в России процветал в период просвещённого абсолютизма, поэтому быстро стал очень популярным жанром. Патриотизм, чувство долга перед отечеством – всё это закладывалось в основу произведений данного направления. Авторы славили своё государство, его прошлое, его богатую историю. Если у

европейцев в основе была античная культура, то в России её аналогом стала собственная история. Особое внимание уделяется сатирической направленности, развиваются такие жанры, как комедия, басня, где высмеивались пороки и утверждалась добродетель. Воспитание в читателе нравственных чувств, установка моральных правил, гуманность, доброта. Традиционный сюжет состоял из 3 главных героев – участников любовного треугольника.

Представители классицизма в отечественной литературе

М.В. Ломоносов – «Ода на день вошествия...»

Д.И. Фонвизин – комедия «Недоросль»

Г.Р. Державин – «Памятник»

В.К. Тредиаковский – «Тилемахида»

Михаил Васильевич Ломоносов

Ломоносов - это не просто ученый. Он символ верного служения науке и пример того, что при наличии желания и усилий карьеру можно сделать даже в обществе, где социальная мобильность сильно ограничена сословными рамками.

Сын непростого крестьянина Михаил Васильевич Ломоносов действительно родился в семье Василия Дорофеевича осенью 1711 года. Однако Василий Ломоносов принадлежал к категории государственных крестьян. Они не знали крепостничества и платили подушную подать в казну, так как формально проживали на земле, принадлежащей государству. Однако отец будущего ученого не бедствовал. Василий разбогател благодаря указу 1714 года, изданному Петром I. Самодержец запретил жителям Архангельской губернии строить традиционные для этих мест ладьи, повелев делать суда на голландский манер. Василий, у которого был опыт хождения на подобных кораблях, первым в губернии построил судно европейского типа, которое назвал «Чайка». Василию Ломоносову принадлежала рыболовецкая артель. Историки полагают, что легенда о том, что бедный паренек прибился к рыбному обозу и три недели шел пешком в Москву,

несколько преувеличена. Вероятно, обоз принадлежал отцу, а к Михаилу - сыну хозяина - относились с почтением.

В 1863 году в биографии, подготовленной к столетию со дня смерти ученого, биограф Владимир Ламанский назвал Ломоносова помором. С тех пор утверждение о принадлежности ученого к этой особой этнографической группе русского и финно-угорского населения стала повторяться во многих биографиях Ломоносова. Большинство поморов - старообрядцы, которые были негативно настроены по отношению к официальной православной церкви империи. В 1757 году Ломоносов написал скандальный «Гимн бороде», из-за которого православное духовенство обратилось с жалобой к императрице Елизавете. Этот факт для некоторых биографов служил косвенным подтверждением поморского происхождения Ломоносова. Однако историки не смогли найти хотя бы один документ, в котором ученый называл бы себя помором. Сохранилось сообщение о Ломоносове от 1734 года, когда его допрашивали в канцелярии синодального правления. Из него известно, что Ломоносов назвал себя сыном крестьянина Архангелогородской губернии Василия Дорофеева.

Во многих биографиях Ломоносова повторяется факт, что он поздно научился читать. Грамоте его обучил дьяк церкви, расположенной в деревне Мишанинская, где родился Ломоносов. Не так давно историки выяснили, что в доме у Василия и Елены Ломоносовых была библиотека и родители владели грамотой. Детство Ломоносова не было серым и невежественным, как это изображалось во многих биографиях. Поэтому существует версия, что читать Михаил научился в раннем возрасте благодаря матери. После смерти Елены Ивановны - матери Михаила - Василий Ломоносов еще несколько раз был женат. С мачехой Ириной у парня не складывались отношения. Она была менее образована, чем Елена, и ее раздражала тяга пасынка к грамоте, что служило причиной конфликтов. Отношения с мачехой историки называют одной из вероятных причин побега из дома в 1730

году. Другой причиной считают намерение Василия женить сына.

Михайло с 10 лет помогал отцу в промысле и к 19 лет должен был стать самостоятельным, заведя собственную семью. Для крестьянского сына в XVIII веке возраст для вступления в брак был подходящим. Однако Михаил обладал своенравным характером и решил не подчиняться отцовской воле, почему и сбежал в Москву. Побег стал не последним в жизни Михаила восстанием против авторитета. В 1739 году он сбежал от авторитарного преподавателя Генкеля в Саксонии, а затем из прусской армии, куда Ломоносов попал, возвращаясь домой из Германии.

Удачливый крестьянский сын Михаил Ломоносов, биография которого полна историями о невероятном везении, в 1731 году пришел в Москву. Ему удалось поступить в Славяно-греко-латинскую академию. Известно, что при поступлении Михаил назвался сыном дворянина. Однако уже спустя три года его обман был раскрыт. В 1734 году он дает показания, в которых рассказывает правду о своем происхождении, но никаких санкций за обман не последовало. Более того, Ломоносова направили учиться в одно из самых престижных учебных заведений империи - Киево-Могилянскую академию. Спустя год, в 1735-м, Ломоносов уже студент университета при Академии наук в Санкт-Петербурге, а еще через год он получил направление на заграничную стажировку, где провел четыре года. Несмотря на самовольное оставление места учебы и возвращение на родину в 1741 году без официального разрешения, Ломоносов снова не понес никакого наказания. Наоборот, смог защитить две диссертации и получить должность адъюнкта. С точки зрения современника, это небывалый карьерный рост для человека, который сказал неправду при поступлении.

Известно, что в 1728 году был издан указ, запрещавший принимать детей крестьян в Славяно-греко-латинскую академию. Однако он практически не выполнялся. Обучение грамоте было не в моде среди представителей привилегированных сословий. Образование в XVIII веке никто

не рассматривал как социальный лифт, и академия испытывала проблему с учащимися. Поэтому руководство вынуждено было закрывать глаза на происхождение желающих учиться. Ломоносов, который был намного старше остальных учащихся, проявил усердие, которое не могло остаться незамеченным. У него не было сильных конкурентов. Поэтому уже в 34 года он получил звание профессора и чиновничий титул, который, согласно «Табеля о рангах», приравнивался к дворянскому титулу.

Однолюб и семьянин Михаил Ломоносов был женат один раз. Во время пребывания за границей у него завязался роман с Елизаветой — дочерью хозяев квартиры, которую Михаил снимал. Пара поженилась после рождения первой дочери. В 1740 году Ломоносов и Елизавета Цильх обвенчались по реформатскому обряду в Марбурге. Вскоре Михаил отправился на родину, оставив супругу в доме ее матери и велев ждать вызова. В 1741 году Елизавет отправила запрос в Петербург с просьбой отыскать мужа. Ломоносов признался, что женился без разрешения властей и по протестантскому обряду. Законодательство Российской империи запрещало браки представителей определенных сословий без разрешения начальства и ограничивало браки с иноверцами. Несмотря на два нарушения закона, Ломоносову было позволено перевести жену в Россию при условии, что она примет православие.

В апреле 1765 года Петербург облетела новость, что умер Ломоносов.

Жизнь и творчество Ломоносова свидетельствуют о многогранности его личности. Он интересовался как естественными, так и гуманитарными науками, сделав вклад в развитие обоих направлений.

Реформатор языка Ломоносов провел реформу русского языка, отделив разговорный язык от церковнославянского, введя десятки научных терминов, аналогов которых не было ранее. Также он предложил использовать причастные обороты. Изданная ученым «Российская грамматика» на десятилетия стала пособием по литературному языку.

Ломоносов прославился своими одами. В стихосложении он впервые использовал ямб, сделав произведения изящными и легкими для восприятия. Специалисты подсчитали, что 80% произведений Пушкина написаны именно ямбом.

Если в языкознании Ломоносов стал великим реформатором, то в истории -родоначальником дискуссии, которая длилась более 200 лет. В советские времена Ломоносова изображали как борца с засильем немецкой науки в России. Известен его конфликт с профессорским составом Академии наук в 1743 году. Советские историки изображали его как протест ученого против бездарной иностранной профессуры. Но в глазах современников он остался пьяным дебошем, за который ученого посадили в карцер на полгода и на 50% урезали жалование.

Ломоносов, в отличие от европейских ученых, для которых наука и государство - две параллельные сферы, которые не должны пересекаться, - считал себя защитником государственных интересов, что влияло на его суждения и порождало конфликты с приглашенными иностранными учеными. Продолжением конфликта с иностранцами стал его спор с профессором Миллером, вышедший за рамки академической дискуссии. Историк Миллер, основываясь на текстах летописей, выдвинул предположение о том, что первые князья Киевской Руси были норманнами. Ломоносов счел подобные выводы оскорбительными для национальной гордости великороссов. Он не только писал труды, опровергавшие воззрения Миллера, но и участвовал в преследовании профессора. Известно, что в 1748 году Ломоносов принимал участие в обыске у Миллера, обвиненного в недозволенной переписке с французским астрономом Жозефом Делилем. Ученый искренне считал, что защищает интересы государства.

Профессорское звание Ломоносова, полученное в 1745 году, было присвоено за успехи в изучении химии. Ученый выдвинул гипотезу о связи химических и физических явлений, которая к 1750-м годам оформилась в проект нового направления науки «Физическая химия», которую он начал

преподавать студентам. Сегодня физическая химия - один из наиболее обширных разделов современной химии.

Автор проекта по освоению Севера Ломоносов видел огромный потенциал в ресурсах Севера, которые могут принести пользу казне. Он выдвинул предположение о наличии земель за Северным Ледовитым океаном и возможности пройти на Камчатку Северным океаном. Для проверки гипотезы за месяц до смерти ученого в 1765 году стартовала экспедиция Василия Чичагова. Предположение Ломоносова о том, что Солнце растопит льды для прохода, не подтвердилось, и экспедиция застряла в районе Шпицбергена. Однако с появлением ледоколов идея обрела новое дыхание. Еще одна идея об освоении северных земель при помощи ссыльных оказалась востребованной в советские времена.

Вопреки распространенному мнению Ломоносов не был основателем Московского университета. Его создал фаворит Елизаветы, меценат и друг Ломоносова Иван Шувалов. Ученый же участвовал в написании учебных планов и проекта университетского устава. Основное внимание Ломоносов уделял Петербургскому университету, ректором которого был с 1758 до самой смерти в 1765 году. В советские времена в 1950-х годах имя дворянина Шувалова перестали упоминать в официальной истории университета, заменив Ломоносовым, чье крестьянское происхождение казалось идеологически правильным. Так или иначе, но благодаря ученому и его стараниям в Российской империи сформировался слой образованных людей, способных ценить и развивать науку.

В 1761 году ученый, наблюдая в телескоп за Венерой, выдвинул предположение о том, что на планете имеется атмосфера. Поскольку астрономия была лишь увлечением, Ломоносов не стал развивать идею. Его интересовали не столько звезды, сколько совершенствование оптических приборов, которые бы позволили за ними наблюдать. Впоследствии астрономы подтвердили предположение Ломоносова.

Ломоносова интересовали физические свойства цвета. Увлечение привело его к идее производства цветного стекла.

Он разгадал секреты итальянских стеклодувов и основал отечественное мозаичное производство. В Эрмитаже хранятся несколько мозаичных портретов, созданных Ломоносовым лично, в частности портрет Петра I 1754 года.

Ломоносов - многогранный ученый, который сделал важные открытия как в гуманитарных, так и в естественных науках.

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что при том и кошелек неспор.
Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
Не усмотрел ли он, спросил утопшей следа.
Сосед советовал вниз берегом идти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки;
То истинно теперь о том не сомневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

Утреннее Размышление о Божием Величестве

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!
Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,

Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
Сия ужасная громада —
Как искра пред тобой одна,
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!
От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»
Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.
Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный Царь.

Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина.
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.
Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.
Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен

Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!
Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»
Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.
Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.
В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.

Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!
Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.
Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.
Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.
Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,

Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.
Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.
Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.
Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгий зимы.
И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Который там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.
О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.
Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наед_и_не,
В покое сладки и в труде.
Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Анализ оды

«Ода на день восшествия...» написана Михаилом Васильевичем в 1747 году, на шестую годовщину знаменательного события – восшествия на престол Елизаветы Петровны. В своём произведении он отметил положительные стороны правления новой императрицы, продолжившей добрые начинания Петра I.

Елизавета вплотную занялась реструктуризацией Академии наук: утвердила новый штат и новый указ, вдвое увеличила средства, необходимые на нужды академии, всячески поддерживала науку и русских учёных.

В этот же период весьма насущным был вопрос возможного вступления России в новую войну. Коалиция Австрии, Голландии и Англии предлагала российскому правительству принять участие в войне против Франции и германских государств за право получения Австрийского наследства.

В своём произведении Ломоносов не только прославляет Елизавету за её стремление вывести Россию на новый уровень в вопросе просвещения, но и предостерегает от вступления в войну, настаивая на мирной программе развития государства.

Тема

Центральная тема произведения – прославление великих дел государыни Елизаветы Петровны, которая, по мнению автора, выбрала правильный курс в управлении государством Российским.

Но вместе с тем автор мастерски вплетает в оду и более важные темы: развитие науки и образования, возможность процветания государства только в мирное время, любовь к Родине.

Главная идея произведения – долг перед своим Отечеством, служение которому является наивысшей наградой и честью для каждого человека, будь то простой труженик или монарх.

По сути, ода представляет собой послание, адресованное не только императрице, но также современникам и потомкам поэта. Он страстно мечтает о процветании и благополучии России, её духовном развитии, жизни в мирное время, без войн и лишений.

Композиция

Композиция произведения полностью соответствует основным правилам построения оды и состоит из трёх условных частей, логически связанных друг с другом.

В первой части стихотворения поэт выражает свой восторг и возносит хвалу императрице, её заслугам перед отечеством. Также прославляет прошлые достижения государства и её правителей, с особым восхищением вспоминает Петра I и его знаменитые реформы. По мнению автора, именно от него Елизавета переняла эстафету великих дел.

Во второй части поэт плавно отступает от личности правителя и фокусируется на величественном образе России с её бескрайними просторами, неисчерпаемыми природными богатствами и огромным творческим и духовным потенциалом. Укрепление и обогащение государства он видит в развитии наук, а будущее страны – в образованных, просвещенных молодых людях.

Финальная часть произведения вновь прославляет монарха за его деяния, направленные на благо отчизны.

Жанр

Произведение написано в жанре оды, который был излюбленным литературным жанром Ломоносова. Это торжественное произведение, призванное прославлять значительное лицо или важное событие, и в мастерстве написания од Михаилу Васильевичу не было равных.

Стихотворный размер произведения – четырёхстопный ямб, также излюбленный размер Ломоносова. Он пользовался им с большой искусностью, придавая произведению особую торжественность, звучность и музыкальность.

Рифмовка в данном произведении также заслуживает отдельного внимания. Для первых четырёх строк характерна перекрестная рифма, далее следуют 2 строки с парной рифмой, и завершает стихотворение кольцевая рифма.

Средства выразительности

Произведение отличается удивительным многообразием художественных средств, с помощью которых ода

приобретает торжественный, высокий стиль. Среди них **сравнения** («душа её зефира тише», «зрак прекраснее рая»), **олицетворения** («вихри, не дерзайте реветь», «Марс страшился»), **гиперболы** («чрез горы, реки и моря»), **старославянизмы** («град», «дщерь», «выя», «узреть»), **метафоры** («подать…ума плоды»).

Особое место занимают невероятно красочные и образные **эпитеты**: «щедрая», «земные», «великая», «глубокие», «жестокая».

Благодаря искусному использованию выразительных средств автору удается в полной мере раскрыть свой творческий замысел.

Поздравительное письмо Григорью Григорьевичу Орлову от Михайла Ломоносова с Рудицких заводов июля 19 дня 1764 года

Любитель чистых муз, защитник их трудов,
О взором, бодростью и мужеством Орлов,
Позволь простерть им глас из мест уединенных
Навстречу, где от стран богиня оживленных,
Всех щедря и любя, спешит к Невы струям
Отрады обновить, покой умножить нам;
Где ты усердие и верность к ней являешь,
И сродно с именем, раченьем возлетаешь,
Предвидишь издали благоугодность ей,
Минерве, тысящи достойной олтарей.
Куда ни поспешат стопы ее достигнуть,
Там должно храмы в честь для вечности воздвигнуть.
Лишь только начнется пребыстрых мыслей бег,
Предводит польза их и следует успех.
Стократно счастливы ее под кровом нивы,
Где лавры собрал Петр, она садит оливы.
Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтийски бреги, вы!
Тритоны с нимфами там громко восклицают
И Амфитриды путь российской прославляют.

Кронштадтских вобразив за лето шум валов,
Как радовались те схождению богов,
Екатеринину приходу в длани плещут;
Торжественны огни среди недр влажных блещут.
Сугубым ревом там и пеною порог
Стремится к низу, чтя монарших святость ног.
Противны некогда, но ныне россам святы
Ликуют в торжестве ливонские раскаты.
Крутится, веселясь, в струях своих Двина,
Отрадой более, как влагою, полна.
Не страшны там отвне грозящи исполины:
Крепит премудрыя рука Екатерины.
Для безопасности обильных росских недр
Хранит преемница, что там устроил Петр.
Крепит на западе, в восток распространяет,
Судьба широки где врата ей отверзает,
Народы многие сыскав, от зла покрыть
И знанием добра и пользы просветить.
Здесь тверды крепости, здесь пристани и флоты,
Прибежище своим и от врагов оплоты.
Снаряды значат все противным страх, не вред,
И в безопасности чтоб мирной был сосед.
В покое богатить монархиня нас мыслит,
Что общее добро своим довольством числит,
Во всем Отечестве поставить правый суд
И щедро награждать усердных верный труд,
Блаженство подданных возвысить чрез науки,
Наградой ободрять художественны руки;
Спасать несчастливых, счастливых умножать
И быть рабов своих возлюбленная мать.
Подобно как весны благоприятно время
Живит по всей земли и в море всяко племя,
Владычица красот, натуры щедра дщерь,
Когда богатств своих отверзет только дверь,
Зефиры нежные на воздух вылетают,
Утеху, здравие повсюду разливают,
И пчелы пестрые сосут в лугах цветы,

Сбирая сладостны себе и нам соты.
Поля, стада, леса дают везде надежду,
Готовя нам покров, и пищу, и одежду;
И всё, что видимо в богатом естестве,
Живет и движется в труде и в торжестве.
Не иначе народ в блаженстве успевает,
Что просвещенная богиня покрывает;
В числе монаршеских считает вящих дел
Внутрь области снабдить и укрепить предел.
Се слава по путям ливонским разглашает:
Монархиня лицем к Петрополю сияет.
В восторге он приняв желаемый сей слух,
От чистых Невских струй возводит взор и дух.
И солнца своего приветствует восходу,
Откуду блещет свет российскому народу.
Желания во всех, как тихих волн игра,
Приемлющих лучи чистейшие сребра,
Повсюду блещущих от одного светила;
Так действует в сердцах доброт монарших сила!
Я зрю здесь в радости довольствий общих вид,
Где Рудица, вьючись сквозь каменья, журчит,
Где действует вода, где действует и пламень,
Чтобы составить мне или превысить камень
Для сохранения геройских славных дел,
Что долг к Отечеству изобразить велел.
Где дщерь Петрова мне щедротною рукою
Награду воздала между трудов к покою.
Трудов, что ободрил Екатеринин глас,
И взор жизнь нову влил, и воскресил Парнас!
Он будет сих даров бессмертный проповедник.
А ты, о храбрых дел отеческих наследник,
Что знаешь с мужеством приятность сопрягать,
Блюсти величество и подданных спасать.
Великие дела соединять к отраде,
И Марсу следовать и угождать Палладе.
Блажен родитель твой таких нам дав сынов,
Не именем однем, но свойствами Орлов.

Он храбростью Петру усердствовал на брани;
Ты верны Отчеству распростирая длани,
Екатеринин рок и общей отвратил,
Покой и век златой наукам обновил:
Ликуют Северны страны в премудрой воле,
Что правда с кротостью сияет на престоле.
О коль прекрасны дни! о коль любезна власть!
Герой, мы должны в том тебе велику часть!

Я знак бессмертия себе воздвигнул...

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И перьвому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

Письмо о правилах российского стихотворства

Почтеннейшие господа!

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшия нашел монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердный к отечеству

и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне молчать было. Однако не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискусство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей мой труд купно со следующим *о нашей версификации вообще рассуждением* вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила давать, но искренное усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне, стихи сочиняя, поступаю. Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российской язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в

оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третие: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком

учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных довольное России дала изобилие. 'В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем.

Первый род стихов называю *ямбическим,* которой из одних только ямбов состоит:

Бе̄ле̄ёт бӯдто̄ сне̄г лйцо̄м.

Второй *анапестическим,* в котором только одни анапесты находятся:

Начерта̄н многокра̄тно в бегӯщих волна̄х.

Третий из *ямбов* и *анапестов смешенным,* в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во̆ пӣщў се̄бе̄ чёрвёй хва̄та̄ть.

Четвертый *хореическим,* что одни хореи составляют:

Свет мо̆й, зна̄ю, что̄ пы̆ла̄ёт.

Мне̄ мо̆я не слўжйт до̄ля̆.

Пятой *дактилическим,* которой из единых только дактилей состоит:

Вьётся̄ крўга̄мй змйа̄ по̆ тра̄ве̄,

о̆бно̆вйвшйсь в рӑссе̄лйнӗ.

Шестой из *хореев* и *дактилей смешенным,* где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стопу:

Е̄жёль бо̆йтся̄, кто̄ не̄ ста̄л бы̆ сӣлён бёзмёрно̆.

Сим образом расположив правильные наши - стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов *пентаметров, тетраметров, триметров* и *диметров,* а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорея можно пиррихия положить.

Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цвёты̄, рўмя̄нёц ўмнёжа̄йтё.

А здесь вместо хорея:

Со̄лнцёва̄ сёстра̄ за̄бы̄ла̄.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимый нужды или великий скорости, понеже они совсем друг другу противны.

Третие: российские стихи красно и свойственно на *мужеские, женские и три литеры гласные, в себе имеющие рифмы,* подобные италианским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуду пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третием, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится, то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только однеми женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять?

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно советоваться могут, как и немецкие. Понеже мы *мужеские, женские* и *тригласные* рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне

женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся; однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках.

Но, мои господа, опасайся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные *о российской версификации мнения* нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинит. Не с иным коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить. Чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов. 1739

Письмо о пользе Стекла

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза:
Не меньше польза в нём, не меньше в нём краса.
Не редко я для той с Парнасских гор спускаюсь,
И ныне от нея на верьх их возвращаюсь,
Пою перед Тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я щастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огнь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель...
Но чтож, от недр земных родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев, смертные о, как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились,

И было в деле сем удачно мастерство:
Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам щастливо:
Из чистого стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого льзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу,
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! Сие твоих достоинств лишь начало,
Которы мастерство тебе с природой дало...
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют:
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу.
Какую надлежит ему принесть хвалу!
Хоть вместо оного замысловаты Хины
Сосуды составлять нашли из чистой глины:
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобразив в Фарфор,
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают, -
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.
Искусство, коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся

И ветхой древности грызенья не боятся.
Когда неистовой свирепствуя Борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толстыя стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть,
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть -
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом, как человек зимой стал безопасен
Еще при том желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленый сад,
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимою за Стеклом цветы хранятся живы,
Дают приятный дух, увеселяют взор
И вам, Красавицы, хранят себя в убор...
Прекрасный пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши были бы достойны смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя:
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя...
Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила:
Вы также украшать желаете себя.
За тем, прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!

Но чем вы краситесь в другие времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют?
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам недало Стекло?..
Так в бисере Стекло, подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных степях,
Им красится Арап на южных берегах...
По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг,
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие - досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем?
Что честь достойную воздать ему коснеем?..
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курим табак;
И только лишь о том мы думаем жалея,
Не сверглась в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд щастливой Европы?
Не огнь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от Варваров нанес...
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал Творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет

Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую, хотя весьма пространну знаем,
Но, к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!..
Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок онаго конец имеет сила:
Кроме, что в далеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не досягает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит...
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем Он наполнил Понт, и воздух, и леса.
Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно.
Коль много Микроскоп нам тайностей открыл
Невидимых частиц и тонких в теле жил!
Но что еще? Уже в стекле нам Барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:
Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил;
Чрез тож откроется в погодах разность сил.
Коль могут щастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной, ни дождь опасен в поле!
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам
И плавать по морю безвредно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!
Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целый год едва бы мне достал.

За тем уже слова похвальны оставляю
И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.
Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапный треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум,
От гневного часа желает гдеб укрыться,
Причины онаго исследовать страшится,
Дабы истолковать что молния и гром,
Такия мысли все считает он грехом...
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,
Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стеклянный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственны сверьканием и треском.
Дивился сходству ум, но, видя малость сил,
До лета прошлаго сомнителен в том был...
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила тучь гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что, зная правила, изъисканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром...
Хотя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе...

Вопросы и задания:

1. Что вам известно о жизни и творчестве М.В. Ломоносова?
2. Какие научные открытия принадлежат Ломоносову? Почему его называют учёным-энциклопедистом?
3. Каков вклад Ломоносова в развитие русской словесности? Перечислите его филологические труды.
4. Произведения каких жанров преобладают в литературном творчестве Ломоносова?

5. В каком жанре написано **«Письмо о пользе стекла»?** К кому обращается поэт в своём стихотворении? В чём смысл названия произведения? Прочитайте отрывки из стихотворения, наиболее убедительно показывающие применение стекла в быту и в науке.
6. Чему посвящено **«Утреннее размышление о Божием величестве»?** Можно ли отнести это произведение к тому же жанру, что и «Письмо о пользе стекла»? Почему вы так думаете? Почему восхищение солнцем завершается похвалой Творцу?
7. Можно ли сказать, что **«Ода на день восшествия...»** – это прежде всего гимн наукам и мирной политике? Почему стихотворение начинается с образа «возлюбленной тишины»? Какие черты обретает в оде образ Елизаветы Петровны? В чём патриотический смысл произведения?

ФОНВИЗИН ДЕНИС ИВАНОВИЧ (1745-1792)

Денис Иванович Фонвизин - один из образованнейших людей своей эпохи. Он был писателем и драматургом, публицистом и переводчиком. Его по праву считают создателем национальной русской бытовой комедии, самые известные из которых «Недоросль» и «Бригадир». Родился 14 апреля 1745 г. в Москве, в дворянской семье потомков рыцаря ливонского ордена. Ещё при Иване Грозном один из рыцарей ордена Фон Визен попал в плен и остался на службе русского царя. От него и пошёл род Фонвизиных (приставку фон присоединили на русский манер к фамилии Визен). Благодаря своему отцу получил начальное образование дома. Воспитывался в царившем в семье патриархальном укладе. С 1755 г. обучался в дворянской гимназии при Московском университете, затем на философском факультете того же университета.

С 1762 года находится на государственной службе, сначала работает переводчиком, затем, с 1763 г., в коллегии иностранных дел на должности секретаря кабинет-министра Елагина. Проработав здесь около шести лет, в 1769 году становится личным секретарём графа Панина. С 1777 по 1778 гг. путешествует за границей, немало времени проведя во Франции. В 1779 году вернулся Россию и поступил на службу в качестве советника канцелярии при Секретной экспедиции. В 1783 г. ушёл из жизни его покровитель граф Панин и он немедленно ушёл в отставку в чине статского советника и 3000 руб. годовой пенсией. Свободное время посвятил путешествиям.

С 1783 года Денис Иванович побывал в Западной Европе, Германии, Австрии, немало времени провёл в Италии. В 1785 году у писателя случился первый инсульт из-за которого в 1787 году ему пришлось вернуться в Россию. Не смотря, на мучивший его паралич, продолжал заниматься литературной работой.

Ушёл из жизни Денис Иванович Фонвизин 1 (12) декабря 1792

года. Похоронен писатель в Санкт-Петербурге на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Творческий путь

Создание первых произведений относится 1760-м годам. Будучи сам по своему характеру человеком живым и остроумным, любившим посмеяться и пошутить, он создаёт свои ранние произведения в жанре сатиры. Этому способствовал его дар иронии, который не оставлял его до конца жизни. В эти годы идёт интенсивная работа на литературном поприще. В 1760 году в «Литературном наследстве» он опубликовал свой, так называемый «ранний «Недоросль»». Одновременно, в период с 1761 1762 гг., занимается переводами басен Хольберга, произведений Руссо, Овидия, Грессе, Террасона и Вольтера.

В 1766 году была закончена его первая, получившая известность, сатирическая комедия «Бригадир». Пьеса стала событием в литературных кругах, автор сам мастерски читал её и Фонвизин, тогда ещё мало кому известный, был приглашён в Петергоф, чтобы прочитать своё произведение самой императрице Екатерине II. Успех был огромный. Пьеса была поставлена на театральной сцене в 1770 г., но опубликована была только после смерти автора. Комедия не сходит с театральных подмостков по сей день. До нас дошла легенда, что после премьеры князь Потёмкин сказал Фонвизину: «Умри, Денис! Но, лучше не напишешь!»». В том же году был издан перевод трактата «Торгующее дворянство, противопоставленное дворянству военному», в котором приводилось доказательства необходимости занятия дворянством торговли.

Зрелое творчество

Из публицистических произведений одним из лучших считается «Рассуждение о непременных государственных законах», созданное в 1783 году. Осенью того же 1783 года

состоялась премьера главной в творчестве Фонвизина пьесы, комедии «Недоросль». Не смотря на обширное литературное наследие, оставленное Фонвизиным, для большинства из нас его имя ассоциируется именно с этой комедией. Первая постановка пьесы шла нелегко. Цензоров смущала сатирическая направленность пьесы, смелость реплик некоторых героев комедии. Наконец, 24 сентября 1782 года постановка была осуществлена на сцене Вольного Российского театра. Успех был колоссальным. Как свидетельствовал один из авторов «Драматического словаря»: «Несравненно театр был наполнен и публика аплодировала пьесу метанием кошельков». Следующая постановка состоялась уже в Москве 14 мая 1783 года а театре Медокса. С того времени уже более 250 лет пьеса с неизменным успехом идёт во всех театрах России. С рождением кинематографа появилась первая экранизация комедии. В 1926 г. по мотивам «Недоросля» Григорий Рошаль снял фильм «Господа Скотинины».

Переоценить влияние «Недоросля» Фонвизина на последующие поколения литераторов трудно. Его произведения читалась и изучалась всеми последующими поколениями литераторов от Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского и до наших дней. Однако в жизни самого писателя она сыграла роковую роль. Екатерина Вторая прекрасно поняла свободолюбивую направленность комедии, как покушение на существующие социальные и государственные устои. После 1783 года, когда был опубликован ряд сатирических произведений писателя, она лично запретила дальнейшие публикации в печати его произведений. И это продолжалось до самой смерти писателя.

Однако, несмотря на запреты публикации, Денис Иванович продолжает писать. В этот период написана комедия «Выбор гувернёра», фельетон «Разговор у княгини Халдиной». Перед самым своим уходом Фонвизин хотел издать пятитомник своих произведений, но получил отказ от императрицы. Конечно, же он был издан, но значительно позже после ухода мастера.

Недоросль

Комедия в пяти действиях

Простаков.
Г-жа Простакова, жена его.
Простаков, сын их, недоросль.
Еремеевна, мама Митрофанова.
Правдин.
Стародум.
Софья, племянница Стародума.
Милон.
Скотинин, брат г-жи Простаковой.
Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинер Стародума.
Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтан на Митрофане).* Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходит.)* Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришке).* А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан *(вбегает).* Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков *(от робости запинаясь).* Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до

завтрева; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришке).* Выйди вон, скот. *(Еремеевне.)* Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вить, я чаю, скоро и учители придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, мати божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков *(в сторону).* Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась).* Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою).* Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа Простакова. Так авось-либо господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною входят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают её замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков *(Скотинину).* Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущею сироткой. После отца осталась они младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар...

Г-жа Простакова *(показывая, будто крестит сердце).* С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь женните меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став

на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руке и имея веселый вид

Г-жа Простакова *(Софье).* Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известно. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, с злобою).* Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова *(кмужу).* Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто таки и грешные-то мои молитвы не доходили! *(К Софье.)* Письмецо-

то мне пожалуй. *(Почти вырывает.)* Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!)

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. *(К мужу.)* Читай.

Простаков *(долго смотря).* Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркиц. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно – лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего

натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе и чины. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, – имени и отчества не знаю, – в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. *(К Правдину.)* Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. *(Читает.)* «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тытяч!

Правдин *(читает).* «...которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин *(вместе):*

– Тебя наследницею!

– Софью наследницею!

– Ее наследницею!

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать Софью).* Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин *(протянув руку).* Ну, сестрица, скоряй же по рукам.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину).* Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя вытти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова *(к Софье).* Софьюшка душа моя! пойдем ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. *(Увела Софью.)*

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодни сговору-то вряд и быть ли.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, слуга.

Слуга *(к Простакову, запыхавшись).* Барин! барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну, разорят нас до конца!

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника. С какою ревностию помогает он страждующему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении,[1] там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бессчетного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останесся?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

---

[1] *каковым изображен наместник в учреждении* — В 1775 году Екатерина издала «Учреждение для управления губерний». Во главе каждой губернии стоял губернатор и его помощник — вице-губернатор. На 2-3 губернии назначался наместник, который должен был представлять особу государя и осуществлять верховную власть. При нем было наместническое правление, членом его и состоял Правдин. Ссылка на «Учреждение» носит издевательский характер. В своем «Учреждении» Екатерина демагогически повелевала наместнику быть «оберегателем изданного уложения, ходатаем за пользу общую и государеву, заступником утесненных». Наместники имели право «пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать лихоимства, бесчестно, мотовство, тиранство и жестокость». Получив необъятную власть, наместники использовали ее в своих корыстных целях. Огромные административные округа, вверенные им для управления, они превратили в свои вотчины. К году появления «Недоросля» уже было хорошо известно, что такое «государевы наместники». Фонвизин внушает зрителю мысль: как легко можно было бы, даже без особых усилий, без реформ обуздать тиранствующих помещиков, *если бы* Екатерина хотела использовать то, о чем демонстративно заявляла, *если бы* наместники были действительно такими, как это изображено в «Учреждении». А для этого надо было не так уж «много», как говорит Правдин, надо, чтоб наместник был «честный человек» и «помогал страждущему человечеству».

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления... да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и имею счастие быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сумневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон *(в восторге).* А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья *(в восхищении).* Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастие!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие грубости...

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменила со мною свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон *(с нетерпением).* И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?...

Софья. Нет...

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

Софья. Нет...

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

Софья *(усмехаясь).* Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон *(с негодованием).* Я воображаю все его достоинствы.

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

Правдин. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и на псалтырь.

Милон. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме

своем, которого *(к Правдину)* не позволил вам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

Скотинин. Я!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет – Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во все горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шел, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотить. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин *(озлобясь).* Как мячиком? Оборони бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы-де у тебя,

братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякий женись на своей невесте. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софье.)* Ты не бось, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит? Вот еще новое!

Милон *(вскричал).* Какая дерзость!

Скотинин *(к Софье).* Чего ж ты испугалась?

Правдин *(к Милану).* Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину).* Неужели суждено мне быть вашою женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиньям.

Правдин. Когда же у нас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от нас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок особливый, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин *(Скотинину).* Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как черта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду ее мужем или Митрофан уродом.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Еремеевна и Митрофан.

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружочек.

Еремеевна. Изволь подойти к дядюшке.

Митрофан. Здорово, дядюшка! Что ты так ощетиниться изволил?

Скотинин. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Еремеевна. Погляди, батюшка.

Митрофан *(Еремеевне).* Да дядюшка что за невидальщина? Что на нем увидишь?

Скотинин. Еще раз: гляди на меня прямее.

Еремеевна. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытаращил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

Милон. Вот изрядное объяснение!

Правдин. Чем-то оно кончится?

Скотинин. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Еремеевна *(задрожала).* Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?

Митрофан. Что ты, дядюшка, белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

Скотинин. Смотри ж, не отпирайся, чтоб я в сердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват богу и государю. Смотри, не клепли ж и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Еремеевна. Избави бог напраслины!

Скотинин. Хочешь ли ты жениться?

Митрофан *(разнежась).* Уж давно, дядюшка, берет охота...

Скотинин *(бросаясь на Митрофана).* Ох ты чушка проклятая!...

Правдин *(не допуская Скотинина).* Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка, заслони меня!

Еремеевна *(заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки).* Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин *(задрожав и грозя, отходит).* Я вас доеду!

Еремеевна *(задрожав, вслед).* У меня и свои зацепы востры!

Митрофан *(вслед Скотинину).* Убирайся, дядюшка, проваливай.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова *(мужу, идучи).* Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, разнеся уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова *(к Милану).* А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопанный. Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели

столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен...

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Вить у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка.

Правдин *(в сторону).* Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодни матушка все утро изволила провозиться с холопями.

Г-жа Простакова *(к Софье).* Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де кого уж и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он невзлюбит, тот дурной человек. *(К Софье.)* Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да,* когда душа его чувствовала *нет.*

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова *(к Простакову).* Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков *(отходя).* Не отнялись, да подкосились.

Митрофан *(разнежась).* Уж давно, дядюшка, берет охота...

Скотинин *(бросаясь на Митрофана).* Ох ты чушка проклятая!...

Правдин *(не допуская Скотинина).* Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка, заслони меня!

Еремеевна *(заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки).* Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин *(задрожав и грозя, отходит).* Я вас доеду!

Еремеевна *(задрожав, вслед).* У меня и свои зацепы востры!

Митрофан *(вслед Скотинину).* Убирайся, дядюшка, проваливай.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова *(мужу, идучи).* Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, разнеся уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова *(к Милану).* А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопанный. Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели

столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен...

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Вить у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка.

Правдин *(в сторону).* Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодни матушка все утро изволила провозиться с холопями.

Г-жа Простакова *(к Софье).* Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де кого уж и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он невзлюбит, тот дурной человек. *(К Софье.)* Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да,* когда душа его чувствовала *нет.*

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова *(к Простакову).* Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков *(отходя).* Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(к гостям).* Одна моя забота, одна моя отрада – Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли? Она их манит, а Митрофан отмахивает.

Г-жа Простакова *(не видя их, продолжает).* Авось-либо господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается?

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорыч Кутейкин...

Еремеевна. И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан *(в сторону).* Пострел их побери и с Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать. Несчетны годы.

Милон. Ба! Это наш брат служивый! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонный, ваше благородие! А ныне пошел в чистую.

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Малу толику арихметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счетных дел. Не всякому открыл господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец поверить, то итоги подвести. Тем и питаюсь; праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнутьич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

Правдин *(к Кутейкину).* А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

Кутейкин. Из ученых, ваше высокородие! Семинарии здешния епархии. Ходил до риторики, да богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиниями, да не попрут его ногами».

Г-жа Простакова. Да где наш Адам Адамыч?

Еремеевна. Я и к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка! Задушил, проклятый, табачищем. Такой греховодник.

Кутейкин. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

Правдин *(в сторону).* Кутейкин еще и умничает!

Кутейкин. Во многих книгах разрешается: во псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеком».

Правдин. Ну, а еще где?

Кутейкин. И в другой псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

Правдин *(к г-же Простаковой).* Я не хочу мешать упражнениям сына вашего; слуга покорный.

Милон. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда ж вы, государи мои?...

Правдин. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа Простакова. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой...

Милон. С вами, с вами, сударыня.

Правдин. Мы оба эту честь иметь будем.

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки тоска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись).* Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова *(вне себя).* Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова *(в злобе).* Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!...

Г-жа Простакова *(дрожа).* Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б бог не поставил. Притупились бы эти *(указывая на ногти),* я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна *(заплакав).* Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин, Цыфиркин *(вместе):*

– Нам восвояси повелите?

– Нам куда поход, ваше благородие?

Г-жа Простакова. Ты ж еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. *(К Митрофану.)* Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. *(К Еремеевне.)* С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. *(Отходит с Митрофаном.)*

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах).* Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение...

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких...

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины – перестает искренность.

Правдин. Пиши обхождение…

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нынче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого…

Правдин. А я слышал, что он в военной службе…

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах…

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знании мода, как ни пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство о человеке есть душа…

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница – жалкая тварь. *(С чувством.)* Невежда без души – зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я свободить…

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем…

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете…

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостию. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливый тебе путь, – сказал мне, – а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

Правдин. Сущая истина.

Стародум. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожалована.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земи.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие...

Стародум. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни ризу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? *(Открывает свою табакерку.)*

Стародум *(берет у Правдина табак).* Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублев. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно знать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья *(к Правдину).* Сил моих не стало от их шуму.

Стародум *(в сторону).* Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья *(смотря на Стародума).* Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое моим не обманывает...

Стародум *(обняв ее).* Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь в его объятия).* Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычь от порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечении твое счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум *(к Правдину).* Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет и ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая по-правосуднее людей, лицеприятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоем замужестве не остановляла нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут – без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги – не наличные достоинства. Золотой болван – все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку – душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Скотинин, Милон.

Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рожи, до рожи...

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин *(в запальчивости, оправляя парик).* Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон *(г-же Простаковой).* И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милон *(Скотинину).* Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум *(не могши удержаться от смеха, к Правдину).* Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выезжий?

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я народу ничего смешнее не видывал.

Скотинин *(держась за шею).* Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину...

Правдин. И больно?...

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья сказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!... Нет, братец, ты должен образ выменить господина офицера;[2] а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. *(Стародуму.)* Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто

Стародум *(указывая на Софью).* Приехал к ней, ее дядя, Стародум.

Г-жа Простакова *(обробев и иструсясь).* Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бессчетная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин *(в сторону).* Тот-то, он-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Еремеевна.

Еремеевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты разве девка, собачья ты дочь? Разве у меня в доме, кроме твоей скверной хари, и служанок нет? Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.

Г-жа Простакова. Лежит! Ах, она бестия! Лежит! Как будто благородная!

[2] *Нет, братец, ты должен образ выменять господина офицера* — то есть купить иконку с изображением того святого, имя которого носит офицер

Еремеевна. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит...

Г-жа Простакова. Бредит, бестия! Как будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи им, что, по милости божией, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй наш родитель к нам теперь пожаловал, по милости божией. Ну, беги, переваливайся!

Стародум. К чему так суетиться, сударыня? По милости божией, я ваш не родитель; по милости же божией, я вам и незнаком.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой приезд, батюшка, ум у меня отнял; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодетель наш!...

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

В следующую речь Стародума Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место к стороне и, сложа руки, стала как вкопанная, выпяля глаза на Стародума, с рабским подобострастием.

Стародум *(обнимая неохотно г-жу Простакову).* Милость совсем лишняя, сударыня! Без нее мог бы я весьма легко обойтиться. *(Вырвавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоящий уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.)* Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум *(увидя еще двух, с нетерпением).* А это кто еще?

Простаков *(обнимая),* **Митрофан** *(ловя руку)(вместе):*

– Я женин муж.

– А я матушкин сынок.

Милон *(Правдину).* Теперь я не представлюсь.

Правдин *(Милону).* Я найду случай представить тебя после.

Стародум *(не давая руки Митрофану).* Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка. Как-де, сударь, мне не целовать твоей ручки? Ты мой второй отец.

Митрофан. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец... *(К матери.)* Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофан. Второй? Второй отец, дядюшка.

Стародум. Я, сударь, тебе ни отец, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вить робенок, может быть, свое счастье прорекает: авось-либо сподобит бог быть ему и впрямь твоим племянничком.

Скотинин. Право! А я чем не племянник? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братец, с тобою лаяться не стану. *(К Стародуму.)* Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась. У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу. Пусть же, себе на уме, бог тому заплатит, кто меня, бедную, обижает.

Стародум. Я это приметил, как скоро ты, сударыня, из дверей показалась.

Правдин. А я уже три дни свидетелем ее добронравия.

Стародум. Этой забавы я так долго иметь не могу. Софьюшка, друг мой, завтра же поутру еду с тобой в Москву.

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! За что такой гнев?

Простаков. За что немилость?

Г-жа Простакова. Как! Нам расстаться с Софьюшкой! С сердечным нашим другом! Я с одной тоски хлеба отстану.

Простаков. А я уже тут сгиб да пропал.

Стародум. О! Когда же вы так ее любите, то должен я вас обрадовать. Я везу ее в Москву для того, чтоб сделать ее счастье. Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств. За него ее и выдам.

Г-жа Простакова. Ах, уморил!

Милон. Что я слышу!

Софья кажется пораженною.

Скотинин. Вот те раз!

Простаков *(всплеснул руками).* Вот тебе на!

Еремеевна печально кивнула головою.

Правдин показывает вид огорченного удивления.

Стародум *(приметя всех смятение).* Что это значит? *(К Софье.)* Софьюшка, друг мой, и ты мне кажешься в смущении? Неужель мое намерение тебя огорчило? Я заступаю место отца твоего. Поверь мне, что я знаю его права. Они нейдут далее, как отвращать несчастную склонность дочери, а выбор достойного человека зависит совершенно от ее сердца. Будь спокойна, друг мой! Твой муж, тебя достойный, кто б он ни был, будет иметь во мне истинного друга. Поди за кого хочешь.

Все принимают веселый вид.

Софья. Дядюшка! Не сумневайтесь в моем повиновении.

Милон *(в сторону).* Почтенный человек!

Г-жа Простакова *(с веселым видом).* Вот отец! Вот послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человек ее стоил. Так, мой батюшка, так. Тут лишь только женихов пропускать не надобно. Коль есть в глазах дворянин, малый молодой...

Скотинин. Из ребят давно уж вышел...

Г-жа Простакова, Скотинин *(вместе):*

– У кого достаточек, хоть и небольшой...

– Да свиной завод не плох...

Г-жа Простакова, Скотинин *(вместе):*

– Так и в добрый час в архангельский.

– Так веселым пирком, ды за свадебку.

Стародум. Советы ваши беспристрастны. Я это вижу.

Скотинин. То ль еще увидишь, как опознаешь меня покороче. Вишь ты, здесь содомно. Через час место приду к тебе один. Тут дело и сладим. Скажу, не похвалясь: каков я, право таких мало. *(Отходит.)*

Стародум. Это всего вероятнее.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародум. А он ваш братец?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка. Вить и я по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было с них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика,

скончались. Двое о святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка.

Стародум. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отец! Не нынешний был век. Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают, ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. К статью ли, покойник-свет и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет.

Правдин. Вы, однако ж, своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова *(к Правдину).* Да ныне век другой, батюшка! *(К Стародуму.)* Последних крох не жалеем, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет и детина хоть куда. Вить вот уж ему, батюшка, шестнадцать лет исполнится около зимнего Николы. Жених хоть кому, а все-таки учители ходят, часа не теряет, и теперь двое в сенях дожидаются. *(Мигнула Еремеевне, чтоб их позвать.)* В Москве же приняли иноземца на пять лет и, чтоб другие не сманили, контракт в полиции заявили. Подрядился учить, чему мы хотим, а по нас учи, чему сам умеешь. Мы весь родительский долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим. Желала б я душевно, чтоб ты сам, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил.

Стародум. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова *(увидя Кутейкина и Цыфиркина).* Вот и учители! Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет. Свое дитя хвалить дурно, а куда не бессчастна будет та, которую приведет бог быть его женою.

Правдин. Это все хорошо; не забудьте, однако ж, сударыня, что гость ваш теперь только из Москвы приехал и что ему покой гораздо нужнее похвал вашего сына.

Стародум. Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги и от всего того, что слышал и что видел.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародум. Благодарен. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мне, и сыну, и мужу. Мы все за твое здоровье в Киев пешком обещаемся, лишь бы дельце наше сладить.

Стародум *(к Правдину).* Когда же мы увидимся? Отдохнув, я сюда приду.

Правдин. Так я здесь и буду иметь честь вас видеть.

Стародум. Рад душою. *(Увидя Милона, который ему с почтением поклонился, откланивается и ему учтиво.)*

Г-жа Простакова. Так милости просим.

Кроме учителей, все отходят. Правдин с Милоном в сторону, а прочие в другую.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин.

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодни к здешнему обеду провианту не стало...

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня владыко, шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвирне, взалках бы, яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!...

Кутейкин. Слыхал ли ты, братец, каково житье-то здешним челядинцам; даром, что ты служивый, бывал на баталиях, страх и трепет приидет на тя...

Цыфиркин. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. *(Вздохнув.)* Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин *(вздохнув).* О, горе мне грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятеся сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумаешься... Дал мне бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трех перечесть не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости господи, без складу по складам, без толку по толкам.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня ради в толчки. Кутейкин. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Цыфиркин *(с жаром).* Я дал бы себе ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкин. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грешничу путем накостылять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женисся.

Митрофан. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодни ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли божией!

Митрофан. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюпшкины денежки было б куды класть.

Митрофан. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая).* Ах, господи боже мой! Уж робенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

Митрофан. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Всё зады, ваше благородие. Вить с задами-то век назади останесся.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною. Ну, хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофан *(пишет).* Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублев.

Митрофан *(пишет).* Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан *(вычисляя, шепчет).* Единожды три – три. Единожды ноль – ноль. Единожды ноль – ноль.

Г-жа Простакова. Что, что до дележа?

Митрофан. Вишь, триста рублев, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова. Врет он, друг мой сердечный! Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублей.

Митрофан. Десять.

Цыфиркин. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофан *(пишет).* Ну, ну, десять.

Цыфиркин. Сколько ж бы на год?

Митрофан *(вычисляя, шепчет).* Нуль да нуль – нуль. Один да один... *(Задумался.)*

Г-жа Простакова. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет – что считать? Деньги есть – сочтем и без Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкин. Шабашь, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на поверку приводить не станут.

Митрофан. Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

Кутейкин *(открывает часослов, Митрофан берет указку).* Начнем благословясь. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь...»

Митрофан. «Аз же есмь червь...»

Кутейкин. Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: «аз есмь скот».

Митрофан. «Аз есмь скот».

Кутейкин *(учебным голосом).* «А не человек».

Митрофан *(так же).* «А не человек».

Кутейкин. «Поношение человеков».

Митрофан. «Поношение человеков».

Кутейкин. «И уни...»

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Вральман.

Вральман. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хатят репенка! Матушка ты мая! Сшалься нат сфаей утропой, катора тефять месесоф таскала, – так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим преклятым слатеям. Ис такой калафы толго ль палфан? Уш диспозисион,[3] уш фсё есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейник *(затворяя часослов).* Конец и богу слава.

Вральман. Матушка мая! Што тепе надопно? Што? Сынок, какоф ест, да тал бог старовье, или сынок премудрый, так скасать, Аристотелис, да в могилу.

[3] Предрасположение

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слане прюха; напить ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адам Адамыч; да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург; скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман. Сфая кампания то ли тело!

Г-жа Простакова. Адам Адамыч! Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

Г-жа Простакова. То даром, что мой сын. Малый острый, проворный.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать пез россиской крамат!

Кутейкин *(в сторону).* Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркин *(в сторону).* Я те ребра-то пересчитаю. Попадесся ко мне.

Вральман. Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калашь.

Г-жа Простакова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл смотреть публик. Пыфало, о праснике съетутца в Катрингоф кареты с хоспотам. Я фсё на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простакова. С каких козел?

Вральман *(в сторону).* Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал! *(Вслух.)* Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова. Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш трашайший сын также на сфете как-нипудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт!

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова *(усмехаясь радостно).* Робенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Поти, мая матушка! Салётна птиса! С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Цыфиркин *(насмехаясь).* Эка образина!

Кутейкин *(насмехаясь).* Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин *(ударив по плечу).* А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова?

Вральман. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкин *(ударив по плечу).* Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральман *(тихо).* Пропаль я. *(Вслух.)* Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый.

Вральман *(оправляясь от робости).* Как фы терсаете нефешничать перед ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою...

Кутейкин. А я часословом.

Вральман. Я хоспоже на фас пошалаюсь.

Цыфиркин, замахиваясь доскою, а Кутейкин часословом.

Цыфиркин, Кутейкин *(вместе):*

– Раскрою тебе рожу напятеро.

– Зубы грешника сокрушу.

Вральман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял трус ноги!

Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный!

Вральман *(в дверях).* Што фсяли, бестия? Сюта сунтесь.

Цыфиркин. Уплел! Мы бы дали тебе таску!

Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкин. Засел пребеззаконный! Много ль там вас, басурманов-то? Всех высылай!

Вральман. С атним не слатили! Эх, прат, фсяли!

Цыфиркин. Один десятерых уберу!

Кутейкин. Во утрие избию вся грешныя земли! *(Все вдруг кричат.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Софья.

Софья *(одна, глядя на часы).* Дядюшка скоро должен вытти. *(Садясь.)* Я его здесь подожду. *(Вынимает книжку и прочитав несколько.)* Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! *(Прочитав опять несколько.)* Нельзя не любить правил добродетели. Они – способы к счастью. *(Прочитав еще несколько, взглянула и, увидев Стародума, к нему подбегает.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Софья и Стародум.

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечный!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случилось читать из них все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель. Сядем. *(Оба сели.)* Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставления, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я последовать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностию я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум *(с важным чистосердечием).* Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь в свет, где первый шаг решит часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, развращенные в своих чувствиях. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те,

которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для этого добродетельный человек не перестает идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить.

Софья. Да скажите ж мне, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне, всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, и там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто ж остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть всегда, как друг, остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, знав, что делает. Надобно, чтоб душа его очень была низка, когда она не выше дурного дела.

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит...

Стародум. А того не знают, что у двора всякая тварь что-нибудь да значит и чего-нибудь да ищет; того не знают, что у двора все придворные и у всех придворные. Нет, тут завидовать нечему: без знатных дел знатное состояние ничто.

Софья. Конечно, дядюшка! И такой знатный никого счастливым не сделает, кроме себя одного.

Стародум. Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает. Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, который бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?

Стародум. Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим

мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек – чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает. Умов много, и много разных. Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума и не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо все иметь надобно. Достоинство сердца неразделимо. Честный человек должен быть совершенно честный человек.

Софья. Ваше изъяснение, дядюшка, сходно с моим внутренним чувством, которого я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честного человека и его должность.

Стародум. Должность! А, мой друг! Как это слово у всех на языке, и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует, когда, если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было б совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было б таких дворян, которых благородство, можно сказать, погребено с их предками. Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю.

Софья. Возможно ль так себя унизить?

Стародум. Друг мой! Что сказал я о дворянине, распространим теперь вообще на человека. У каждого свои должности. Посмотрим, как они исполняются, каковы, например, большею частию мужья нынешнего света, не забудем, каковы и жены. О мой сердечный друг! Теперь мне

все твое внимание потребно. Возьмем в пример несчастный дом, каковых множество, где жена не имеет никакой сердечной дружбы к мужу, ни он к жене доверенности; где каждый с своей стороны своротили с пути добродетели. Вместо искреннего и снисходительного друга, жена видит в муже своем грубого и развращенного тирана. С другой стороны, вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. Оба стали друг другу в несносную тягость. Оба ни во что уже ставят доброе имя, потому что у обоих оно потеряно. Можно ль быть ужаснее их состояния? Дом брошен. Люди забывают долг повиновения, видя в самом господине своем раба гнусных страстей его. Имение растощается: оно сделалось ничье, когда хозяин его сам не свой. Дети, несчастные их дети, при жизни отца и матери уже осиротели. Отец, не имея почтения к жене своей, едва смеет их обнять, едва смеет отдаться нежнейшим чувствованиям человеческого сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная иметь детей, уклоняется их ласки, видя в них или причины беспокойств своих, или упрек своего развращения. И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет? В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, какому аду должно быть в душах и мужа и жены!

Софья. Ах, как я ужасаюсь этого примера!

Стародум. И не дивлюся: он должен привести в трепет добродетельную душу. Я еще той веры, что человек не может быть и развращен столько, чтоб мог спокойно смотреть на то, что видим.

Софья. Боже мой! Отчего такие страшные несчастии!...

Стародум. Оттого, мой друг, что при нынешних супружествах редко с сердцем советуют. Дело о том, знатен ли, богат ли жених? Хороша ли, богата ли невеста? О благонравии вопросу нет. Никому и в голову не входит, что в глазах мыслящих людей честный человек без большого чина

– презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может. Признаюсь тебе, что сердце мое тогда только будет спокойно, когда увижу тебя за мужем, достойным твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да как достойного мужа не любить дружески?

Стародум. Так. Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила б. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогает сердце мое...

Стародум *(с нежнейшею горячностию).* И мое восхищается, видя твою чувствительность. От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все приятности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обоих полов совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманывает, что добродетель...

Софья. Ты ею наполнил все мои чувства. *(Бросаясь целовать его руки)* Где она?...

Стародум *(целуя сам ее руки).* Она в твоей душе. Благодарю бога, что в самой тебе нахожу твердое основание твоего счастия. Оно не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства. Все это прийти к тебе может; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтоб чувствовать себя достойною всех благ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цену...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и камердинер.

Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатав и смотря на подпись).* Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя).* Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум.

Стародум *(один).* Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно ее сердце...

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки).* Нашла, дядюшка.

Стародум *(читает).* «...Я теперь только узнал... ведет в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того ее не выдам... «Вы найдете... Ваш истинный друг...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен... Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча приметил и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум *(в сторону).* Милон!

Милон. Я почту за истинное счастие, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам всю справедливость. Особливые достоинствы...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья *(тихо Стародуму и в большой робости).* И матушка любила его, как сына.

Стародум *(Софье).* Мне это очень приятно. *(Милону.)* Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более – он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отлаживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обоими меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!... Нет... не могу скрывать более моего сердечного чувства... Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум *(к Софье, с радостью).* Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. *(В восхищении соединяя их руки.)* От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон, Софья *(вместе):*

Милон *(обнимая Стародума).* Мое счастье несравненно!

Софья *(целуя руки Стародумовы).* Кто может быть счастливее меня!

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон *(целуя руку Софьи).* Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Скотинин.

Скотинин. И я здесь.

Стародум. Зачем пожаловал?

Скотинин. За своей нуждой.

Стародум. А чем я могу служить?

Скотинин. Двумя словами.

Стародум. Какими это?

Скотинин. Обняв меня покрепче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародум. Не пустое ль затевать изволишь? Подумай-ко хорошенько.

Скотинин. Я никогда не думаю и наперед уверен, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародум. Это странное дело! Человек ты, как вижу, не без ума, а хочешь, чтоб я отдал мою племянницу, за кого – не знаю.

Скотинин. Не знаешь, так скажу. Я Тарас Скотинин, в роде своем не последний.[4] Род Скотининых великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии не отыщешь.[5]

Правдин *(смеючись).* Эдак вы нас уверите, что он старее Адама.[6]

Скотинин. А что ты думаешь? Хоть немногим...

---

[4] *в роде своем не последний* — Ироническое использование официальной формулы дворянских родословных.

[5] *ни в какой герольдии не отыщешь* — В сенате существовал департамент герольдии, занимавшийся делами дворян (выдавал документы о происхождении, о предках, о прохождении службы, о получении наград и т. д.).

[6] *Эдак вы нас уверите, что он старее Адама* — В библии рассказывается, что бог сотворил мир в шесть дней. В шестой день с начала сотворения были созданы звери, а уж потом Адам. Правдин иронически намекает зрителю, что Скотинин произошел не от человека (Адама).

Стародум *(смеючись.)* То есть пращур твой создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама?

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь, как на твоем месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

Скотинин. Рассуди же, какое счастье Софьюшке быть за мною. Она дворянка...

Стародум. Экой человек! Да для того-то ты ей и не жених.

Скотинин. Уж я на то пошел. Пусть болтают, что Скотинин женился на дворяночке. Для меня все равно.

Стародум. Да для нее не все равно, когда скажут, что дворянка вышла за Скотинина.

Милон. Такое неравенство сделало б несчастье вас обоих.

Скотинин. Ба! Да этот что тут равняется? *(Тихо Стародуму.)* А не отбивает ли?

Стародум *(тихо Скотинину).* Мне так кажется.

Скотинин *(тем же тоном).* Да где черту!

Стародум *(тем же тоном).* Тяжело.

Скотинин *(громко, указывая на Милона).* Кто ж из нас смешон? Ха-ха-ха-ха!

Стародум *(смеется).* Вижу, кто смешон.

Софья. Дядюшка! Как мне мило, что вы веселы.

Скотинин *(Стародуму).* Ба! Да ты весельчак. Давеча я думал, что к тебе приступу нет. Мне слова не сказал, а теперь все со мной смеешься.

Стародум. Таков человек, мой друг! Час на час не приходит.

Скотинин. Это и видно. Вить и давеча был я тот же Скотинин, а ты сердился.

Стародум. Была причина.

Скотинин. Я ее и знаю. Я и сам в этом таков же. Дома, когда зайду в клева да найду их не в порядке, досада и

возьмет. И ты, не в пронос слово, заехав сюда, нашел сестрин дом не лучше клевов, тебе и досадно.

Стародум. Ты меня счастливее. Меня трогают люди.

Скотинин. А меня так свиньи.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

Г-жа Простакова *(входя).* Всё ль с тобою, друг мой?

Простаков. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму).* Хорошо ли отдохнуть изволил, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, чтоб тебя не обеспокоить; не смели в дверь заглянуть; послышим, ан уж ты давно и сюда вытти изволил. Не взыщи, батюшка...

Стародум. О сударыня, мне очень было бы досадно, ежели б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. *(Стародуму.)* Позволь же, мой батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародум. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Г-жа Простакова. Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей наших, – нам, грешным, где б и умолить, – даровал нам господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(К Правдину.)* Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова, Простаков *(вместе):*

– Всем наукам, батюшка.

– Всему, мой отец. Митрофан. Всему, чему изволишь.

Правдин *(Митрофану).* Чему ж бы, например?

Митрофан *(подает ему книгу).* Вот, грамматике.

Правдин *(взяв книгу).* Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Митрофан. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придет против Адама Адамыча.

Правдин *(Митрофану).* А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет, наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли оба вы учились и географии?

Г-жа Простакова *(сыну).* Слышишь, друг мой сердечный? Это что за наука?

Простаков *(тихо матери).* А я почем знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану).* Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан *(тихо матери).* Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа Простакова *(Правдину).* Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова *(Митрофану).* Слышишь, еоргафия.

Митрофан. Да что такое! Господи боже мой! Пристали с ножом к горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину).* И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

Правдин. Описание земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму).* А к чему бы это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда, – свезут, куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек

нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтоб из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похвалюсь, от вас не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! каково это?

Стародум. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную кончину.

Скотинин. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел: а какова была голоушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвись, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум *(Милону).* Об заклад не бейся. Я думаю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видим своими глазами и в нашем краю. Кто посмышленее, того свои же братья тотчас выберут еще в какую-нибудь должность.

Стародум. А кто посмышленее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякий того и смотрит, что на покой. *(Правдину.)* Ты сам, батюшка, других посмышленее, так сколько трудисся! Вот и теперь, сюда шедши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! *(Вставая.)* Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеления от наместника.

Стародум *(встает и все встают).* Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтре едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

Милон. А я завтре же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

ЯВЛЕНИЕ IX

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Скотинин, Еремеевна, Стародум, Софья.

Г-жа Простакова *(Стародуму).* Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

Скотинин. Ну, мой друг сердечный? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обоих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли ж за мною Софьюшке?

Стародум. Не бывать.

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова, Скотинин *(вместе):*

– А что б помешало?

– За чем дело стало?

Стародум *(сведя обоих).* Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. *(Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним.)*

Г-жа Простакова. Ах, злодей!

Скотинин. Да он рехнулся.

Г-жа Простакова *(с нетерпением).* Когда они выедут?

Скотинин. Вить ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа Простакова. В семь часов.

Скотинин. Завтре и я проснусь с светом вдруг. Будь он умен, как изволит, а и с Скотининым развяжешься не скоро. *(Отходит.)*

Г-жа Простакова *(бегая по театру в злобе и в мыслях).* В семь часов!... Мы встанем поране... Что захотела, поставлю на своем... Все ко мне.

Все подбегают.

Г-жа Простакова *(к мужу).* Завтре в шесть часов, чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай.

Простаков. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова *(к Еремеевне).* Ты во всю ночь не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она проснется, беги ко мне.

Еремеевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну).* Ты, мой друг сердечный, сам в шесть часов будь совсем готов и поставь троих слуг в Софьиной предспальней, да двоих в сенях на подмогу.

Митрофан. Все будет сделано.

Г-жа Простакова. Подите ж с богом. *(Все отходят.)* А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик погневается да простит и за неволю. А мы свое возьмем.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно... и что угнетать рабством себе подобных беззаконно.

Правдин. Я в этом согласен с вами; да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

Стародум. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

Правдин. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...

Стародум. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И во-первых, толпа скаредных льстецов...

Правдин. Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец.

Стародум. Льстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, который сперва свечу погасит, а потом красть станет.

Правдин. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми...

Стародум. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может вытти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, – тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

Правдин. Справедливо. Великий государь дает...

Стародум. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

Правдин. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особливое старание о воспитании...

Стародум. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин.

Правдин. Но особы высшего состояния просвещают детей своих...

Стародум. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякий день разогнул ему Историю и указал ему и ней два места: в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

Правдин. Надобно действительно, чтоб всякое состояние людей имело приличное себе воспитание; тогда можно быть уверену... Что за шум?

Стародум. Что такое сделалось?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Милон, Софья, Еремеевна.

Милон *(отталкивая от Софьи Еремеевну, которая за нее было уцепилась, кричит к людям, имея в руке обнаженную шпагу).* Не смей никто подойти ко мне!

Софья *(бросаясь к Стародуму).* Ах, дядюшка! Защити меня!

Стародум, Правдин, Софья, Еремеевна *(вместе):*

– Друг мой! Что такое?

– Какое злодеяние!

– Сердце мое трепещет!

– Пропала моя головушка!

Милон. Злодеи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее под руки, несмотря на сопротивление и крик, сводят уже с крыльца к карете.

Софья. Вот мой избавитель!

Стародум *(к Милону).* Друг мой!

Правдин *(Еремеевне).* Сейчас скажи, куда везти хотели, или как с злодейкой...

Еремеевна. Венчаться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа Простакова *(за кулисами).* Плуты! Воры! Мошенники! Всех прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! *(Указывая на Милона).* Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват?

Простаков, г-жа Простакова *(вместе):*

– За людей приниматься?

– Жива быть не хочу.

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа Простакова, Простаков, Простаков *(вместе):*

– Жениху!

– Хороши мы!

– Всё к черту!

Правдин. Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представлю ее перед суд, как нарушительницу гражданского спокойства.

Г-жа Простакова *(бросаясь на колени).* Батюшки, виновата!

Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии...

Простаков, Митрофан *(вместе, бросаясь на колени):*

– Без вины виноват!

– Виноват, дядюшка!

Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова *(стоя на коленях).* Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. *(К Софье.)* Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья *(Стародуму).* Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова *(подняв руки к Стародуму).* Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть и чертом.

Милон. И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин *(Стародуму).* Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством... и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!... Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?[7]

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову... *(Порывается идти.)*

Правдин *(останавливая ее).* Поостановитесь, сударыня. *(Вынув бумагу и важным голосом Простакову.)* Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.[8]

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

---

7 *...на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?* – «Указом о вольности дворянской», изданным в 1762 году Петром III, дворяне освобождались от службы, получали новые льготы и привилегии.

8 *...повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.* – Брать в опеку имения помещиков, то есть вмешиваться в отношения дворян с крестьянами с целью ограничения прав помещиков, то есть вмешиваться в отношения дворян с крестьянами с целью ограничения прав представителей «благородного сословия», может только истинно просвещенный монарх. Таким монархом Екатерина не являлась, но им был в свое время Петр I, который специальным указом и ввел опеку правительства над имениями помещиков-тиранов. В пору своего показного либерализма Екатерина в «Наказе» (1767) в статье 256 напомнила об этом: «Петр I узаконил в 1722 году, чтоб безумные и подданных своих, мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последнее для чего без действа осталося неизвестно» («Наказ». СПб., 1793, стр. 89). Фонвизин отважно свидетельствовал: указ Петра сознательно не выполняется Екатериной II, она не хочет его применять, и потому, значит, она виновата в преступных действиях Простаковых и Скотининых.

Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии...

Простаков, Митрофан *(вместе, бросаясь на колени):*

– Без вины виноват!

– Виноват, дядюшка!

Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова *(стоя на коленях).* Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. *(К Софье.)* Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья *(Стародуму).* Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова *(подняв руки к Стародуму).* Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть и чертом.

Милон. И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин *(Стародуму).* Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством... и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!... Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?[7]

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову... *(Порывается идти.)*

Правдин *(останавливая ее).* Поостановитесь, сударыня. *(Вынув бумагу и важным голосом Простакову.)* Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.[8]

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

---

7 *да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?* – «Указом о вольности дворянской», изданном в 1762 году Петром III, дворяне освобождались от службы, получали новые льготы и привилегии.

8 *повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни* – Брать в опеку имения помещиков, то есть вмешиваться в отношения дворян с крестьянами с целью ограничения прав представителей «благородного сословия», может только истинно просвещенный монарх. Таким монархом Екатерина не являлась, но им был в свое время Петр I, который специальным указом и ввел опеку правительства над имениями помещиков-тиранов. В пору своего показного либерализма Екатерина в «Наказе» (1767) в статье 256 напомнила об этом: «Петр I узаконил в 1722 году, чтоб безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последнее для чего без действия осталося неизвестно» («Наказ», СПб., 1793, стр. 89). Фонвизин отважно свидетельствовал – указ Петра сознательно не выполняется Екатериной II, она не хочет его применять, и потому, значит, она виновата в преступных действиях Простаковых и Скотининых.

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. *(Простакову)* Подите.

Простаков *(отходит, всплеснув руками).* От кого это, матушка?

Г-жа Простакова *(тоскуя).* О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсем погибаю!

Скотинин *(Стародуму).* Я шел было к тебе добиться толку. Жених...

Стародум *(указывая на Милона).* Вот он.

Скотинин. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей...

Правдин. Побольше любили или б по крайней мере...

Скотинин. Ну?...

Правдин. Хоть не трогали.

Скотинин *(отходя).* Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(Правдину).* Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. *(В сторону.)* Я дала бы себя знать...

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?... Недоплачено учителям...

Правдин. Учителям? *(Еремеевне.)* Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?...

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум *(видя в тоске г-жу Простакову).* Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Еремеевна *(введя учителей, к Правдину).* Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман *(к Правдину).* Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?...

Кутейкин *(к Правдину).* Зван бых и приидох.

Цыфиркин *(к Правдину).* Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум *(с приходу Вральмана в него вглядывается).* Ба! Это ты, Вральман?

Вральман *(узнав Стародума).* Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин! *(Целуя полу Стародума.)* Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитель...

Правдин *(к учителям).* По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милосливый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по-пустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин *(Кутейкину).* Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину.)* Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин *(потупя голову).* Посрамихся, окаянный.

Стародум *(Цыфиркину).* Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон *(давая ему деньги).* Вот еще тебе, друг мой!

Цыфиркин. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин *(Цыфиркину).* Поди ж, мой друг, с богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтре да потрудись расчесться с самой госпожою.

Кутейкин *(выбегая).* С самою! Ото всего отступаюсь.

Вральман *(Стародуму).* Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и камердинер.

Камердинер *(Стародуму).* Карета ваша готова.

Вральман. Прикашишь мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум *(к Правдину, держа руки Софьи и Милана).* Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать сына).* Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Простаков. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! *(Упала в обморок.)*

Софья *(подбежав к ней).* Боже мой! Она без памяти.

Стародум *(Софье).* Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин *(Митрофану).* Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Ды она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум *(Еремеевне).* Что она теперь? Что?

Еремеевна *(посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками).* Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин *(Митрофану). С* тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан *(махнув рукою).* По мне, куда велят.

Г-жа Простакова *(очнувшись в отчаянии).* Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум *(указав на г-жу Простакову)* Вот злонравия достойные плоды!

Вопросы и задания:

1. Какие жанры присутствуют в творчестве Д.И. Фонвизина?
2. Фонвизин – драматург-классицист. Соблюдены ли каноны классицизма в комедии «Недоросль»?
3. В чём конфликт комедии? Какие персонажи являются активными и пассивными участниками этого конфликта?
4. Кого можно считать главным героем комедии? Почему?
5. Какова этимология имён и фамилий персонажей комедии? Как значение имён и фамилий помогает понять характеры героев и отношение к ним автора?

6. Каким видит Простакова своего сына? А каков Митрофан на самом деле? В каких словах и поступках проявляются отрицательные черты характера Митрофана?
7. Кто, по вашему мнению, виноват в необразованности и невоспитанности Митрофана?
8. Какова степень вины в невежестве героя его учителей? Найдите в комедии эпизоды, высвечивающие разные качества Цыфиркина, Кутейкина, Вральмана.
9. Охарактеризуйте Стародума и Правдина. В чём «положительность» этих образов?
10. Выпишите из текста комедии не менее 10 высказываний Стародума, которые можно считать афоризмами. Какое из высказываний Стародума вы взяли бы в качестве эпиграфа к комедии? Почему?

ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

Гавриил Романович Державин занимает в российской литературе значительное место наряду с Д.И. Фонвизиным и М.В. Ломоносовым. Вместе с этими титанами русской литературы, он входит в блистательную плеяду основоположников русской классической литературы эпохи Просвещения, относящейся ко второй половине 18 века. В это время, во многом благодаря личному участию Екатерины Второй, в России стремительно развивается наука и искусство.

Это время появления первых российских университетов, библиотек, театров публичных музеев и относительно независимой прессы, правда, очень относительной и на небольшой период, который закончился с появлением «Путешествия из Петербурга в Москву» А.П. Радищева. К этому времени, как назвал его Фамусов Грибоедова, «век золотой Екатерины», относится самый плодотворный период деятельности поэта.

Жизнь

Родился будущий поэт 14 июля 1743 г. в родовом поместье Сокуры под Казанью. Ещё в раннем детстве лишился отца, офицера русской армии и воспитывался матерью фёклой Андреевной Козловой. Жизнь Державина была яркой и насыщенной, во многом благодаря его уму, энергичности и характеру. Были невероятные взлёты и падения. По его биографии можно было написать авантюрный роман, основанный на реальных событиях. Но, обо всём подробнее.

С 1762 г., как и положено дворянским детям, принят в Преображенский полк рядовым гвардейцем. В 1772 г. стал офицером и с 1773 по 1775 гг. принимал участие в подавлении пугачёвского мятежа. В это время с ним происходит два совершенно противоположных по значению и невероятности случая. Во время пугачёвского бунта он полностью потерял

своё состояние, но вскоре в карточной игре выиграл 40 000 рублей.

Лишь в 1773 году увидели свет его первые стихи. К этому периоду жизни относятся некоторые интересные факты его жизни. Как и многие офицеры, он не чурался кутежей и карт, которые чуть было не лишили Россию великого поэта. Карты довели его до шулерства, ради денег совершались всякие неблаговидные проделки. К счастью он вовремя смог осознать пагубность этого пути и поменять образ жизни.

В 1777 г. уходит с военной службы в отставку. Поступает служить статским советником в Сенате. Стоит отметить, что это был неисправимый правдолюб, причём, начальству особо не поклонявшийся, за что никогда любовью последних не пользовался.

С мая 1784 г. по 1802 гг. состоял на государственной службе, в том числе был с 1791-1793 гг. кабинет-секретарём Екатерины II, однако неумение открыть льстить и вовремя пресекать неприятные царственным ушам доклады способствовало тому, что здесь он задержался ненадолго. За период службы дошёл по карьере до министра юстиции Российской империи.

Благодаря своему правдолюбивому и непримиримому характеру Гавриил Романович не задерживался на каждой должности более двух лет из-за постоянных конфликтов с вороватыми чиновниками, что и видно по хронологии его службы. Все попытки добиться справедливости вызывали лишь раздражение его высоких покровителей.

В течение всего этого времени занимался творческой деятельностью.

Созданы оды «Бог» (1784), «Гром победы, раздавайся!» (1791, неофициальный гимн России), хорошо знакомый нам по повести Пушкина «Дубровский», «Вельможа» (1794), «Водопад» (1798) и многие другие. После отставки жил в своём родовом имении Званка в Новгородской губернии, где всё время посвятил творчеству. Ушёл из жизни 8 июля 1816 года.

Литературное творчество

Широкую известность Державину принесла в 1782 г. публикация оды «Фелица», посвящённая императрице. Ранние произведения - ода на бракосочетание Великого Князя Павла Петровича, изданное в 1773 году. Вообще, в творчестве поэта ода занимает одно из главенствующих мест. До нас дошли его оды: «На смерть Бибикова», «На знатных», «На День рождения её Величества» и др. В первых сочинениях чувствуется неприкрытое подражание Ломоносову. Со временем он отошёл от этого и принял, как образец для своих од, произведения Горация. Свои сочинения помещал в основном в «Санкт-Петербургском вестнике». Это: «Песни Петру Великому» (1778), эпистола Шувалову, «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «На рождение порфирородного отрока» (1779), «На отсутствие государыни в Белоруссию», «К первому соседу», «Властителям и судьям» (1780).

Возвышенный тон, живые картинки этих сочинений привлекли внимание литераторов. Внимание общества поэт привлёк своей «Одой Фелице», посвящённой царице. Табакерка, усыпанная бриллиантами и 50 червонцев были наградой за оду, благодаря которой он был замечен царицей и публикой. Не меньший успех принесла ему оды «На взятие Измаила» и «Водопад». Встреча и близкое знакомство с Карамзиным привело к сотрудничеству в карамзинском «Московском журнале». Здесь были напечатаны его «Памятник герою», «На смерть графини Румянцевой», «Величество Божие».

Незадолго до ухода Екатерины Второй Державин преподнёс ей свой рукописный сборник произведений. Это примечательно. Ведь расцвет таланта поэта пришёлся именно на период её правления. Фактически, его творчество стало живым памятником правления Екатерины II. В последние годы жизни пытался экспериментировать с трагедиями, эпиграммами и баснями, но они не имеют той высоты, что его поэзия.

Отношение критики было неоднозначным. От благоговения до практически полного отрицания его творчества. Лишь появившиеся после революции работы Д.Грога, посвящённые Державину, его усилия по изданию произведений и жизнеописания поэта позволили дать оценку его творчества.

Державин для нас это первый поэт той эпохи, стихи которого можно читать без дополнительных комментариев и объяснений.

Властителям и судиям

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.
Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

Анализ стихотворения «Властителям и судиям» Державина

Искусство – это всегда отражение реальной жизни. Оно призвано если не решать проблемы, то обнаруживать их. Художник, ощущая потребность высказаться и быть услышанным, говорит о том, что важно, чтобы другие люди тоже задумались об этом.

Во второй половине 18 века поэты начинают обращаться к социальным и политическим темам, рассуждая о судьбе своей страны и о жизни простого народа в ней. Стихотворение Г. Державина «Властителям и судьям» – яркий тому пример. Главная мысль, проходящая красной нитью через все произведение, – это мысль о том, насколько несправедлива монархия.

Стихотворение начинается с описания будущего божьего суда. Цари – это «земные боги», у которых есть священный долг – нести справедливость, защищать слабых, помогать тем, кто нуждается в помощи. Другими словами, монархи должны править по высшим законам. Ведь испокон веков царь для простого человека в России – правитель, наделенный властью самим богом. На царя надеялись и верили ему, поскольку он не мог быть неправ, ведь его руками правит сам Всевышний. Вторая и третья строфы стихотворения посвящены размышлениям Державина о долге, лежащем на плечах правителей.

В четвертой же строфе автор с горечью восклицает: «Не внемлют! видят — и не знают!». Неравенство, бедственное положение простого народа, нищета, несправедливость и прочие «злодейства» и «неправда» — вот результаты правления «земных богов». Они забыли о своей высокой миссии. Это больше не божьи наместники на Земле. Они

думают лишь о собственном благополучии, закрывая глаза на остальную Россию. И их неправедным делам должен прийти конец.

Державин признает, что монархия – это власть, что никто не может выступать «судьей» для нее. Никто, кроме самого бога. И однажды этот суд состоится, поскольку земные цари – все-таки люди. Их обуревают страсти, они слабы и даже смертны. Так же смертны, как все те «рабы», которыми они так жестоко и несправедливо правят. Державин понимает это и предсказывает, даже призывает к божьему правосудию: «Приди, суди, карай лукавых, И будь един царем земли!». Ведь иного способа спасти страну нет, как нет и царей, которые бы стали думать о Родине и о людях и управлять так, как это необходимо.

Эти строки, завершающие произведение, – прямой призыв для читающего и мыслящего населения России к революции и свержению монархического строя. Державин не скрывает своего гнева и горечи. Он прямо обвиняет и обличает власть – в лице правящей тогда Екатерины II. Поэтому публикации стихотворения добиться было непросто. Впрочем, Екатерина к оде отнеслась довольно снисходительно, поскольку вообще слыла прогрессивным человеком и даже поощряла смелые высказывания своих подданных. Поэтому «Властителям и судьям» не было подвергнуто цензуре и дошло до нас в неизмененном виде.

Бог

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,

Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.
Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвщенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!
Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.
Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,

Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.
Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.
Ничто! Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто!- Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!
Ты есть!- природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;

Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.
Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Фелица

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,

Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает,-
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.
Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.
Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.
А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,

Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.
Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Фелица

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,

Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает,-
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.
Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.
Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.
А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,

Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.
Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.
Или великолепным цугом
В карете англинской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
сИли, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.
Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.
Нашел,- но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет,

Пашей всех роскошь угнетает.-
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?
Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле,-
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.
Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.
Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;

Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.
Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.
Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».
Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их лить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?
Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.
Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;

Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;
Которого закон, десница
Дают и милостии суд-
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?-
У трона разве твоего!
Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? —
Послушай, где ты ни живешь, -
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.
Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».
Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их лить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?
Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.
Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;

Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;
Которого закон, десница
Дают и милостии суд-
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?-
У трона разве твоего!
Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? —
Послушай, где ты ни живешь, -
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.
Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».
Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их лить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?
Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.
Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;

Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;
Которого закон, десница
Дают и милостии суд-
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?-
У трона разве твоего!
Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? —
Послушай, где ты ни живешь, -
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.
Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

Анализ оды Г.Р. Державина «К Фелице»

В 1782 году еще не очень известный поэт Державин написал оду, посвященную «киргиз-кайсацкой царевне Фелице». Ода так и называлась ***«К Фелице»***. Трудная жизнь многому научила поэта, он умел быть осторожным. Ода прославляла простоту и гуманность обхождения с людьми императрицы Екатерины II и мудрость ее правления. Но одновременно обычным, а то и грубоватым разговорным языком она повествовала о роскошных забавах, о праздности слуг и придворных Фелицы, о «мурзах», которые отнюдь не достойны своей правительницы. В мурзах прозрачно угадывались фавориты Екатерины, и Державин, желая, чтобы ода в руки императрицы поскорее попала, одновременно этого и опасался. Как самодержица посмотрит на его смелую выходку: насмешку над ее любимцами! Но в конце концов ода оказалась на столе Екатерины, и та пришла от нее в восторг. Дальновидная и умная, она понимала, что придворных следует время от времени ставить на место и намеки оды – прекрасный для этого повод. Сама Екатерина II была писательницей (Фелица – один из ее литературных псевдонимов), оттого сразу оценила и художественные достоинства произведения. Мемуаристы пишут, что, призвав к себе поэта, императрица щедро его наградила: подарила золотую табакерку, наполненную золотыми червонцами.

К Державину пришла известность. Новый литературный журнал «Собеседник Любителей Российского Слова», который редактировала подруга императрицы княгиня Дашкова, а печаталась в нем сама Екатерина, открывался одой «К Фелице». О Державине заговорили, он стал знаменитостью. Только ли в удачном и смелом посвящении оды императрице было дело? Конечно же, нет! Читающую публику и собратьев по перу поразила сама форма произведения. Поэтическая речь "высокого" одического жанра звучала без экзальтации и напряженности. Живая, образная, насмешливая речь человека, хорошо понимающего, как устроена реальная жизнь. Об императрице, конечно же, говорилось похвально, но

тоже не высокопарно. И, пожалуй, впервые в истории русской поэзии как о простой женщине, не небожителе:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом.

Усиливая впечатление простоты и естественности, Державин отваживается на смелые сопоставления:

Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.ЛАМА

И, больше того, фривольничает, вводя в оду неприличные по светским нормам того времени детали и сценки. Вот как, например, проводит свой день придворный-мурза, празднолюбец и безбожник:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой,
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю:
Полкана и Бову читаю,
Над Библией, зевая, сплю.

Произведение было наполнено веселыми, а нередко и язвительными намеками. На любящего плотно поесть и хорошо выпить Потемкина («Шампанским вафли запиваю / И все на свете забываю»). На кичащегося пышными выездами Орлова («великолепным цугом в карете англинской, златой»). На готового бросить все дела ради охоты Нарышкина («о всех делах заботу / Оставя, езжу на охоту / И забавляюсь лаем псов») и т.д. В жанре торжественной похвальной оды так еще никогда не писали. Поэт Е.И. Костров выразил общее мнение и

Анализ оды Г.Р. Державина «К Фелице»

В 1782 году еще не очень известный поэт Державин написал оду, посвященную «киргиз-кайсацкой царевне Фелице». Ода так и называлась ***«К Фелице»***. Трудная жизнь многому научила поэта, он умел быть осторожным. Ода прославляла простоту и гуманность обхождения с людьми императрицы Екатерины II и мудрость ее правления. Но одновременно обычным, а то и грубоватым разговорным языком она повествовала о роскошных забавах, о праздности слуг и придворных Фелицы, о «мурзах», которые отнюдь не достойны своей правительницы. В мурзах прозрачно угадывались фавориты Екатерины, и Державин, желая, чтобы ода в руки императрицы поскорее попала, одновременно этого и опасался. Как самодержица посмотрит на его смелую выходку: насмешку над ее любимцами! Но в конце концов ода оказалась на столе Екатерины, и та пришла от нее в восторг. Дальновидная и умная, она понимала, что придворных следует время от времени ставить на место и намеки оды – прекрасный для этого повод. Сама Екатерина II была писательницей (Фелица – один из ее литературных псевдонимов), оттого сразу оценила и художественные достоинства произведения. Мемуаристы пишут, что, призвав к себе поэта, императрица щедро его наградила: подарила золотую табакерку, наполненную золотыми червонцами.

К Державину пришла известность. Новый литературный журнал «Собеседник Любителей Российского Слова», который редактировала подруга императрицы княгиня Дашкова, а печаталась в нем сама Екатерина, открывался одой «К Фелице». О Державине заговорили, он стал знаменитостью. Только ли в удачном и смелом посвящении оды императрице было дело? Конечно же, нет! Читающую публику и собратьев по перу поразила сама форма произведения. Поэтическая речь "высокого" одического жанра звучала без экзальтации и напряженности. Живая, образная, насмешливая речь человека, хорошо понимающего, как устроена реальная жизнь. Об императрице, конечно же, говорилось похвально, но

тоже не высокопарно. И, пожалуй, впервые в истории русской поэзии как о простой женщине, не небожителе:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом.

Усиливая впечатление простоты и естественности, Державин отваживается на смелые сопоставления:

Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.ЛАМА

И, больше того, фривольничает, вводя в оду неприличные по светским нормам того времени детали и сценки. Вот как, например, проводит свой день придворный-мурза, празднолюбец и безбожник:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой,
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю:
Полкана и Бову читаю,
Над Библией, зевая, сплю.

Произведение было наполнено веселыми, а нередко и язвительными намеками. На любящего плотно поесть и хорошо выпить Потемкина («Шампанским вафли запиваю / И все на свете забываю»). На кичащегося пышными выездами Орлова («великолепным цугом в карете англинской, златой»). На готового бросить все дела ради охоты Нарышкина («о всех делах заботу / Оставя, езжу на охоту / И забавляюсь лаем псов») и т.д. В жанре торжественной похвальной оды так еще никогда не писали. Поэт Е.И. Костров выразил общее мнение и

одновременно легкую досаду по поводу удачливого соперника. В его стихотворном «Письме к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевны Киргизкайсацкой» есть строки:

Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды;
Ты простотой умел себя средь нас вознесть.

Императрица приблизила к себе Державина. Помня о «бойцовских» свойствах его натуры и неподкупной честности, отправляла на различные ревизии, заканчивающиеся, как правило, шумным возмущением проверяемых. Поэт назначался губернатором Олонецкой, затем Тамбовской губернии. Но долго не удерживался: слишком рьяно и властно расправлялся с местными чиновниками. В Тамбове дело зашло так далеко, что наместник края Гудович подал в 1789 году жалобу императрице на «самоуправство» не считающегося ни с кем и ни с чем губернатора. Дело было передано в Сенатский суд. Державина отставили от должности и до окончания судебного разбирательства обязали жить в Москве, как сказали бы сейчас, под подпиской о невыезде.

И хотя поэта оправдали, он остался без должности и без расположения государыни. Рассчитывать можно было вновь лишь на себя самого: на предприимчивость, даровитость и удачу. И не падать духом. В составленных уже в конце жизни автобиографических «Записках», в которых поэт говорит о себе в третьем лице, он признается: «Не оставалось другого средства, как прибегнуть к своему таланту; вследствие чего написал он оду «Изображение Фелицы» и к 22-му числу сентября, то есть ко дню коронования императрицы, передал ее ко двору <...> Императрица, прочетши оную, приказала любимцу своему (имеется в виду Зубов, фаворит Екатерины, – Л.Д.) на другой день пригласить автора к нему ужинать и всегда принимать его в свою беседу».

Вопросы и задания:

1. Что вам известно о жизни и творчестве Г.Р. Державина?
2. Кому посвящена ода «Фелица»? Найдите признаки жанра в этом стихотворении. В чей адрес направлена сатира Державина?
3. В чём принципиальное отличие оды Державина «Фелица» от ломоносовских од, прославлявших правителей?
4. Каковы тема и идея оды «Бог»? Можно ли назвать эту оду философской? Почему? Что говорит поэт о природе Бога? Какое место во Вселенной занимает человек?
5. Что представляет собой стихотворение «Властителям и судиям»? Каков жанр этого произведения? Кому оно адресовано? К чему призывает поэт?
6. Выучите наизусть и выразительно прочитайте стихотворение «Властителям и судиям».

Сентиментализм

Сентиментализм-это литературное течение, которое проникает в русскую культуру в конце 70-х годов XVIII века. В широком понимании, сентиментализм рассматривают как художественное явление Западной Европы (20-80-ые годы XVIII) и Российской империи. Свое происхождение термин берет от французского глагола «sentir» («чувствовать», «ощущать», «обонять»), а также его производного существительного «sentiment», который означает «чувство» или «эмоция».

Период возникновения, основоположники

Предвестниками первых сентименталистских творений в русской литературе можно считать творчество Ф. Эмина, пьесы В.И. Лукина, а также поздние сочинения Д.И. Фонвизина (создатель русской бытовой комедии). К примеру, роман «Письма Ернеста и Доравры» (1766 г.) авторства Эмина характерно наследует произведению Руссо «Новая Элоиза».

Причины развития русского сентиментализма исходят из заинтересованности в творениях западных авторов. Стоит выделить, что русские авторы интересовались текстами Ж.-Ж. Руссо, С. Гесснера, Г. Э. Лессинга, Л.-С. Мерсье, Д. Дидро, С. Ричардсона. Особую роль сыграл перевод творения И.В. Гете «Страдания юного Вертера» (первая попытка перевода на русский была осуществлена в 1781 году Ф. Галченковым), который повлиял на последующее формирование особенностей русского сентиментализма. Косвенное воздействие на становление течения осуществили прозаические переводы творений Э. Юнга, Ф.Г. Клопштока усилиями русского мистика А.М. Кутузова в 80-х годах XVIII века. Именно сентиментализм привносит культ чтения в культуру русской интеллигенции.

Сентиментализм начинает проявлять себя как литературное течение в русской литературе с 80-х годов XVIII века. К концу 10-х годов XIX века (иногда говорят о конце

второго десятилетия) сентиментализм исчерпывает себя, постепенно уступая место романтизму.

Первым литературным примером русского сентиментализма считают **«Письма русского путешественника»** прозаика, историка и поэта Н.М. Карамзина, написание которого датируется 1791-1792 годами. Произведение Карамзина имеет схожий стиль с «Сентиментальным путешествием» английского писателя Л. Стерна.

Родоначальниками русского сентиментализма считают Карамзина, О.М. Радищева, М.Н. Муравьева, И.И. Дмитриева.

Отличительные черты русского сентиментализма

Как явление литературы, сентиментализм выступает оппозицией русскому псевдоклассицизму, является предвестником романтизма. Именно сентиментализм опроверг существующее положение разума как ключевого ориентира литературного творчества, его рациональную направленность и прямолинейность, а также отбросил существующий литературный формализм. На смену разуму приходит чувство как наиболее живое и адекватное отображение реальности, самобытности человека.

В контексте сюжета, тематики и идей выделяются такие особенности:

1. Обостренное внимание к переживаниям и чувствам человека.

Сентименталисты пытались исследовать внутренний мир личности, отобразить его в своих произведениях. Переживания рассматриваются писателями как отображение самой сути человека, а потому именно их передача становится главной идеей произведений.

2. Природа как одна из главных ценностей жизни.

Вокруг красоты природы был сформирован целый культ, поскольку ее можно было рассматривать как один из ключевых истоков формирования чувств человека, как предмет эмоциональной квинтэссенции.

3. Особенности главных героев.

Главные герои являются не выдающимися личностями (царями, полководцами, повелителями), а обычными людьми, которые не владеют богатствами, не обладают знатностью или властью. Ключевыми персонажами нередко были крестьяне и/или дворяне. Главными чертами персонажей становиласт обостренная чувствительность и восприимчивость, субъективность отношения к окружающему миру. Также писатели обращают внимания на нравственную чистоту персонажей и их неиспорченность, превращая последние в своеобразный культ.

4. Идеализация быта, образа жизни, чувств и возвышение эмоций.

Сентименталисты идеализируют быт крестьян, преподнося его как сельскую идиллию и гармонию. Писатели возносят любовь и дружбу как вечные ценности, а жизнь рассматривают как скоротечный и превратный момент.

5. Наличие элементов философской антропологии, гуманизма.

Интерес к переживаниям личности породил изучение природы человека, его нравственной свободы, ценностей жизни, морали и т.д. Так, авторы рассматривали людей как самоценных, свободных с рождения, которых не должно определять собственное место в социальной иерархии сословий.

6. Просветительская направленность.

Сентименталисты ставили цель воспитать читателя, положив в основу произведений новые философские начала. Моральное усовершенствование рассматривалось как чувственное раскрепощение, достижение крайней искренности. Писатели своими произведениями давали примеры чистых побуждений, бескорыстных стремлений, неиспорченных отношений и открытого восприятия мира («как чувствуешь»). Утешение людей в их бедах и страданиях было одним из направлений творчества авторов.

7. Интерес к произведениям народного творчества.

В эпоху сентиментализма творчество народа в разных его формах приобретает особую значимость, поскольку рассматривается как выражение чистых и живых чувств.

В контексте особенностей литературных форм и характера повествования сентиментализму характерно:

1. Особой внимательностью (к мелочам и деталям быта, характера, поведения), сочувствием автора к своим персонажам, что выражается в субъективном тоне повествования.

2. Мотивы меланхоличности, безысходности, трагизма («Марьина роща» Жуковского), иногда присутствует тема самоубийства («Бедная Лиза» Карамзина).

3. Совмещение возвышенного языка и простонародной речи. Тенденция к отказу от высокопарного языка псевдоклассицизма.

4. Преобладание таких жанров, как путешествия, повести, романы, мемуары, письма, элегии и оды (в поэзии), сатира.

Во многом направления европейского и русского сентиментализма схожи. Однако русское крыло приобрело яркий национальный характер как результат влияния существующих культурных, социальных и также политических особенностей, а потому отличается:

1. Своей благосклонностью и терпимостью к существующим устоям, социально-политическим консерватизмом. Писатели пытались указать на необходимость морального совершенствования каждого человека, а не пробудить гражданскую сознательности. Авторы не писали о революционных изменениях, уничтожении института самодержавия или дворянства как сословия. Однако, они настаивали на гуманном (нередко – равном) отношении последних к низшим сословиям, придерживаясь социально-либеральной позиции и приветствуя реформы. Исключением можно назвать радикальное крыло русского сентиментализма, которое выступало за революционную трансформацию и полную отмену крепостного права. Его представители считали, что

человек не может быть свободен, если он не в состоянии самостоятельно решать свою судьбу.

2. Морализаторскими наставлениями, поучениями.

3.Пристальным вниманием к вопросам реформирования русского языка, его демократизации путем введения разговорных форм и придания речи персонажей живого характера (использование отдельных типов речи как характеристик). К примеру, использование галлицизмов для отображения речи светских дворян.

4.Воспеванием характерных русских черт — нравственности, верности, преданности, милосердия, чувствительности, исключительного сочувствия, заинтересованности и участия в помощи другому.

5. Группа карамзинистов (учеников и соратников Карамзина) образовала отдельное течение в рамках сентиментализма. Позже они оформились в известное на то время литературное сообщество «Арзамас», в которое входил и А.С. Пушкин. Карамзисты заостряли свое внимание на формировании нового русского литературного языка.

6. Если Карамзин и его единомышленники (в т.ч. подражатели) образовали **дворянское (либеральное) крыло сентиментализма**, то наиболее ярким представителем **революционного направления** стал **Радищев**. Позиция последнего была крайне радикальной и отстаивала запрет крепостного права, критиковала религиозных деятелей, посягала на величие института самодержавия и в целом отличалась диссидентством. Повесть «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 год) сразу после своего издания принесла славу автору. Однако за критические и резкие комментарии в сторону власть имущих, а также за описание жестокости обращения последних с представителями низших сословий Радищева арестовали и сослали в Сибирь.

Николай Михайлович Карамзин (1766 - 1826)

В Симбирской губернии в семье дворянина Михаила Карамзина и его супруги Екатерины Пазухиной родился мальчик в 1766 году. Назвали ребенка Николай. Мать умерла рано, и воспитанием наследника занимался отец - отставной капитан. Растить и учить мальчика грамоте ему помогали няни и гувернеры. Начальное образование Н.М. Карамзин, как и многие другие дворянские дети, получил в родовом имении. При жизни мать мальчика собрала обширную библиотеку, и Николай проводил много времени за чтением книг отечественных и зарубежных авторов. Именно здесь зародилась огромная любовь писателя к прогрессивной зарубежной литературе.

Николай Карамзин жил в имении до 12 лет, учился в Симбирском дворянском пансионе. В 1778 году отец отправляет сына в лучший по тем временам московский пансион Иоганна Шадена - учебное заведение, открытое профессором при Московском университете. Здесь Николай получает отличное образование, изучает популярные в то время в Российской империи иностранные языки (французский, немецкий). Спустя три года становится слушателем университетского курса: посещает лекции просветителя, профессора эстетики Ивана Шварца.

По настоянию отца молодой Карамзин проходит воинскую подготовку гвардейцем Преображенского полка (1783). Вскоре понимает, что служба не для него, выходит в отставку и возвращается в Симбирск. Здесь происходит одно из наиболее важных событий юности Карамзина — он становится масоном, членом ложи «Золотого венца». Спустя некоторое время будущий знаменитый литератор едет в Москву, где входит в «Дружеское ученое общество». Он много читал, общался с литераторами, писателями, среди которых были: А.М. Кутузов; Н.И. Новиков; А.А. Петров.

В этот период он пробует себя на литературном поприще - входит в число издателей первого детского российского журнала под любопытным названием «Детское чтение для

сердца и разума». Четыре года, которые писатель провел в Москве, существенно повлияли на творческое развитие Карамзина. Вот любимые авторы реформатора в те годы: Лоренс Стерн; Иоганн Гердер; Уильям Шекспир; Жан-Жак Руссо. Тогда же Николай Карамзин пробует делать первые переводы бессмертных произведений зарубежных авторов.

Писатель получил известность как литератор после выхода «Писем русского путешественника», которые опубликовал после поездки по Европе (1789–1790 гг.). Во время путешествия Николай Михайлович Карамзин восхищался Берлином; посетил Иммануила Канта, Ж.Ф. Мармонтеля, И.Г. Гердера; съездил в Лондон, Женеву, Лейпциг; побывал в Париже, где наблюдал за событиями Великой французской революции. Яркие впечатления от путешествия, которые автор изложил на бумаге, по мнению многих филологов, стали началом развития современной русской литературы. Самого Карамзина стали считать величайшим литературным деятелем именно после публикации «Писем».

Николай Карамзин, годы жизни которого после поездки по Европе неразрывно связаны с литературой и историей России, издает первое в империи периодическое литературное издание «Московский журнал». Он публикует произведения известных и молодых начинающих авторов, издает собственные труды, среди которых знаменитая повесть «Бедная Лиза». Также писатель выпускает альманахи и сборники. Вот наиболее известные из них: «Аониды»; «Мои безделки»; «Аглая». Эти работы упрочили известность писателя, сделали Карамзина лидером сентиментализма - направления в литературе, пришедшего на смену классицизму.

Поэзия Карамзина имела кардинальные отличия от традиционной русской поэзии того времени. Среди прочего наиболее существенными были такие особенности: Карамзин пишет о духовном, внутреннем мире человека, а не о физическом, окружающем мире. Объект поэзии Николая Карамзина - жизнь. Поэт сознательно избегает огромного

количества метафор и прочих тропов, для произведений использует бедные рифмы. В поэзии Карамзин признает, что любой предмет можно рассматривать с различных точек зрения.

Творчество Карамзина значительно повлияло на развитие в России литературного языка. Автор целенаправленно не употреблял церковнославянскую грамматику и лексику, а использовал в работах французский синтаксис и грамматику. Он ввел в русский язык новые слова (неологизмы, варваризмы, начал использовать букву «ё»).

В 1790-х годах у Карамзина проснулся интерес к изучению истории. Первая историческая работа автора - «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» - повесть, которая вышла в 1803 году. В это же время российский император присвоил Карамзину почетное звание историографа. После государева назначения Николай Михайлович Карамзин оставляет литературную деятельность и рьяно берется за изучение истории. Занятый этой деятельностью, он отказывается от предложенных ему постов на государственной службе. Наибольший исторический труд Карамзина - «История государства Российского» (11 томов). Последний, 12 том «Истории», который Карамзин не успел закончить, вышел уже после смерти автора. Царь высоко ценил работу Карамзина и поселил его рядом с собой в Царском Селе. К концу земного пути выдающийся литературный и исторический деятель стал непоколебимым сторонником абсолютной монархии.

Какой была личная жизнь выдающейся личности, кого любил Карамзин? Писатель длительное время (13 лет) был отчаянно влюблен в жившую в имении по соседству Елизавету Протасову. Он добился взаимности и женился на девушке только в 35 лет. Елизавета обладала редкой красотой и ангельским нравом. Казалось, супруги будут счастливы всю жизнь, но судьба распорядилась по-своему. Через год после вступления в брак Протасова родила Карамзину дочь, а затем скончалась от тяжелой послеродовой горячки. Для Николая это был один из самых сложных ударов судьбы. Позже он

писал брату, что все для него потеряло смысл и исчезло, а перед глазами осталась только могила. Память любимой жены писатель увековечил в повести «Бедная Лиза», в которой дал главной героине ее имя. Не обретя личного счастья, Карамзин решил служить Отечеству и практически переселился в обширную библиотеку князя Вяземского, который был его другом. Здесь погрузился в изучение старых трудов и создавал историю государства Российского. Напряженная деятельность помогла пережить Николаю Михайловичу тяжелую утрату, он стал замечать, что в библиотеке часто появляется очаровательная женщина. Это была Екатерина Колыванова - сестра Вяземского, незаконнорожденная дочь графини Елизаветы Сиверс и князя Андрея Вяземского. После 18-месячного добровольного заточения и печали по ушедшей жене Карамзин сделал предложение и обвенчался с Колывановой. Молодожены поклялись никогда не расставаться и сдержали клятву. В этом браке она была не только супругой и матерью девяти детей, а еще и советчицей и помощницей в его ежедневных научных трудах. Супруги всю жизнь преданно любили друг друга, и последние годы жизни Карамзина были наполнены любовью, взаимопониманием и семейным счастьем. Жизнь и творчество Карамзина оборвались в 1826 году: он умер от чахотки в Санкт-Петербурге. Многие считают, что болезнь развилась от простуды, которую Николай Михайлович получил на Сенатской площади, когда наблюдал за декабрьскими событиями 1825 года.

Так кто такой Карамзин? Это выдающийся российский историк, литератор, писатель, журналист и редактор, реформатор литературного языка. Достижения этого человека огромны, а его имя навсегда останется в истории.

Бедная Лиза

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит

пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, некотором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного *амфитеатра:* великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келий и представляю себе тех, которые в них жили, – печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все

удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах – с бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит – и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет – и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ богоматери обращает неприятелей в бегство. Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря – воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!

Саженях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обработывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, – которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей,

трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды – и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее к слабо биющемуся сердцу, называла божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила бога, чтобы он наградил ее за все то, что она делает для матери. «Бог дал мне руки, чтобы работать, – говорила Лиза, – ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживят батюшки». Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слез своих – ах! она помнила, что у нее был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. – «На том свете, любезная Лиза, – отвечала горестная старушка, на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть – что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и закраснелась. «Ты продаешь их, девушка?» – спросил он с улыбкою. – «Продаю», – отвечала она. – «А что тебе надобно?» – «Пять копеек». – «Это слишком дешево. Вот тебе рубль». – Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – еще более закраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля. – «Для чего же?» – «Мне не надобно лишнего». – «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берешь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». – Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и

хотела идти, но незнакомец остановил ее за руку. – «Куда же ты пойдешь, девушка?» – «Домой». – «А где дом твой?» – Лиза сказала, где она живет, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» – «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...» – «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не, брать даром. Ты еще не знаешь, друг мои, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своем место, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образ и молю господа бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти». – У Лизы навернулись на глазах слезы; она исцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза ее тихонько чего-то искали. Многие хотели у нее купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владей вами!» – сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своем. – На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» – спросила испугавшаяся мать, которая подле нее сидела. – «Ничего, матушка, – отвечала Лиза робким голосом, – я только его увидела». – «Кого?» – «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно. Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нем ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! – сказал он. – Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей – может быть, для того, что она его знала наперед, – побежала на погреб – принесла чистую кринку, покрытую

чистым деревянным кружком, – схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил – и нектар из рук Гебы немог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу и благодарил не столько, словами, сколько взорами. Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своем горе и утешении – о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об ее трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал ее со вниманием, но глаза его были – нужно ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блестит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором. – «Мне хотелось бы, – сказал он матери, – чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». – Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правою рукою. Старушка о охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других. – Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» – спросила старуха. – «Меня зовут Эрастом», – отвечал он. – «Эрастом, – сказала тихонько Лиза, – Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. – Эраст простился с ними до свидания и пошел. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Все Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому статься? Он барин, а между крестьянами...» – Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь – мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание ее не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ее, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась просыпалась и вздыхала. Еще до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зеленом покрове натуры. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило все творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами света. Но Лиза все еще сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. – Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза

устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, – и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: „Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей". Он взглянул бы на меня с видом ласковым – взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, прошел мимо и с пестрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум весел – взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке – Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошел к Лизе и – мечта ее отчасти исполнилась: ибо он *взглянул на нее с видом ласковым, взял ее за руку*... А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем – не могла отнять у него руки – не могла отворотиться, когда он приближился к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал ее, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящею! «Милая Лиза! – сказал Эраст. – Милая Лиза! Я люблю тебя!», и сии слова отозвались во глубине души ее, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и... Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость – Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, – смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!», и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать ее может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! – сказала она. – Всегда ли ты будешь любить меня?» – «Всегда, милая Лиза, всегда!» – отвечал он. – «И ты можешь мне дать в этом клятву?» – «Могу, любезная Лиза, могу!» – «Нет! мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь

этому нельзя быть?» – «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» – «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» – «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». – «Для чего же?» – «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». – «Нельзя статься». – «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». – «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне не хотелось бы ничего таить от нее». – Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видеться или на берегу реки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непременно видеться, Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла. На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!»– думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! – сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. – Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» – Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно, в самом деле, показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру. «Ах, Лиза! – говорила она. – Как все хорошо у господа бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все еще не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?... Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали». А

Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались – но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“, когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме – Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не знав тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». – Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, – думал он, – не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» – Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать ее. «Я люблю ее, – говорила она, – и хочу ей добра, а мне кажется, что

видеть тебя есть великое благополучие для всякого». – Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретилась с милым своим Иваном, как он полюбил ее и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться – до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» – Эраст слушал ее с непритворным удовольствием. Он покупал у нее Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза ее от слез покраснели. «Лиза, Лиза! Что о тобою сделалось?» – «Ах Эраст! Я плакала!» – «О чем? Что такое?» – «Я должна сказать тебе все. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». – «И ты соглашаешься?» – «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу ее спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» – Эраст целовал Лизу, говорил, что ее счастие дороже ему всего на свете, что по смерти матери ее он возьмет ее к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. – «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. – «Почему же?» – «Я крестьянка». – «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! – Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей – никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки ее не трогали его так сильно – никогда ее поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не

боялась – мрак вечера питал желания – ни одной звездочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная, отчего – не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал – искал слов и не находил их. «Ах, я боюсь, – говорила Лиза, – боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого! Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь? Боже мой! Что такое?» – Между тем блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. «Эраст, Эраст! – сказала она. – Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!» Грозно шумела буря, дождь лился из черных облаков – казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности. – Эраст старался успокоить Лизу и проводил ее до хижины. Слезы катились из глаз, ее, когда она прощалась с ним, «Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему счастливы!» – «Будем, Лиза, будем!» – отвечал он. – «Дай бог! Мне нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моем... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся».

Свидания их продолжались; но как все переменилось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы – одними ее любви исполненными взорами – одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, – а кто знает сердце свое, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение *всех* желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог *гордиться* и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всем, как агнец, повиновалась его

воле и в удовольствии его полагала свое счастие. Она видела в нем перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» – Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», – и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец пять дней сряду она не видала его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришел он с печальным лицом и сказал ей: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идет в поход». – Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал ее, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своем уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностию любви, спросила: «Тебе нельзя остаться?» – «Могу, – отвечал он, – но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». – «Ах, когда так,– сказала Лиза,– то поезжай, поезжай, куда бог велит! Но тебя могут убить». – «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». – «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». – «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». – «Дай бог! Дай бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе – о слезах своих!» – «Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». – «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое». – «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». – «Буду, буду думать об ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни,

помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более нежели самое себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься и с Лизиною матерью, которая не могла от слез удержаться, слыша, что *ласковый, пригожий барин* ее должен ехать на войну. Он принудил ее взять у него несколько денег, сказав: «Я не хочу, чтобы Лиза в мое отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне». – Старушка осыпала его благословениями. «Дай господи, – говорила она, – чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя еще раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!» – Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на нее. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв ее в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!...» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бледную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании. Лиза рыдала – Эраст плакал – оставил ее – она упала – стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся – далее – далее– и, наконец, скрылся – воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя – и свет показался ей уныл и печален. Все приятности натуры сокрылись для нее вместе с любезным ее сердцу. «Ах! – думала она. – Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет

моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертию своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!» – Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: «У меня есть мать!» – остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. – С сего часа дни ее были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце ее! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь в густоту леса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стенанием. Но иногда – хотя весьма редко – златой луч надежды, луч утешения освещал мрак ее скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как все переменится!»– От сей мысли прояснялся взор ее, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. – Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем что бы купить розовой воды, которою мать ее лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретилась ей великолепная карета, и в сей карете увидела она – Эраста. «Ах!» – закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дому, как вдруг почувствовал себя – в Лизиных объятиях. Он побледнел – потом, не отвечая ни слова на ее восклицания, взял ее за руку, привел в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, – он положил ей деньги в карман, – позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и поди домой». – Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его – но язык мой не

движется – смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? – Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства – жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» – вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна Добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести ее в память. Несчастная открыла глаза – встала с помощию сей доброй женщины, – благодарила ее и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, – думала Лиза, – нельзя! О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную! Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» – Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость – осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, – кликнула ее, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке – они не краденые – скажи ей, что Лиза против нее виновата, что я таила от нее любовь свою к одному жестокому человеку, – к Э... На что знать его имя? – Скажи, что он изменил мне, – попроси, чтобы она меня простила, – бог будет ее

помощником, – поцелуй у нее руку так, как я теперь твою целую, – скажи, что бедная Лиза велела поцеловать ее, – скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее, побежала в деревню – собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы *там*, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо много шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза навек закрылись. – Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле. – Теперь, может быть, они уже примирились!

Вопросы и задания:

1. Что принципиально нового внёс в русскую литературу сентиментализм? Перечислите писателей-сентименталистов в России и в Западной Европе.
2. Как вы думаете, почему сентиментализм, в отличие от классицизма, просуществовал недолго?
3. Назовите известные вам заслуги Н.М. Карамзина как историка и писателя.
4. В чём заключалась новизна повести «Бедная Лиза» в конце 18 века?
5. Почему повесть «Бедная Лиза» начинается с пейзажа? Какова функция пейзажных описаний в начале произведения?
6. Что известно о Лизе в начале повести? Почему Карамзин наделяет её только положительными качествами?

7. Как произошло знакомство Лизы и Эраста? Чем девушка привлекла его внимание? Приведите цитаты.
8. С чем были связаны сомнения Лизы в начале её отношений с Эрастом?
9. Когда Лиза поняла, что влюблена?
10. Почему отношения героев развиваются столь стремительно?
11. Почему Лиза поддаётся соблазну? Можно ли её за это осудить?
12. С какого момента начинается разлад отношений влюблённых? Кто, по вашему мнению, виноват в этом разладе?
13. Почему Эраст решился на безрассудную трату денег и враньё? Как вы оцениваете его поступок? Можно ли его оправдать?
14. Был ли неизбежен трагический финал в повести?

Как выражено в повести авторское отношение к героям

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Система жанров Древнерусской литературы 8
Летописание 14
«Сказание о Борисе и Глебе» 37
«Слово о полку Игореве» 51
«Хождение Афанасия Никитина за три моря» 78
«Повесть о Петре и Февронии Муромских» 103
«Повесть о Шемякином суде» 122
«Повесть о Фроле Скобееве» 126
«Повесть о Савве Грудцыне» 141
«Повесть о Горе и Злосчастии, как горе-Злосчастие довело молотца во иноческий чин» 161
Классицизм как литературное направление 174
Жизнь и творчество М. Ломоносова 177
Оды М. Ломоносова 191
Жизнь и творчество Д. Фонвизина 208
Недоросль 211
Жизнь и творчество Г. Державина 278
Оды Г. Державина 294
Сентиментализм как литературное направление 298
Жизнь и творчество Н.М. Карамзина 303
Бедная Лиза 306

Рахманов Б.Р., Джураева Н.М., Джураева М.М.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII-XVII ВЕКОВ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ-ХРЕСТОМАТИЯ

Toshkent - "METODIST NASHRIYOTI" - 2024

Muharrir: Рахманов Б.Р.

Texnik muharrir: Tashatov Farrux

Bosishga 10.10.2024.da ruxsat etildi.
Bichimi 60x90. "Cambria" garniturasi.
Ofset bosma usulida bosildi.
Shartli bosma tabog'i 21. Nashr bosma tabog'i 20,5.
Adadi 100 nusxa.
"METODIST NASHRIYOTI" MCHJ matbaa bo'limida chop etildi.
Manzil: Toshkent shahri, Shota Rustaveli 2-vagon tor ko'chasi, 1-uy.

+99893 552-11-21

Nashriyot roziligisiz chop etish taqiqlanadi.